

Следы на воде

мир колодцев - книга 1

Роман Суржиков

Мир колодцев

Роман Суржиков

Следы на воде

«ИП Головин»

2026

Суржиков Р.

Следы на воде / Р. Суржиков — «ИП Головин», 2026 — (Мир колодцев)

Каталия и Дангар: два государства – два разных мира. Сила слова против мощи пушек, меритократия против рабовладения, наука и техника против веры в чудо. Альваро да Силва – каталиец: успешный писатель, любовник и отчасти авантюрист. В неудачном дуэльном споре он теряет все свои деньги. Нищета вынуждает его принять заказ на биографическую книгу о пяти весьма нетривиальных людях. Чтобы написать книгу, Альваро должен раскрыть их секреты и распутать нити тайн, уходящие в прошлое. Дитрих фон Дорт служит в дангарской артиллерии. Ему повезло: родился не камнем, а орлом – дворянином. Вот только он невысок и мягкотел, чины и награды обходят его стороной. Дитрих сомневается в себе и думает об отставке. Как тут перст бога прикасается его судьбе.

© Суржиков Р., 2026

© ИП Головин, 2026

Содержание

Предисловие	5
Один равен семи	7
Три залпа картечью	15
Больше славы, больше славы	32
Штайн	41
Мертвец – это прекрасно!	52
Награда за подвиг	63
Честнейший человек	74
Зорге ум дихь	87
Учитесь писать о войне	95
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Роман Суржиков

Следы на воде

Предисловие

Хорошая книга должна начинаться с экспозиции. Это особый, волнующий миг тишины, когда ничего еще не случилось, но все готово начаться. Герой стоит на пороге приключений и сам еще не знает о том. Он видит себя хозяином собственной жизни, уверенным наездником, оседлавшим судьбу. Но в следующий миг налетит вихрь событий, вырвет его из седла и понесет навстречу неизведанному. Что ждет героя? Великая любовь? Кровавая война? Раскрытие мировых тайн?.. Никто не ведает, ибо последняя минута предсказуемого бытия уже осталась в прошлом.

Я люблю вспоминать эту минуту из своей жизни. С ясностью вижу тогдашнего себя: полного сил, дерзкого, наивного – и уже занесшего ногу для шага в водоворот приключений. Позвольте показать и вам сию картину.

Меня зовут Альваро Флорес да Силва.

Флорес – имя моего рода, богатого поэтами, литераторами и драматургами. Мой дед Рикардо – единственный из рода Флорес, кому удалось создать шедевр литературы и вписать свое имя на Свиток. Я твердо намерен стать вторым.

Мне тридцать три года. Я хорош собой: карие глаза, чувственные губы, смоляные волосы до плеч. Если б я писал стихи, то был бы обречен пройти путь ловеласа. Презирая всякого рода обреченность, я сделался прозаиком.

На моем счету четыре романа. Первый принес внимание читателей, второй и третий – славу, четвертый (изданный в прошлом месяце) – весьма приятный гонорар. Вот уже две недели я не только талантлив и знаменит, а еще и богат. Слишком много достоинств, чтобы сложить их к ногам одной-единственной сеньориты. К счастью своему, я холост.

Левую руку украшает серебряный браслет маэстро искусства. Недурно для тридцати трех лет, но к тридцати пяти надеюсь на большее. Следующая книга выйдет подлинным шедевром, и я сменю серебряный браслет на золотой. Дон Альваро да Силва – чертовски хорошо звучит!

На моем поясе в кобуре блестит рукоятью чудо оружейной техники – шестизарядный револьвер. Люблю стрелять, но лишь для удовольствия. Никогда не проливал кровь – ни свою, ни чужую. Моя единственная дуэль окончилась взаимными извинениями.

В эту минуту я прогуливаюсь по бульвару Дель Торо в самом сердце Лаэрти. Со мною верный друг Фернан Герейра, и Люсиль – его жена с недавних пор. Я питаю к ним самые теплые дружеские чувства, хотя и с маленьким оттенком превосходства, ведь брачные кандалы уже сковали их, а я свободен, как альбатрос над волнами. Фернан и Люсиль желают изменить мир к лучшему и, как им кажется, знают действенный способ. В два голоса они излагают план политических реформ, а я люблюсь тем, как плавно они передают слово друг другу.

Весеннее солнце клонится к закату, розовеют кроны каштанов и мраморные статуи мирн на крыше галереи Элисте. На бульвар высыпает парочки, влекомые романтическим зовом. Бойко звенят копытами конные экипажи. Изредка, чадя гарью, проезжают паровые тарактелки, и гуляющие дамы в белых шляпках забавно морщат носы. Мальчишки-газетчики пристают к прохожим:

– Купите «Вестник»! Паровые станки вытесняют обреро. В Лаэрте массовые увольнения рабочих. Новое чудо техники – моторы “Эсперанца”. Свежие новости! Купите «Вестник»!

А на ступенях Гранд Опера вьется очередь за билетами, и пестрые афиши кричат: «Премьера «Сеньориты Фиалки». Впервые за год на сцене прославленный дон Филиппе!»

Вот с этой минуты и берет начало наш сюжет.

Немало уважаемых мною людей найдут себя на страницах этой книги. Я не хочу давать себе, как персонажу, какие-либо преимущества над ними. Потому дальнейшее повествование пойдет не в первом, а в третьем лице.

Один равен семи

– Мой друг Альваро, эсфера Искусств защищает тебя от приземленных мирских бед, словно башня из белого камня. Но если, движимый альтруизмом, ты подойдешь к бойнице и окинешь взглядом житие простых людей, то не укроешься от истины: мир несправедлив.

Фернан Герейра работал уличным переписчиком. Он не только переносил на бумагу устные слова малограмотных обреро, но и сам сочинял подписи к открыткам, поздравления и любовные послания. В силу привычки речь его была цветиста и излишне приправлена пафосом.

– Со времен Первого Судьи, нашей страной правит Высокий Стол. В нем представлена каждая эсфера: крестьяне и ремесленники, солдаты и прислуга, люди искусства и тени...

– Альваро знает, – ввернула Люсиль.

– О, разумеется! Но его знание не должно мешать моей речи. Ради гладкости логической цепи я могу иной раз упомянуть общеизвестные факты, да простит меня друг. Итак, каждая эсфера имеет представительство за Высоким Столом, и это неоспоримо разумно. Но вот что вызывает мои сомнения: почему каждую эсферу представляют ровно три аллена? Эсфера Искусства насчитывает от силы сто тысяч человек, крестьянская эсфера – никак не меньше шести миллионов. Три аллена Искусства отстаивают интересы всех своих подданных; три аллена земледелия заботятся обо всех своих. Поделим три на сто тысяч, а затем три на шесть миллионов – и придем к математически доказанному выводу: каждый крестьянин получает гораздо меньше представительства за Высоким Столом...

Его речь была прервана громким пыхтением самоходной повозки. А когда она, в клубах пара и дыма, скрылась за углом Гранд Опера, Альваро да Силва ответил Фернану:

– Все это весьма разумно, но я не понимаю одного: почему мы обсуждаем мелочи, вроде политики, а не мой свежий литературный триумф?

– Мой друг, я не способен назвать мелочью счастье миллионов людей! Даже жемчуга твоей словесности не смогут утешить тех, кто не имеет денег на обучение грамоте и покупку книг.

– Да, но мы-то, к счастью, не входим в их число. И я совершенно не против обсуждения реформ, но был бы рад, если б вы уделите минутку и сказали очень коротко, насколько вам понравилась книга.

– Мы уже говорили, – сказала Люсиль.

– Всего лишь мельком, как форму вежливости. Я даже запомнил, когда это было...

– В первый же день после издания. Фернан хвалил тебя все время обеда, а я – за чаем и кофе. Также мы послали тебе открытку, исписанную мелким почерком, и цветы с лентой: «Лучшему писателю столицы». Желаете прибавить к этому салют из двадцати мортир?

Люсиль была нянькой и обладала талантом, необходимым в работе с детьми: умением говорить доходчиво.

– Ладно, сдаюсь, – поднял руки Альваро. – Я не могу припомнить автора, коего испортила лишняя похвала, но коль не хотите – не буду настаивать. Имею иное предложение: давайте сходим в оперу! В субботу премьеры «Сеньориты Фиалки». Видимо, нынче разберут все места. Мы скрасим беседой время в очереди, купим билеты за мой счет – и вскоре насладимся бархатным голосом дона Филиппе.

– Альваро, услышь кого-нибудь, кроме себя. Например, нас.

– Я слушаю столь внимательно, что даже в очереди за билетами не упущу ни слова!

Люсиль назвала его несносным. Фернан раскритиковал друга за политическую глухоту и заново пустился в объяснения. Необходима реформа Высокого Стола. Количество представителей сословия за Столом должно быть пропорционально численности сословия. Только так

можно избежать ущемления многочисленных эсфер: крестьянства, ремесленников и обслуги. Лишь тогда славная страна Каталуня станет одинаково славной для всех.

Альваро да Силва не был глух. Он уже слышал мысли друга и вполне уловил суть – просто не был согласен. Он считал: Каталуня устроена мудро, и никакие реформы не сделают лучше. Но стоит сказать об этом, как начнется спор, а нынешний вечер слишком хорош для политических дебатов. Альваро недавно разбогател, и прекрасное чувство открытых возможностей согревало его душу. Он хотел сделать для друзей что-нибудь приятное – скажем, купить дорогие билеты в Гранд Опера. Не хотят слушать пение? Пускай. Тогда, быть может, на прогулку под парусом? Снова нет. А если просто пойти в ресторан?

– Друзья, простите, что снова перебиваю, но у меня разыгрался аппетит. Я знаю неподалеку прекрасное заведение, позвольте пригласить вас.

Идею встретили с радостью. Фернан взял с Альваро клятву, что пищеварение не мешает ему думать о реформах, и трое друзей отправились на ужин. Заведения вокруг Гранд Опера соперничают в ценах, а этот ресторан был одним из фаворитов гонки. Впрочем, изысканная кухня и роскошный зал, украшенный фресками, вполне стоили того. Альваро сделал заказ на всех, чтобы друзья не беспокоились о ценах. Велел подать бутылку красного аланского вина – одного из самых крепких в меню. Фернан поднял первый тост: за любовь. Так было принято у них с женою – первым делом пить за любовь. Оба с сочувствием глянули на холостого Альваро.

Веселое настроение просило хмеля, и да Силва поспешил со вторым тостом.

– Я поднимаю этот бокал... – он сделал паузу, Фернан и Люсиль успели подумать, что Альваро снова начнет хвалиться книгой. С улыбкой на устах он обманул их ожидания: – За ваше блестящее будущее на политической стезе!

Друзья выпили, и тут неподалеку раздался кашель – сухой и наигранный, того сорта, каким надменные люди привлекают внимание. Альваро обернулся. За соседним столиком ужиная одинокий сеньор. Клиновидная борода и острые усики выделялись на его лице, а невыразительные глаза странным образом терялись из виду.

– Чем могу служить? – спросил да Силва.

– Простите за беспокойство, маэстро. Это заведение – для высших рангов искусства и права.

Альваро поднял руку с серебряным браслетом:

– Именно так я и думал, сеньор.

– Тысяча извинений, – сказал сосед тоном, исключаящим желание извиниться, – к вам, маэстро, я не имею претензий. Однако с вами ужинают двое обреро...

Внезапно да Силва вспомнил то, что совсем забылось за годы дружбы. Он – маэстро искусств, и лишь на ступеньку отстоит от высшего общества. Но Фернан и Люсиль – всего лишь обреро, работяги, и не в эсфере искусства, а в обслуге. Наемная нянька и уличный переписчик. Формально говоря, они ему не ровня.

Видимо, эта мысль отразилась на лице Альваро, и Фернан с женой заметили. Фернан опустил глаза, Люсиль покраснела и потянулась за сумочкой, чтобы покинуть ресторан. Альваро испытал обжигающий стыд – и накинулся на сеньора с мутными глазами:

– Какое вам дело до тех, кто ужинает со мной? К великому счастью, они – мои друзья, а не ваши. Если не имеете друзей, держите зависть при себе.

Тот провел пальцами по бородачке, как бы заостряя ее. Где-нибудь в мире метафор то была не бородачка, а шпага.

– Маэстро, всем известна мудрость: один равен семи. Вы привели с собою на ужин две седьмых человека. Вы должны понять мое возмущение: если б за столиком со мною сидел разрубленный на части мертвец, вы бы тоже лишились аппетита.

Кровь ударила в лицо да Силве. Да, он жил в башне из белого камня и не умел отвечать на открытое хамство. Зато всегда, в любых сюжетах, обожал сцены дуэлей.

Альваро поднялся, попробовал стянуть с руки перчатку, но ее не было, так что он просто положил ладонь на рукоять револьвера.

– Сеньор, вы оскорбили моих друзей. Я вас вызываю.

Глаза Фернана и Люсиль расширились от испуга, Люсиль воскликнула: «Не нужно!» Разумеется, Альваро даже не думал стрелять прямо здесь – в белом районе. Никому не пришла бы в голову такая мысль! Сперва сеньор с бородкой найдет себе секунданта (что будет сложно – при его-то понятиях о дружбе). Потом они поедут в ближайший черный район, например, в старый порт. Выберут место где-нибудь среди волнорезов и гнилых остовов кораблей. Проверят пистолеты, обсудят правила. Все это время малодушный сеньор будет бояться за свою жизнь. А под конец, при роковых словах: «К барьеру!» – он не выдержит и попросит прощения. Так представлял себе развитие событий Альваро Флорес да Силва.

Однако ошибся: сеньор струсил прямо сейчас.

– Дуэль? Никак невозможно! Простите, маэстро, я ошибочно принял вас за каталийца. Мы, исконные жители Каталонии, не зря зовемся людьми слова. Наши конфликты решаются словами, а не пулями. Вызовите меня на дуэльный спор, и я с радостью дам сатисфакцию.

Да Силва расплылся в ухмылке. Дуэль на пистолетах этот тип уже проиграл – поскольку побоялся принять вызов. Осталось добить его словами, чтобы полностью уничтожить.

– Сеньор, я просто оказал вам снисхождение, – с насмешкою молвил Альваро. – Да будет вам известно: я – опытный писатель, и владею словом гораздо лучше, чем огнестрельным оружием. В дуэльном споре вы будете разгромлены страшнее, чем полчища Фаид-мусы великим Лидом Антеодором. Даю вам шанс одуматься и принести извинения.

– Пожалуй, я рискну, – ухмыльнулся господин с туманными глазами.

Лишь теперь Альваро заметил на его руке браслет с черной змеей. Сеньор был мастером права, одним из подручных Фатимы-аллен. Надо полагать, его язык столь же изворотлив, как змея на браслете. Но все же, ему далеко до блестящего литератора!

– Какую ставку желает храбрый сеньор? – осведомился да Силва. – Как на счет тысячи эскудо золотом? В случае победы, которая неминуемо будет моею, я отдам деньги друзьям, коих вы оскорбили.

– Нет, маэстро, такая ставка меня не устроит. Не знаю, насколько вы цените тысячу эскудо. Быть может, это для вас ничтожная сумма, а я хочу, чтобы вы ощутили горечь поражения. Я ставлю месячный доход.

Не скрывая торжества, Альваро глянул на друзей. Мерзавец с мутными глазами струсил настолько, что поставил лишь месячное жалование! Он сам уже знает, что обречен проиграть!

– Сеньор, мне жаль тратить время на такую безделицу, как доход за один месяц. Я пойду на это лишь затем, чтобы проучить вас. Завтра в шесть вечера жду в Палате Слова.

– Мне предпочтительно в три по полудни.

– Согласен.

– До скорой встречи, маэстро, – поклонился мерзавец и вернулся к еде.

Альваро с друзьями засиделись до поздней ночи, и он больше их не беспокоил. В короткое время окончил ужин, надел серую шляпу с черной летной на тулье – и ушел прочь.

* * *

Те, кто не бывал в Лаэрте, смогут представить себе Палату Слова, если вообразят гигантскую перевернутую гроздь винограда. Черенок – это центральная башня, а ягоды – сферические залы для дебатов. Чем выше по «черенку», тем меньше становятся «ягоды». Залы нижнего яруса рассчитаны на сотни человек; зал на вершине с трудом вместит дюжину. Всего залов-ягод

не то тридцать один, не то тридцать семь. Простое число – конечно, как же иначе. Усиливая сходство с виноградной гроздью, центральная башня слегка изгибается по высоте, и верхняя «ягодка» нависает прямо над площадью. Исполинское сооружение целиком состоит из сфер, арок и дуг, не имея ни единого прямого угла. Трудно поверить, что это чудо построено руками людей – а не выросло из семени, как цветок или дерево.

Помимо архитектурных красот, Палата Слова хороша и тем, что в ней всегда можно найти нужных людей. Согласно кодексу Первого Судьи, для дуэльного спора необходимы следующие лица: арбитр, сами дуэлянты либо их заместители, а также присяжные числом не менее пяти. Присяжные должны быть незнакомы с обоими дуэлянтами, либо, напротив, знать обоих в равной степени. Арбитр, конечно, должен носить браслет эсферы права.

Каждый день десятки, если не сотни лаэртян желают разрешить свои противоречия. Большинство обращается в Палату Слова. Здесь всегда дежурят арбитры, готовые наблюдать спор. Также вокруг Палаты ошиваются толпы бездельников и зевак, желающих побыть присяжными. Присяжные не получают денег, но охотно идут сюда просто ради зрелища. Палата Слова – тот же театр, только бесплатный. На здешних сценах бушуют самые разнообразные страсти. Случаются трагедии: когда ставкою в споре служит браслет эсферы или даже человеческая жизнь. Бывают и комедии, когда предмет спора смешон. А уж какие драмы разыгрываются при расторжении брака или дележе наследства!..

Противники встретились в большом холле Палаты Слова. Сеньор с туманными глазами прохаживался вдоль стены, увешанной портретами величайших судей, и рассматривал не живопись, а собственные ногти. Альваро да Силва подошел к нему, слегка приподнял шляпу и кивнул с издевательской небрежностью. Сеньор ответил:

– Маэстро снова с друзьями? Вы неразлучны...

Фернан и Люсиль, конечно, пришли поддержать друга. Их противник, как и вчера, был в одиночестве.

Все вместе прошли в зал регистраций и обратились к свободному секретарю. Он записал имена дуэлянтов, и лишь теперь Альваро узнал: противника зовут Винсенте Рамирес да Римини. Также кратко вписали предмет спора и размер ставки – месячный доход побежденного.

– Ожидайте, сеньоры, – велел секретарь и дал поручение приставу.

Тот вышел на улицу и объявил:

– Назначен спор между писателем и мастером права! Судейский оскорбил друзей литератора! Писатель жаждет сатисфакции! Кто желает в присяжные?

Пять человек нашлось без труда. Писатель – редкая изюминка, любопытно посмотреть.

Секретарь записал имена присяжных и выделил зал для поединка, где уже ожидал арбитр. Тот нахмурился при виде Винсенте Рамиреса – своего коллеги по цеху.

– Сеньоры, боюсь, мне придется взять отвод. Я знаком с сеньором Винсенте...

Затем арбитр присмотрелся к Альваро и просиял:

– К счастью, я знаю и вторую сторону. Маэстро Флорес, я прочел три первые книги и вчера приобрел четвертую.

– Польщен, – поклонился Альваро.

Арбитр положил руку на кодекс Первого Судьи:

– Клянусь, что знаю обоих участников спора как достойных людей слова и не питаю предвзятости ни к одному из них. Прошу присяжных сообщить о своем отношении к дуэлянтам.

Никто из присяжных не был испорчен любовью к литературе и романов да Силвы не читал. Правда, один как-то видел в суде Винсенте Рамиреса, но только издали и без знакомства. Так что к обоим дуэлянтам присяжные были одинаково равнодушны.

Арбитр велел им скинуть шляпы и дать клятву беспристрастности, а потом разместил их на предписанной скамье. Альваро с друзьями сел в левой половине зала, Винсенте Рамирес – в правой. Когда все были готовы, арбитр сказал:

– Предлагаю сторонам изложить свое виденье дела. Кто выступит первым – пускай определит беспристрастный случай.

Он крутанул флюгерок, стоящий на судейском столе. Стрелка сделала несколько оборотов и указала в левую половину зала.

– Вам слово, маэстро да Силва.

Тут стоит заметить, что Альваро не особо готовился к спору. Исход поединка представлялся очевидным, потому маэстро посвятил утро более приятным делам. Прочел несколько писем от читателей и свежую рецензию в газете. Кульминационную главу из книги рецензент назвал «жемчужиной драматизма в оправе изящных описаний». Альваро перечитал главу и нашел, что рецензент полностью прав, хотя мог бы выразиться более красноречиво. Затем он расположился на балконе с чашечкой кофе. Внизу, на улочке, стучали каблуки прохожих, задорно позвякивали конские подковы. С моря дул легкий бриз, принося аромат соленой волны. В этой приятной обстановке Альваро написал ответы читателям, и с двойным удовольствием – ответы читательницам. Потом сходил пообедать в небольшую таверну. Она располагалась в столь укромном дворике, что оставалась незамеченной большинством прохожих. Дабы завлечь посетителей, хозяин нанял музыканта. Альваро поглотил паэлью под звуки селезских романсов – одновременно и страстных, и тоскливых. Унылая страсть – экий феномен природы!

Потом он спохватился: приближалось время спора. Чтобы поднять боевой настрой, да Силва зашел на задний двор своего дома и двенадцать раз выстрелил в мишень на стене. Две пули попали точно в яблочко, остальные тоже не вызвали стыда. Альваро счел себя готовым к поединку и направился в Палаты Слова...

– Сеньоры и сеньориты, – начал он свою речь, – я не готовил хитроумных доводов и сложных аргументов. Мой случай настолько очевиден, что стоит просто изложить ход событий, как все вы убедитесь в моей правоте.

Так он и поступил: метко и красноречиво описал вчерашний вечер. Трапеза с друзьями втрое вкусней, чем в одиночестве, и потому он, как всякий честный человек, желал поужинать в компании. Никто из трех друзей не досаждал сеньору Винсенте, а вот он сразу держался возмутительно: не назвал себя и не поздоровался, а начал беседу издевательским «простите». Со всею очевидностью, он был просто в дурном настроении и искал повода сорваться на ком-либо. Браслеты обреро на руках Фернана и Люсии послужили не больше, чем предлогом для ссоры, которая началась бы в любом случае.

– Я убежден, сеньоры, что вы согласитесь: такое поведение недостойно мастера права. Потому я нахожу себя оскорбленным, как нашел бы любой из вас на моем месте.

Довольный собою, Альваро да Силва вернулся на место. На лицах присяжных читалось сочувствие. Они были людьми невысокого звания и легко могли представить, как их самих выставляют на улицу из заведения для знати. Либо – как вельможный тип срывает на них злобу. Ни то, ни другое не пришлось по нраву присяжным.

– Слово сеньору Рамиресу, – сказал арбитр.

Мастер права поднялся, отвесил поклон присяжным и произнес:

– Сеньор да Силва с полной точностью изложил ход событий. Готов подписаться под каждым его словом: все было именно так.

Не только присяжные, но даже арбитр озадачился:

– Вы признаете и то, что были в дурном настроении, отчего сорвались на друзей сеньора да Силвы?

– Признаю, ваша честь. Вчера я был вызван к вышестоящей и получил разнос по служебным делам. После чего мой ужин протекал в прескверном состоянии духа.

– Вы согласны с тем, что ваше поведение было недостойным?

– Большею частью – да, ваша честь.

– Стало быть, вы готовы уступить сеньору да Силве победу в данном споре?

Винсенте помедлил, огладив бородку.

– Еще нет, ваша честь. Сеньор да Силва прав почти во всем, но одна деталь подлежит уточнению... – Он повернулся к Альваро. – Маэстро, как вы и сказали, я вел себя невежливо от начала беседы. Но вы возмутились и бросили вызов лишь после определенных слов. Не напомните ли их?

– Один равен семи, сеньор. Вы сказали, что я привел в ресторан не целого человека, а две седьмых части.

– Верно ли, что именно эти слова оскорбили вас, став причиной нынешнего спора?

– Так и есть.

– Вы подвергаете их сомнению?

– Разумеется!

Рамирес кивнул, подчеркнув важность последней реплики.

– Таким образом, весь корень конфликта – в одной моей фразе, суть которой проста: человек не равен другому человеку. Ценность одного может превышать ценность другого в семь раз, и даже больше. Но вот в чем загвоздка, сеньор: как раз это высказывание полностью отвечает истине! Вы лукавите, отрицая его. Не станете же вы всерьез заявлять, будто люди равны друг другу.

Теперь Альваро почувал угрозу. Но победа была уже близка, следовало лишь дожать.

– Конечно, равны, сеньор Рамирес! Всякий человек обладает разумом, чувствами и членораздельной речью, что роднит всех людей между собой, и одновременно – отделяет их от прочих живых существ. Любой человек в равной степени является гордым творением Древних!

Винсенте будто этого и ждал, держа отповедь наготове.

– Вот встречный пример, маэстро. Все корабли, влекомые ветром, зовутся общим словом «парусник» и являются гордыми творениями судостроителей. Все они обладают мачтами и парусами, что роднит их между собой, а также отличает от пароходов и гребных лодок. Но никто в здравом уме не станет утверждать, будто яхта, шхуна и фрегат равны друг другу.

– Они различаются количеством мачт, палуб, пушек. Но у каждого человека – две руки, две ноги, одна голова, и так далее.

– Стало быть, маэстро, дело лишь в числе конечностей? Будь у вас одна рука, вы считали бы себя менее ценной личностью? А если где-нибудь в семье кровосмесителей родится урод о трех руках – он станет сверхчеловеком?

Альваро огрызнулся:

– Сеньор, вы передергиваете! Я никого не зову сверхчеловеком, это делаете вы. Я же отстаиваю равную ценность людей.

– А на каком основании? По какому критерию ценность людей – одинакова? Назовите же его! Вес, рост, цвет волос или глаз?.. Ремесло, титул, сан, принадлежность к эсфере?.. Возьмите любой из этих критериев – и убедитесь, что люди не равны друг другу!

– Каждый человек имеет разум и чувства.

– Вам достаточно лишь факта наличия? Количество разума вас не занимает? Бродяга, пропивший мозги, и первый магистр академии Наук – равны между собою? Вы, знаменитый писатель, и дурачок, с трудом освоивший букву «а» – стоите на одной ступени?! Полно, маэстро, вы же сами не верите в это.

Здесь чертов Винсенте попал прямо в точку. Альваро всегда считал себя крайне талантливым парнем и ни в какой иной день, кроме нынешнего, даже не подумал бы ставить себя на одну ступень с бездарностями и глупцами. Но теперь, вступив в бой, жаждал сражаться до победы.

– Вот вам встречный пример, сеньор: взгляните на младенцев. Они не умны, не сильны, неспособны к труду, но любой достойный человек ценит и бережет их. Это доказывает, что никакие объективные критерии не важны. Достаточно самой принадлежности к человеческому роду, чтобы быть наделенным ценностью!

Винсенте потер ладони, словно радуясь возможности отбить еще одну атаку.

– Маэстро, давайте-ка уточним значение слова «ценность». Разумный человек защищает ребенка от болезни и смерти – то бишь, желает, чтобы тот жил. Но ценит ли он самого ребенка, как субъекта и личность? Спросит ли, например, совета у младенца? Поручит ли ему важную работу? Станет ли кланяться ему при встрече? Наконец, отпустит ли в ресторан, снабдив большой суммой денег? Нет, маэстро! Ценно лишь выживание ребенка, но не его личность или права.

– Каждый человек в равной степени может защитить свои права путем дуэльного спора. Это сказано Первым Судьей, а не мною!

– Ваша правда, маэстро: каждый может поспорить. Но успехи у всех будут весьма различны. Например, вы с треском проиграете, а я одержу блестящую победу.

Мысли Альваро заметались в отчаянье. Действительно, он проигрывал. Красноречие и логика противника завоевали симпатию присяжных. Зал любовался каждым словом Винсенте. Но нет, рано сдаваться! Должен, должен найтись решающий довод. Хотя бы в чем-то – хоть в одном! – люди должны быть равны друг другу!

– Любовь! – победно выкрикнул Альваро. – Каждый человек способен любить, и каждый достоин быть любимым! Смерть самого последнего негодяя оплатит хотя бы одна женщина!

Это прозвучало сильно. Все притихли, ожидая ответа.

Винсенте не торопясь открыл саквояжик и извлек несколько газет. Одну из них Альваро читал не далее, как нынешним утром: там была напечатана рецензия на его книгу.

– Весьма иронично, маэстро, что вы привели любовь как довод. Прошу каждого в этом зале подумать: как много людей любят вас? Сеньоры присяжные, я полагаю, любимы супругами и детьми. Сеньору Люсиль Герейра любят ее воспитанники. Меня... боюсь, никто, кроме кота.

По залу пробежали смешки. Винсенте продолжал:

– Но наш маэстро Альваро да Силва – известный писатель. Вот несколько строк из отзывов на его книги. «Молодой отпрыск семьи Флорес покоряет сердца читателей». «Романы, полные чувственного блеска, никого не оставляют равнодушным». «Половина образованной публики Лаэртс уже влюблена в творчество маэстро, а второй половине еще предстоит сей роман».

Он хлопнул ладонью по газете:

– Половина образованной публики! Тысячи человек любят маэстро Флореса и его творчество! Его любят больше, чем всех остальных в этом зале, вместе взятых! Так позвольте же спросить: кто кому равен по критерию любви?!

Альваро понял, что проиграл. Присяжные окончательно склонились к мнению противника. Он побарахтался еще немного, привел пару слабеньких доводов – которые лишь закрепили триумф Винсенте.

– Признаю себя побежденным, – процедил Альваро, не дожидаясь унижительных результатов голосования.

Присяжные зааплодировали. Винсенте отвесил поклон, почти избавленный от сарказма. Фернан похлопал друга по плечу: мол, не унывай, ты сражался, как лев.

Арбитр записал и огласил результат спора:

– Маэстро Альваро Флорес да Силва проиграл поединок, не найдя весомых аргументов в защиту своей точки зрения. По условиям дуэли, он должен выплатить сеньору Винсенте Рамиресу да Римини сумму в размере своего месячного дохода, каковой составляет...

Арбитр задержал перо, с вопросом глядя на Альваро.

– В этом месяце я получил гонорар за книгу в размере семи тысяч эскудо.

Кое-кто в зале присвистнул. Альваро поспешно добавил:

– Конечно, роман написан не за один месяц! Я затратил целый год, то бишь, пятнадцать месяцев. Если разделить семь тысяч на пятнадцать...

– Одну минуту, маэстро, – вмешался Рамирес. – Вы совершаете математическую операцию, которая зовется вычислением среднего. Но разве мы условились о средне-месячном доходе? Мне помнится, о месячном.

– Так и записано, – подтвердил арбитр.

– Под таким лично я понимаю доход за текущий месяц. А вы, сеньоры присяжные?

И вот теперь Альваро да Силве стало совсем не до шуток.

– Нет, погодите! Я трудился над романом весь год! Это годовой доход, а не месячный!

– Маэстро, позвольте спросить: если бы в этом, последнем месяце книга не была издана, – вам заплатили бы хоть эскудо за предыдущие четырнадцать? Хоть кто-нибудь купил бы книгу, не дописанную до конца и не отпечатанную на бумаге?

– Но послушайте, сеньор...

– А если когда-либо – надеюсь, в скором времени, – тот же самый роман будет переиздан, вы снова скажете, что год трудились ради гонорара? Нет, просто получите новую сумму в один день! Так не лукавьте же, маэстро: семь тысяч эскудо – доход того дня, когда они получены.

Рамирес обвел взглядом присутствующих – и не нашел возражений на лицах.

– ...каковой составляет семь тысяч эскудо, – арбитр дописал вердикт. – На выплату суммы сеньору Флоресу дается трехдневный срок.

Все начали расходиться. Присяжные посмеивались, видя несчастную мину Альваро. Фернан и Люсиль пытались утешить друга. Винсенте Рамирес откланялся:

– Премного благодарю за поединок.

Последним к Альваро подошел арбитр.

– Маэстро, вы совершили ошибку: дали поймать себя в капкан. Никогда не позволяйте дуэли скатиться к прописным истинам. Как только оспорили «один равен семи» – вы были обречены.

Альваро выдал слова благодарности. Арбитр сказал:

– Не буду оригинален, маэстро: я восхищаюсь вашим творчеством. Надеюсь, у вас достаточно сбережений?..

Три залпа картечью

«Полковнику артиллерии Вальтеру Герлаху

Герр полковник, желаю вам доброго здоровья и твердой руки!

Ниже привожу характеристику на вверенного моему командованию Дитриха фон Дорта, и заранее благодарю Вас за время, уделенное ознакомлению с нею.

Поручик Дитрих Вольфганг фон Дорт, двадцати трех лет от роду, происходящий из сословия орлов, однако безземельный и малокаменный, поступил на службу в моей батарее в качестве командира второго взвода. Ему содействовало рекомендательное письмо из Артиллерийской академии им. Кайзера Фердинанда II, где отмечались его успехи в математике и баллистике, а также верность учению божьему. Я мог убедиться в правоте этой оценки: при первых же стрельбах фон Дорт показал себя пригодным командиром. Но в ходе службы под моим началом он проявил и ряд других качеств, с коими считаю нужным ознакомить Ваше Высочорodie.

Прежде всего, внешность фон Дорта не имеет тех достоинств, каковые обычно присущи офицерам Его Императорского Величества. Рост фон Дорта составляет всего два с третью аршина, что придает ему малозначимый вид. Его нос имеет форму картошки; маленький подбородок не дает намека на волевые черты; цвет глаз не подлежит определению. В его фигуре прискорбным образом выделяется округлое брюшко. Только наличие мундира позволяет распознать в этом человеке поручика. Будучи одет в статское платье, он ничем не выдавал бы принадлежности к командному составу.

В своем поведении фон Дорт избегает лихости и бравады. С офицерами вежлив и улыбчив, не гневается на шутки касательно малого роста, не склонен участвовать в дуэлях. Будучи высмеян, начинает малодушно хихикать вслед за насмешником. Кажется равнодушным к дамскому вопросу. После взятия Плотвы не воспользовался правом на отдых, хотя женщины для реализации права имелись в достатке.

Отдавая приказы рядовым, фон Дорт имеет дурную склонность обдумывать слова. Для одного мышления ему порою требуется пауза в речи, которую он заполняет звуком “амм”. В конце фразы может прибавить вопросительное “да?..”, как бы выражая сомнение в собственных словах. Своему денщику Милошу поручик позволяет много лишнего, вплоть до прямых споров. За эти вольности Милош ни разу не получил порку – ни шпирутеном, ни плетью.

При общении фон Дорт проявляет особенное чувство юмора. Его шутейки отличаются по свойству от тех, что производятся большинством офицеров. Шутки фон Дорта вызывают не смех, а необходимость задуматься, и оставляют подозрение в наличии скрытого смысла.

Чести ради, я далек от желания обвинить поручика в крамоле. Несомненно, этот человек предан Богу и Его Величеству. Однако он поблажлив к своей мягкости и слишком внимателен к собственным мыслям. Я не питаю уверенности, что карьере Дитриха фон Дорта следует давать ход.

*Премного благодарю Вас за внимание. Да будет твердой рука Вашего
Высокородия!
С глубоким уважением, штабс-капитан Клаус фон Зейдвист”.*

Моросил мерзенький олландский дождик. Поганец не лил, как из ведра, да и вовсе не лил, а будто бы стоял в воздухе, однако проникал и под шлем, и под плащ, и за воротник мундира. Обойдя позиции четырех орудий, Дитрих вымок до нитки. Вернулся к своему шатру, откинул полог, уселся, выставив наружу ноги в облепленных грязью сапогах. Сейчас бы горячего чаю со шнапсом и переодеться в сухое, а перво-наперво – разуться.

– Милош, подойди-ка. Помоги снять сапоги.

Денщик подошел, обозрел обувь Дитриха и возразил:

– Может, не надо, герр поручик?

– Глупость ты сказал, и сам не заметил. “Не надо, герр поручик” – это разве не абсурд? Коли я – поручик, то мне и решать, что надо, а что нет.

Милош исполнил приказ и принялся стаскивать сапог с ноги господина. Однако продолжил спор:

– Еще увидите, герр поручик: не нужно разуваться. Погода какая стоит? Знамо, какая: дождяра. Земля раскисла? Так точно, дерьмище по щиколотку. Босиком идти можно? Никак нет, боже упаси. Выходит, случись чего – изволь обуться обратно.

– Что ж может случиться, а?

– То ли одно, то ли другое, а не дай господь, и третье. Война – штука серьезная. Не мешок с сухарями.

– Война, говоришь? – Дитрих усмехнулся. Приставил руку козырьком над глазами, будто высматривал кого: – Война-ааа! Где прячешься? А ну, выходи!

Ответом ему были мирные звуки вечернего лагеря. Стучал топор, плескала вода, солдаты болтали за чисткой картошки, фельдфебель Шахт распекал кого-то – но душевно, без злобы. Да еще из близкого леса долетал неспешный отсчет кукушки.

Война ушла на восток. Откатилась разметанная при Плютве олландская пехота; ускакали, теряя перья, петушливые гусары. Преследуя их по пятам, промаршировали полки Хофмайера и Курцлебена, прокатились несметные обозы, пропыхтели составы. Война убралась по своим делам... Лишь кое-что обронила по дороге.

Одна батарея была выставлена на холме у полустанка. Перевалочная станция оборудована складами угля и цистернами воды, весьма важными для паровозного движения. А рядом, извольте видеть, густой лес, в коем возможно скрытное накопление сил противника. В виду оных обстоятельств необходимо обеспечить прикрытие железнодорожного узла... То есть – было необходимо две недели назад. Теперь бои гремели далеко на востоке, а батарея осталась торчать в глубоком тылу, у развалин какой-то деревни, на холме между железкой и сонным лесом. А также – рота фузилеров, заодно с батареей.

– Вот скажи, Милош, раз уж в умники вырядился: может ли быть, что нас просто забыли?

Денщик выставил за порог грязный левый сапог и сказал с достоинством:

– В умники я не рядился, просто жизнь повидал. Говорю, что знаю, а чего не знаю – о том промолчу. На ваш вопрос ответчу с полным знанием дела: ни в коем случае не может.

– Ты сам подумай: тут не дивизия, не полк, а всего-то одна батарея, да еще рота стрелков. Кому охота помнить о таких мелочах?

– Кому положено, те и помнят.

– Или вот что возможно: чтобы нас забрать, нужно послать состав. Целый поезд – ради нас одних, тут же ничего больше нету. А поезд – ценный ресурс, ему всегда найдется лучшее применение. Да?..

Крякнув на последнем рывке, ординарец стащил второй сапог.

– Вы не унывайте, герр поручик! Вспомнят, заберут, привезут куда надо. Еще навоюетесь!

Дитрих снял чулки и стал разминать руками мокрые пальцы ног.

– Тут ты ошибся, знаток жизни: ничуть я не унываю.

– Еще как унываете, герр поручик. Я же вижу. Думаете: на фронте хорошо – чины, ордена, сражения. А здесь – только жопу студить.

– Мои мысли далеки от подобного хода.

– Да такие и есть ваши мысли, какие ж еще! Вы – молодой орел, вам бы парить над полем брани, а не в тылу прозябать. Но вы не печальтесь, а поверьте: скоро все изменится к лучшему! Еще понюхаете пороху, послушаете канонаду, блеснете отвагой. Совершите подвиг, получите ранение. Даст бог, лишитесь руки или даже глаза. Говорю вам: все наладится!

– Милош, открою тебе тайну. Только смотри, никому не проболтайся: я рад, что мы не участвуем в боях.

Это была чистая правда. Дитрих радовался тому, что за целый месяц батарея не произвела ни одного выстрела и не убила ни одного олландца. Каждый вечер он просил Сеятеля, чтобы так было и впредь. Причиной странных молитв поручика был не страх перед врагом (хотя присутствовал и он), а нечто более постыдное: совесть. Болезненность и беспокойство души, возникшее с первого дня олландской кампании, Дитрих тщательно скрывал от сослуживцев. Даже Милошу – доверенному и любимому слуге – поручик мог сказать правду лишь одним способом: замаскировав иронией. Ожидаемо, денщик принимал все за шутку.

– Утешаете себя, герр поручик? Вряд ли поможет... Лучше я вам чаю сварю. От чая на душе тепелеет.

Но выпить горячего чаю Дитриху не довелось. Раздались твердые быстрые шаги, полог шатра отлетел в сторону. Адъютант командира батареи возник в проеме, свысока уставясь на Дитриха:

– Поручик фон Дорт!

– Как будто я...

– Герр штабс-капитан передает приказ! Вы должны проинспектировать позиции пехоты. Дитрих моргнул.

– Амм... я должен?

– Так точно!

– Почему же я?.. Как я с пехотой-то связан?

Адъютант выпятил челюсть:

– Приказ штабс-капитана! Смеее возразить?!

Адъютант был орленком из прославленного рода, но по должности и званию уступал Дитриху. На его дерзость стоило бы ответить: “Не вам меня поучать, юноша. Говорите вежливо или ступайте ко всем чертям”. Однако Дитрих не умел давать сдачи.

– Никак нет, просто хочу понять...

– Понимать не обязаны. Приступайте к выполнению! А также – принесите воды.

– Амм... виноват?

– Приказано доставить воды! Герр штабс-капитан желает помыться, а вода кончается.

Источник внизу. Честь имею!

Адъютант развернулся кругом – капли с подола плаща брызнули Дитриху в лицо, – и зашагал прочь.

– Я вам говорил, – поучительно молвил Милош, – не надо снимать сапоги.

Лысый холм торчал между лесом и железной дорогой. У подножия холма прежде был хутор, в котором жили углежог и лесорубы. Одни валили деревья, другие пережигали в уголь и продавали с ближайшего полустанка. Теперь хутора нет – лишь остовы изб, черные ямы,

да стайка могильных горбиков в стороне. К немалой радости Дитриха, это случилось без его участия. Когда батарея пришла сюда, хутор уже был уничтожен.

Стрелковая рота состояла из трех взводов. Два взвода охраняли саму железнодорожную станцию, а третий стоял у подножья холма, прикрывая артиллерийскую батарею. Именно его следовало проинспектировать, спустившись вниз по склону.

– Держитесь, герр поручик, – денщик подал Дитриху руку.

Он принял помощь. Дорога раскисла от дождя, того гляди поскользнешься и съедешь вниз на заднице. Сгущались сумерки, на севере покрывался тьмою лес, с юга донесся свисток паровоза.

– Не слышал ли ты, Милош, молвы о том, как нужно инспектировать пехоту?

– Разве вы не знаете?

– Ты же помнишь, сколько я лет служил в пехотном полку! Лет десять – рядовым, еще столько же – инспектором...

– Хе-хе. На счет осмотра строевых частей я имею общие знания. Инспектирующее лицо должно, по моим сведениям, построить солдат, пройти вдоль шеренги, сделать страшное лицо и громко заорать. Смысл слов тут не сильно важен, главное – устрашение. Можно сказать: фузеи нечищены, сапоги не блестят, пуговка оторвана. Устав забыли, сволочи! Устав писан не мелом, а кровью. Всем бы вам всыпать соленых плетей!

– Примерно так и я представлял. Еще бы какую-то тонкость, а?

– Понюхайте, не пахнет ли кто шнапсом.

– Если да – спросить, где взял?

– Хорошо бы было.

Взвод фузилеров располагался у подножия холма, среди руин деревни. Согласно уставу, который не мелом писан, батарее полагается пехотное прикрытие. В случае внезапной атаки противника, стрелки задержат супостата и не дадут прорваться на холм, а пушки сверху накроют картечным огнем. Правда, внезапным противником тут давно не пахло – ну, и слава Сеятелю...

Дитрих выругался, вступив в глубокую лужу. Донесся окрик часового:

– Стой, кто идет?

Поручик назвал и потребовал командира взвода. Его провели.

Внутри остова одного из домов уцелела печка. В ней пылал огонь, пара солдат колдовала над варевом, а дюжина сидела за столом, жадно наблюдая за готовкой. Тут же был и командир взвода – унтер-офицер Гельб. При появлении старшего по чину он вскочил и рявкнул:

– Взвод – смирррно!

Солдаты подхватились, выронив ложки.

– Вольно, – сказал Дитрих. – Мне приказано... амм... командир батареи приказал мне провести смотр вашего подразделения, да?

Пытался говорить твердо, но не вышло. Среди фузилеров был лишь один вольный – Гельб. Остальные являлись рабами, о чем явственно говорили камушки на шеях. Тем не менее, Дитриху было неловко: люди только собрались ужинать, как тут он – явился, не запылится...

– Прикажете построиться, герр поручик?

– Неплохо бы.

Унтер-офицер проорал приказ, камни похватили фузеи и кинулись строиться прямо тут, в избе. Гельб обозвал их тупыми свиньями и выгнал на улицу, отвесив нерасторопным пинка под зад.

На улице выбрали место, еще не накрытое тенью холма. Под яростные крики унтера взвод образовал шеренгу. Гельб вытянулся в струну перед поручиком и доложил, что все бойцы на месте, потерь нет, герр поручик может проверить по списку. Больных тоже нет, только Гетлаф

глух на одно ухо, но он всегда таким был. И на Берга напала срачка, но он в строю, ибо срачка службе не помеха.

Пришло время выступить Дитриху. Глядя на камней, он не испытывал никакого желания орать. Были это люди битые и топтанные жизнью, всякого повидавшие, горечи хлебнувшие. Крик офицера – тем более, столь мягкого, как Дитрих – ничем бы их не удивил. Все равно, что пугать половицу, наступив на нее пяткой.

– Здравствуйте, бойцы, – сказал фон Дорт.

– Здравия желаем, герр поручик!

– Сейчас я осмотрю ваше оружие и обмундирование.

Он подошел к крайнему стрелку:

– Дай свою фузею.

– Так точно, герр поручик! – прокричал солдат так, что заложило уши.

– Молодец, – похвалил Дитрих.

– Рад служить кайзеру! – выкрикнул солдат, но от радости забыл исполнить приказ.

Дитрих протянул руку, камень спохватился и вложил в нее свое оружие. Поручик осмотрел: фузея как фузея, начищена, ствол блестит. Взвел и спустил курок – ходит гладко, щелкает бойко. Проверил подсумок с пулями и развесами пороха – тоже, вроде бы, все в порядке... насколько мог судить офицер из артиллерии.

Перешел к следующему, осмотрел фузею, а также мундир. Оружие в исправности, одежда слегка испачкана: пятна на вороте и на манжетах. Ну, при такой-то погоде и сам Дитрих не образец чистоты.

– Гррязная свинья! – заорал на солдата унтер Гельб. – Отчего форма в пятнах?! Десять плетей!

– Отставить, – запретил Дитрих и шагнул к следующему камню.

И вот теперь заметил любопытное: солдат улыбался. Широко и благодушно, будто счастлив был видеть поручика.

– Чему ты радуешься?

– Так точно, герр поручик! – крикнул солдат, еще шире расплывшись в улыбке.

– Позвольте пояснить, – вмешался Гельб. – Это Спасение, он блаженный.

– Спасение?..

– Так его все зовут. Так и в список внесен.

– Откуда прозвище?

Унтер-офицер повернулся к солдату:

– Ответь: чем окончится война?

Устав предписывает лишь один ответ: «Победой великого кайзера! Наша служба – наша гордость!» Но солдат вышел за рамки устава:

– Спасение придет. Будем воевать, воевать, а потом господь всех спасет и избавит от мук.

Унтер-офицер подытожил:

– Извольте видеть, герр поручик: он дурачок. Учили его говорить как положено, да без толку. Прикажете наказать?

– Ни в коем случае, что вы... Боец, скажи: кого именно спасет бог?

– Всех до единого! И вас, герр поручик, и меня, и унтер-офицера, и генерал-фельдмаршала.

– А неприятеля – тоже спасет, да?

Солдат задумался в поисках ответа.

– Бог – вседобрый и всемилостивый. Не может он спасти врагов. Хороших людей спасет, а врагов – никак нет.

Дитрих ухмыльнулся, слегка завидуя солдату. Вот, оказывается, как просто договориться с совестью...

– Благодарю за службу, боец.

Он двинулся дальше вдоль шеренги, без вопросов миновал пару солдат, проверил аммуницию третьего, обронил похвалу... А перед четвертым остановился и стал разглядывать. Чем-то этот камень привлекал внимание. Быть может, чертами лица? Резко очерченные скулы, темные цепкие глаза, черные волосы – не похож на дангарца. Но это и не диво: каждый третий камень – иноземец. Много их пригоняют из походов... Как вдруг Дитрих заметил, и поморгал от удивления. На шее этого стрелка не было цепи!

Всем рабам положено носить цепочку, а на ней – святую ношу. Они носят, и ворот держат расстегнутым, чтобы было видно. Больше того, гордятся своим камушком: это же символ божьей любви и заботы. «Кто камень носит, того пуля не скосит». «Молодым кремень таскал – старым на печи лежал...» Но этот солдат не имел цепи.

– Ты что... амм... вольный?

– Никак нет, – сказал стрелок и расстегнул мундир.

Затем расстегнул рубаху, развел в стороны. Дитрих увидел свою ошибку: цепь все же имела, только иного рода. Шею стрелка опоясывал тонкий бурый рубцеватый шрам – такие остаются от сильных ожогов. Шрам состоял из колечек, соединенных одно с другим. Он мог появиться лишь одним способом: на шею рабу надели раскаленную докрасна цепь. Концы шрама спускались от шеи к груди. Там, где обычно висит защитный камушек, у этого человека багровела надпись «НЕ УБИЙ», выжженная на коже каленым железом.

– Святые души... – выронил Дитрих.

Стрелок пожал плечами:

– Не болит.

Он заметил сочувствие Дитриха. Чтобы скрыть свою мягкость, поручик велел:

– Фузею к осмотру!

Солдат сказал, протягивая оружие:

– Все исправно, герр офицер, но это неважно. Я никогда не стреляю.

Он говорил с иноземным акцентом и, видимо, путал слова. Дитрих уточнил:

– То есть, не стрелял прежде, да?

Вмешался унтер:

– Позвольте пояснить, герр поручик. Он неспособен убивать, так его воспитали. Будучи поставлен в боевой строй, производит выстрелы не в сторону врага, а в небо.

– Интересненькое дело! Зачем же он здесь?

– Герр поручик, это самый ценный солдат моего взвода. Силен, как бык, и вынослив, как паровоз. Перенести провиант, наколоть дров, вырыть землянку – всю грубую работу делает за троих! Стрелять надо редко, копать – часто, а копает он как сто чертей с лопатами!

– То есть, амм... лучший боец взвода – это человек, неспособный убивать?

– Так точно, герр поручик!

Теперь зависть Дитриха стала болезненной.

Он велел стрелку застегнуться и осмотрел прочих бойцов. Они не вызвали интереса, да и, по правде, стемнело так, что впору спутать фузею с мушкетом.

– Смотр окончен. Все в порядке, возвращайтесь к ужину.

– Благодарим, герр поручик! – ответил Гельб.

– Наша служба – наша гордость! – хором прокричал взвод.

– Да, чуть не забыл. У нас кончается вода, а у вас тут источник. Выделите пару солдат с ведрами. Ну, чтобы донести, да?..

– Так точно. Неубий!

Стрелок со шрамом вышел из строя.

Блаженный подпрыгнул на месте:

– Я, я, можно я!

– Ты тоже, – согласился унтер.

Колодец располагался самым странным образом из возможных: внутри холма. Сбоку в склон было врыто строение: то ли амбар, то ли холодный погреб. Фасад торчал наружу, нутро уходило вглубь холма. Теперь фасад развалился, но подземные помещения уцелели. Пройди в щель между обрушенных балок – и попадешь туда.

Дитриху не было нужды забираться в эту нору, однако из интереса он пошел вслед за стрелками. Задев маячками просевший потолок, добрались до колодца. Тот не имел ограды – просто дырка в полу, над которой подвешена лебедка. Милош светил фонарем, пехотинцы принялись за дело. Спасение ревностно завладел лебедкой. Когда повесил ведро на крюк и принялся крутить рукоять, на лице его отразилось счастье.

– Водичка – божья сестричка! В водице наше спасение!

Неубий подавал и принимал ведра, Дитрих с Милошем – ждали. Настал лучший момент, чтобы поговорить.

– Скажи-ка, – спросил Дитрих, – ты правда неспособен убить человека?

– Правда.

– А если случайно? Скажем, стрелял в руку, но попал в грудь?

– Я совсем не стреляю в людей.

– А если... амм... я прикажу?

– Виноват, герр поручик.

Многим офицерам на месте Дитриха захотелось бы испытать его на прочность. Приставить пистолет к затылку, сказать: “А ну, убей того камня, или я тебя!..” Дитрих в этом смысле отличался от других офицеров.

– Ты понимаешь, боец, что твоя особенность – это редкая привилегия? Вот я не могу не убивать: прикажут – открою огонь. И Милош выстрелит по приказу, и Спасение, и Гельб, и каждый дангарец на сотни верст вокруг. Даже генералы отличаются лишь тем, что бьют чужими руками, а не своими. Но ты, солдат, имеешь право не убивать! Возможно, ты один такой во всем нашем войске!

– Не я так решил, – процедил стрелок, коснувшись шрама на груди.

– Да, твой прежний хозяин был очень жесток. Тебя подвергли безжалостной пытке. Я сочувствую тебе, но также и завидую. Ценой прежних мучений ты получил право выбора! Я не выбираю, убивать или нет. Ты – можешь!

– Ошибаетесь, герр офицер. Я тоже не выбираю.

Дитрих склонил голову, в полумраке присматриваясь к этому человеку.

– У тебя забрали одно, но возместили другим. Отняли волю, зато дали право быть хорошим человеком. Думаю, тебе повезло: обычно нас просто лишают чего-нибудь, без возмещения.

Стрелок ухмыльнулся, обнажив зубы:

– Поменяемся, герр офицер?

Дитрих спросил с удивлением:

– Неужели ты бы согласился? Тебя же сделали безгрешным! Разве отдал бы это за мое положение?

– За свободу.

– Ошибаешься, солдат. Какая у меня свобода...

Тем временем блаженный извлек последнее из шести ведер и сообщил:

– Есть водица, герр поручик! Славная водица!

Дитрих повернулся к нему:

– Теперь ты мне ответь. Бог спасет всех, кроме наших врагов, да?

– Конечно! Бог всемогущ!

– А муаров и каталийцев – тоже спасет?

– Божьей милости на всех хватит.

– Ты же знаешь, что они не верят в нашего Сеятеля?

Спасение выпучил глаза:

– Виноват, герр поручик... Как это так?

– Вот так и есть. Муары верят в Черную Деву, а каталийцы – в каких-то... амм... морских чудищ. Вот и вопросец: при этом условии бог их все равно спасет?

Спасение мучительно задумался, от натуги скривив лицо в гримасу. Дитрих отметил:

– Говорят, что ты блаженный дурачок. Однако ты способен искать ответ путем размышлений. Редкий камень обладает таким умением.

– Он вас не понимает, – сказал Милош.

– Я и не надеюсь... Так что, Спасение, нашел ответ? Бог спасет муаров и каталийцев?

Блаженный встрепенулся:

– Понял, герр поручик! Муаров он спасет, а каталийцев – нет.

– Почему же?

– Вы сказали, каталийцы любят чудищ. Вот и не нужно им спасения! А у муаров – хотя бы дева. Они еще не совсем пропащие.

Дитрих кивнул с уважением.

– Твоя логика сомнительна, однако это логика. Но вот тебе третий вопрос – посмотрим, как справишься. Сеятель спасет всех дангарцев – то бишь, и камней в том числе?

– Конечно, герр поручик.

– А как быть с тем, что камни уже спасены?!

Солдат молча уставился на поручика.

– Неужели ты и этого не знаешь? Как же ты веришь, скажи на милость? Или вовсе в церковь не ходишь? – Дитрих процитировал на память из писания: – “Больше всех живущих душ любовью Моей обласканы камни. В щедрости Своей я избавил их от бремени ответа за поступки, мук принятия решений, сомнений поиска пути и места в жизни. Ни зайцы, ни орлы не имеют подобного счастья. От всего, что утруждает душу, лишь камни спасены по воле Моей”.

Блаженный еще помолчал несколько вдохов и, наконец, дал ответ:

– Верую в Сеятеля и все слова Его. Как Он сказал, так вы и повторили...

– Значит, камней больше не нужно спасать! Верно?

Дитрих ощутил злорадство от того, что смог озадачить солдата. Больно просто тебе жить, братец: на всякий вопрос есть ответ, совесть не болит, враги плохие, а всех хороших спасет бог... Нет уж, попробуй на вкус сомнения. Ощути себя в моей шкуре!

– Водичка-сестричка... – промямлил блаженный, глядя в ведро, будто желая оттуда почерпнуть ответ.

– Вода не поможет, сам думай. Спасет тебя Сеятель, или уже спас?

Спасение скорчился, как от боли, прижал кулаки к вискам. Все смотрели с любопытством: выжмет ли мысль?

Вдруг блаженный просиял и от радости плеснул водой себе в лицо.

– Водичка спасет! Сеятель нас уже спас, а водичка еще спасет!

– Что?.. Да это же чушь! Сеятель – всемогущий, он сам спас камни от всего, чего можно!

– Вот и нет, герр поручик! Сеятель не от всего спас, а только от того, что в писании сказано. От мук решения и бремени того-сего, и сомнений разных. А случится еще какая беда – тут уже водичка поможет!

Дитрих фыркнул:

– Ловкач ты, солдат. Это не ответ, а чистая хитрость. Ну да ладно, задержались мы тут...

Он отдал приказ, трое камней подняли шесть ведер и понесли в расположение батареи.

Когда добрались до шатра штабс-капитана, стояла уж крошечная тьма. Однако фон Зейдвист еще не спал и, к несчастью, был совершенно трезв.

– Где вас носило, поручик?

– Разрешите доложить: по вашему приказу организовал доставку воды, а также провел... инспекцию пехоты. Взвод находится в...

– Вода нужна была час назад. Вы опоздали. Приказы должны исполняться бегом, а не прогулочным шагом.

– Виноват, герр штабс-капитан.

– Швершайзе! Вы на службе, а не в парке с дамочками!

– Виноват, герр...

– Это кто такие?

За плечами Дитриха стояли Неубий и Спасение. Их присутствие делало разнос весьма унизительным для поручика.

– Лучшие бойцы взвода прикрытия, герр штабс-капитан.

– Выглядят как пара кретинов.

– Никак нет, герр штабс-капитан! Лучшие солдаты стрелкового взвода. Удостоились высокой чести принести вам воды!

фон Зейдвист выпятил челюсть:

– Это насмешка, поручик?

– Никак нет! Я бы не посмел!

– Доставить мне воды – высокая честь? Вы сказали это всерьез?

– Так точно, герр штабс-капитан!

– Значит, завтра вы ее удостоитесь. На рассвете принесете десять ведер. Лично, без помощи камней.

* * *

Для человека, рожденного в сословии Орлов, открыты три прекрасных возможности. Первая требует земельных владений. Коль ты не унаследовал земли, имеются два пути. Для одного из них необходимы камни. Если в твоей собственности их мало, а то и вовсе нет – остается одна дорога: стать офицером на службе кайзеру.

Это рассуждение Дитрих часто добавлял к своим молитвам в прежние дни, при осаде Плютвы. Имперская артиллерия без усталости работала по городским укреплениям. Главный урон наносили мортиры, но и три пушки Дитриха фон Дорта делали кое-что. Их выдвинули в захваченный бастион, который располагался на возвышенности. Дистанция огня возросла, бомбовые ядра рвались прямо на улицах города. “Сеятель сделал меня орлом, – говорил себе Дитрих, – но не дал ни земли, ни камней. Сеятель хотел, чтобы я стал офицером. Это его решение, а не мое”.

Молитвы поручика принесли плоды. Господь послал послабление: после взятия Плютвы батарея застряла в тылу на полустанке. В полку поговаривали, это из-за штабс-капитана Зейдвиста, а точнее – его нежной привязанности к шнапсу. Когда решалось, кого из батарейных командиров оставить в безнадежной дыре, герр полковник выбрал наименее ценного. Но Дитрих благодарил Сеятеля: теперь он, Дитрих, не обязан говорить то слово, после которого погибнут люди. А скверный характер командира и унизительные поручения – это ладно, к этому не привыкать...

На рассвете поручик быстро оделся и выпил чашку чая. Когда выбрался из палатки, денщик вручил ему пару ведер.

– Амм... я дотащу два сразу?

– А с одним бегать десять раз вместо пяти. Вы уж постарайтесь, герр поручик. Поверьте в себя, вы же – орел!

– Чем умничать, помог бы, да?

– Запрещено начальством. Зато могу пособить духовно. Вы будете нести, а я – подбадривать: уже треть склона прошли, осталось всего две трети!

Поручик любезно отказался от помощи, денщик все равно увязался следом. Стояло промозглое утро, на небо напоззали тучи, обещая скорую слякоть, у подножья холма ключьями лежал туман. Ничего, скоро согреюсь, – подумал Дитрих. Во всем есть светлая сторона: вниз – легко, вверх – тепло. Придумать бы только, что соврать пехоте, чтобы не потешались всем взводом.

Они спустились с холма и вошли в полосу тумана. Вчерашняя лужа еще не высохла, Дитрих снова вступил в нее. Милош подбодрил:

– Не волнуйтесь, герр поручик, это только один сапог. Скоро весь целиком взмокнете...

Дитрих остановился. Что-то было странно. Чего-то как будто не хватало.

– По дороге-то наверх и пропотеете как следует, и ведро на себя опрокинете. Что ж из-за одного сапога...

– Будь добр, помолчи, – попросил Дитрих.

Стало совсем тихо. Неправильно тихо...

Постойте: а где часовой?

– Вахта, отзовись! – крикнул поручик.

Тишина.

– Я поручик Дитрих фон Дорт. Кто стоит на часах?

И снова – ни звука.

Спину пробрал морозец. Умом-то он понимал, что бояться нечего: врага нет и за тридцать верст, а рядом, в двух шагах – свои пехотинцы. Спят где-то здесь, в развалинах хутора. Дрыхнут, как сурки, проспали подъем – вот и вся беда. Но от странной тишины становилось тревожно.

– Шайзе... Проснитесь уже!

И вдруг он услышал звук. Из той самой избы, где вчера варили ужин, донеслось не то бульканье, не то мычание. Таким был этот звук, что рука Дитриха сама потянулась к поясу. Только не было при нем ни шпаги, ни пистолета: оставил всю тяжесть ради проклятых ведер...

– Я посмотрю, – сказал Милош.

– Амм... нет, я сам.

Не имея оружия, Дитрих поднял перед собой ведро. Смысла в том было мало – любая пуля прошибет ведро навывлет. Но все же, спокойнее... Прикрываясь ведром, он подошел к избе и сунул голову внутрь.

У дальней стены, возле печки сидел на полу человек. Слава богу, он не представлял опасности: спал, повесив голову на грудь. Но странное дело: обе руки торчали над головой.

Дитрих шагнул к нему, чтоб рассмотреть получше. И похолодел, когда понял, кого видит. То был унтер-офицер Гельб. “Стр-рройтесь, сволочи! Как смеешь, свинья!..” Ладони Гельба были гвоздями прибиты к стене. Ступни – приколочены к полу. Нижняя челюсть – раздроблена в месиво. Он был без сознания, но дышал. В такт дыханию из дыр между зубов выступала пена.

– Ыыы! – раздалось сбоку.

Дитрих вздрогнул и обернулся. В другом углу также сидел человек – не прибитый, а лишь привязанный к лавке. Кляп во рту не давал ему говорить. То был Спасение.

– Мать честная!.. – выкрикнул Милош, зайдя в избу.

– Амм?..

Дитрих посмотрел на него с вопросом, надеясь, что денщик, как обычно, даст совет. “Надо сделать то и это, герр поручик...” Но Милош молчал, выпучив глаза. На такой случай у него советов не имелось.

– Развяжи камня... – решил, наконец, Дитрих. – Нет, отставить. Лучше стой на часах, смотри вокруг.

Милош выскочил на улицу, а поручик подошел к солдату. Развязал руки, выдрал кляп изо рта.

– Шайзе, трижды шайзе! Что тут произошло?

Спасение облизал губы, закашлялся хрипло. Дитрих понял, что нужно. Схватил ковш воды, влил солдату в рот. Промочив пересохшее горло, блаженный смог говорить:

– Беда, ох беда, герр поручик! Проклянет их бог, не будет им спасения...

Дитрих встряхнул его за плечи:

– Скажи ясно: что случилось?

– Сбежали они... Бог накажет, ох беда... Герр поручик, все сбежали!

– Кто сбежал?

Дитрих умом понял ответ: где был взвод – теперь тихо, ни звука. Но не улеглось, не принялось на веру.

– Кто сбежал, а?

– Ну, люди наши... Камушки... Все, кроме меня и герра унтер-офицера.

– Как это возможно? Камни не бегают!

– Не могу знать, герр поручик. Просто убежали... Я говорил: нельзя, не будет вам спасения! Сказал: останьтесь лучше, испейте водицы. Водичка – богу сестричка... Нет, не послушали.

– И Гельба тоже они, да?

– Они, бедолаги, не видать им спасения... Я кричал: что ж вы делаете, изверги? Или на вас камушка нет?! – Спасение сжал рукой камень на шее. – Но нет, они сделали свое... А меня связали, чтобы не мешал.

Дитрих плеснул водой себе в лицо. Что ж за абсурд творится? Камни – не убегают. Камни стоят, где велено, и идут, куда сказано. Камни строятся в полный рост и идут под барабанный бой навстречу вражеским пулям. По ним лупят картечью – они идут. Их рубит конница – они идут. У камней нет своей воли, лишь воля командира!

Как же они сбежали? Притом – целым взводом!

Был среди них ровно один чужак, способный размышлять, – и он-то как раз остался!

– А ты... амм... почему не сбежал?

Спасение хлопнул глазами:

– Как можно, герр поручик! Сеятель проклянет!

– Хорошо, что остался. Поможешь. Сделаем так...

Дитрих замешкался, не зная, что приказать. Никто не учил его на подобный случай.

– Амм... значит, ты займешься Гельбом. Сможешь выдернуть гвозди и перевязать раны?

– Ой... Герр поручик, у него же ох беда...

Спасение в ужасе глядел на изломанную челюсть.

– А ты ох-беду не трогай, этим займется хирург. Только освободи его и завяжи дырки от гвоздей, да?

– Слушаюсь... Я, этого, попробую.

Дитрих вышел на улицу и встал возле Милоша. В голове гремело: как это возможно? Камни же! Положишь – лежат, поставишь – стоят...

И главное: что теперь делать? Вчера осмотрел этот самый взвод и не заметил проблем. Никаких, клюв мне в печенку! А теперь целый взвод убежал! Тут не отшутиться, тут не какое-нибудь “виноват, искуплю”...

– Милош, – спросил поручик, – что мне делать, а?

Денщик молчал – держал ухо востро, как и было приказано.

– Да хватит слушать, они уже далеко, никого не услышишь. Лучше дай совет... амм... как доложить обо всем этом? фон Зейдвист меня с потрохами сожрет!

Денщик молчал, глядя вдаль.

– Не знаешь, что сказать? И я не знаю. Вот ты, например, камень. Я тебя сто раз посылал и в город, и на станцию, и с деньгами, и с пистолетом. Если б ты мог убежать – давным давно убежал бы, да?

– Герр поручик... – сказал Милош странным голосом.

– Что?

– Конь заржал.

– Ну, уж это не странность. При станции стоят наши кони.

– То при станции. А этот – в лесу.

– Почудилось, наверное...

Из дома вышел Спасение:

– Герр поручик, ему бы раны промыть... Коли позволите, наберу водицы.

– Давай, иди, – махнул Дитрих.

В этот миг он тоже услышал ржание. Подумал: неужто камни и лошадей забрали?.. Ответил себе: нет, камни не ездят верхом, это уж совсем невозможно. К тому же, за целую ночь верхом проехали бы верст двадцать. А этот конь ржет версты за полторы, или даже ближе. Примерно как войти в лес и чуток пройти на север. В том месте есть поляна, вырубленная углежогам. Большая поляна, много людей поместится...

Тревожная, страшная догадка поселилась в душе Дитриха. Он отрубил ее словами: “Быть не может!” Добавил еще: “Мы ж в глубоком тылу!”

Из леса вновь донесся лошадиный всхрап.

– Никак, олландцы?.. – спросил поручик шутливо, так и надеясь, что Милош засмеется: “Уж вы придумаете, герр поручик! До фронта полста верст!”

Но Милош молчал и хлопал глазами, и краска стекала с его лица.

– Враг в лесу... – прошептал Дитрих. – Тревога...

Они устали друг на друга, совершенно растерянные. При виде бледного лица денщика Дитриху становилось не по себе. Подумалось одно: усласть бы Милоша, чтоб не пугал меня своим страхом.

– Слушай приказ: бегом наверх. Поднимай тревогу, да? Скажи им готовиться к бою.

– Что, герр поручик?..

Дитрих развернул его лицом к холму и толкнул в спину.

– Беги! Кричи – тревога!

Денщик побежал вверх по склону. Едва он зашевелился, отмер и Дитрих. Сорвался с места, бросился вслед за Спасением.

– Блаженный, стой! Давай ко мне!

Спасение был уже у входа в развалины с колодцем. Остановился, обернулся, но к Дитриху не подошел.

– Водица, герр поручик...

Фон Дорт подбежал к нему:

– Послушай, ты не понял. В лесу появился враг. Нужно унести унтер-офицера Гельба.

– Нет, набрать водички нужно.

– Да забудь про водичку! Там, в чаще, – олландская конница. Я не знаю, сколько их. Может, много. Унесем раненого на холм.

Спасение набычился, вжал голову в плечи и твердо повторил:

– Наберем воды.

– Дурак! Я один Гельба не дотащу. Помогай уже, коготь тебе в печень!

Камень глядел поручику в глаза.

– Водица!

Что-то происходило, что-то очень странное. Камень – безвольный раб! – отверг прямой приказ, глядя поручику в лицо. Другой офицер выхватил бы шпагу и заколол мерзавца.

Дитрих не имел при себе шпаги, да и не в этом дело. Дитрих никого еще не убил своей рукой – но дело и не в этом. Поручик не знал, как быть, а Спасение – знал! Уверенности камня хватило на двоих.

– Ладно, бог с тобой, идем. Зачерпнем воды, а потом ты мне поможешь.

Спасение просиял от счастья, чуть слезы не брызнули из глаз.

– Идем, герр поручик! Идем, родимый! Водичка – она боженьке сестричка!

Запах плесени и мха, лабиринт обрушенных стропил и висящих досок. Они вбежали в темень норы, Дитрих почти ослеп, но Спасение знал дорогу наизусть. За руку довел, дотащил его до самого колодца, поймал на краю дыры.

– Герр поручик, смотрите, славный мой! Бог нас спасает! Водица – сестрица!

Дитрих взглянул в колодец... И, кажется, перестал дышать.

* * *

Когда он снова вышел на свет, тут и там трубили горны. Тут – наверху, на холме: до боли знакомое: “Батарея, к бою!” Там – на опушке леса: далекое, но отлично слышное в сыром осеннем воздухе: “Туру-туру-туру-туру!” Олландские гусары выплескивались из чащи в поле и разворачивались для атаки. Блестящие шлемы, алые перья, золоченые шнуровки, штуцера за плечами. Даже штуцера! Обычно гусары плюют на огнестрел, берут только сабли... Те, кто уже построился, горячили нагайками коней. А новые выезжали и выезжали из леса: три дюжины, четыре, пять...

Теперь уже не успеть унести Гельба: атака вот-вот начнется. Прости, унтер-офицер, так уж вышло. Сказать по чести, не очень-то жаль.

– Спрячься у колодца, – приказал Дитрих.

Спасение юркнул в нору среди руин, а поручик со всех ног помчал вверх по склону. “Туру-туру-туру-туру!” – без конца неслось вослед. Гусары все еще не начали атаку – зато их набралось уже под сотню. Видимо, тут целый эскадрон.

Против батареи из четырех орудий. Без прикрытия. И только два из них готовы к бою.

Грянул залп. Матильда с Бертой выстрелили ядрами, нанеся врагу ничтожный урон. Фрида и Майра стояли на другой стороне холма, глядя на станцию. Шпеер, командир первого взвода, сейчас развернет их и ударит через макушку холма, поверх голов расчетов Матильды и Берты. Дитрих знал: это очень скверно. Из того положения первый взвод сможет стрелять лишь ядрами, не картечью. Когда дойдет до картечи, бить будут только пушки Дитриха – Матильда и Берта. Этого не хватит.

За три минуты гусары доскачут до холма, еще за две – взберутся наверх. Батарея даст пять залпов, но лишь два из них картечью, и только в два ствола. Погибнут тридцать-сорок гусаров, а потом пушкарей изрубят в мясной фарш, хоть бери и лепи котлеты. Взвод стрелков был нужен как раз на такой случай: задержать врагов у подножья холма, подставить под картечь. Но взвод сбежал. Батарея – конец.

Он влетел в расположение, промчался между стволов Матильды и Берты, выкрикнул:

– Тревога!

По правде, без толку: батарея уже вела огонь. Банники промывали стволы уксусным раствором, чтобы погасить искры. Заряжающие готовили картузы с порохом, гантлангеры подно-

силы ядра, пальники зажигали факела и вставляли фитили. Командиры расчетов ждали приказов от него – Дитриха фон Дорта.

Он потребовал:

– Дайте подзорную трубу!

А в следующий миг наткнулся на Клауса Зейдвиста.

– Поручик, что за дерьмо происходит?! Где наше прикрытие?!

– Прикрытия нет. Камни пехоты совершили дерзкий побег.

– Ма-алчать! – заорал старый пьянчуга. – Я знаю, что побег! Ка-ак ма-агли?! Вы за них паручились!

– Не могу знать! – рявкнул Дитрих. – Сбежали – и черт с ними. Потом разберемся, сейчас бы выиграть бой!

Глаза Зейдвиста полезли из орбит.

– Как разговаривать со ста-аршим?! Мерр-развец! Па-ад трибунал!

В этот миг музыка сменилась. Вражеский горн зазвучал отрывисто и грозно: “Тур-рааа! Тур-раа! Тур-рааа!” Гусары развернулись широким строем и двинулись вперед, стремительно набирая скорость. Полный эскадрон, этак сто двадцать лошадей. Против четырех пушек.

– Вы негодяй, фон Дорт! Я всегда знал, чего вы стоите. Но сегодня вы показали во всей кр-рресе. Сгною на каторге! Закатаю в камни!

В этот миг Дитрих фон Дорт увидел нечто. Видение было столь ясным, словно уже случилось у него на глазах. Не питая даже тени сомнений, Дитрих придвинулся ближе к Зейдвисту и шепнул в ухо:

– Не сгноите, герр штабс-капитан. Боюсь, через семь секунд вы умрете.

Командир батареи оттолкнул его и выхватил шпагу из ножен. Глаза красные от ярости, отблеск рассвета на кромке клинка... Дитрих шепотом считал:

– Четыре... три... два...

Звук ружейного залпа достиг холма. В центре лица Зейдвиста возникло багровое пятно. Переносица вмялась в череп, рот перекошило, зрачки закатились. Выронив шпагу, командир батареи упал замертво.

– ...один.

Гусары ненавидят огнестрельное оружие. Им навязывают пистолеты и карабины – а они отказываются при всякой возможности. “Сабля – на веру, пуля – наугад”, – так говорят кавалеристы. По неопытности они дали залп с безнадежной дистанции. Пули просто не могли попасть в цели – и не попали... Кроме одной.

– фон Зейдвист убит! – завопил адъютант. – Штабс-капитан погиб!

– Беру управление на себя, – отчеканил Дитрих фон Дорт. – Батарея, слушай мою команду!

Батарея – два взвода по два шестифунтовых орудия. Пушки Шпеера смотрят на станцию, пушки фон Дорта – на лес. Шпеер – командир первого взвода. По уставу он должен принять командование... “Туррууу! Туррууу!” – несется от леса, гусары набирают ход. Шпеер бледен как скатерть.

– Слушаюсь, поручик...

Теперь все четыре пушки в руках Дитриха. Он глядит в подзорную трубу – и видит не только врага, но весь его будущий путь. Эскадрон идет рысью, скоро перейдет в карьер, чтобы быстро покрыть путь до деревни. Но потом они сбавят ход: руины заставят их осадить коней и сбиться в кучу. Это решающий момент. Его нельзя прозевать.

– Матильда, Берта: один выстрел ядрами, рикошетом. Потом – переход на картечь. Фрида и Майра: отставить огонь, переместиться сюда и сюда.

Он тычет пальцем: одно место и второе. Обслуга орудий пялится в недоумении: можно же стрелять с текущих позиций! Зачем тащить пушки на маковку холма?..

– Оглохли, черти?! Переместить ор-рудия!

Шпеер повторяет за ним:

– Исполнять приказ! Фриду и Майру – на указанные позиции!

Камни налегают на лафеты, селятся вытолкнуть пушки, увязшие в грязи...

Буммм! Буммм!

Матильда с Бертой производят выстрел. Два ядра по касательной врезаются в землю, отлетают рикошетом, скачут сквозь гусарский строй. Человека разносит на куски, коню отрывает голову, другому ломает ноги. Всадники летят кубарем под чужие копыта.

Но ущерб ничтожно мал: четверо или пятеро из сотни! Эскадрон переходит в карьер. Кони летят, едва касаясь земли.

Фрида и Майра ползут по липкой грязи. Камни обливаются потом, упираясь в лафеты. Оскальзываются, падают. “Шевелись, черти! Налегай!” – орет на них Шпеер.

Матильда с Бертой готовятся к новому залпу. Банники плещут укусом в стволы. Шипение, пар, едкий запах кислоты смешивается с пороховым дымом.

– Заряжай! – кричат командиры расчетов. – Ядра, рикошет!

Дитрих врывается:

– Оглохли? Я приказывал: картечь!

До врага еще тысяча шагов. Далеко для картечи, можно успеть еще один залп ядрами.

– Виноват, герр поручик?.. – переспрашивает командир Берты.

Фон Дорт чеканит стальным голосом:

– Картечь! Заряжай! Огонь – по моей команде!

Эскадрон накатывает штормовой волной. Алые мундиры, блестящие шлемы, вороньи кони. Гривы трепещут на ветру, сверкают оскаленные зубы. Дробь копыт сливается в тяжелый низкий гул.

– Успели бы всадить пару ядер, – говорит кто-то из офицеров.

Дитрих и сам сомневается: пожалуй, да, успели бы. Зачем я сказал – картечью? Потеряли двадцать секунд... Но вдруг он видит то, что будто чувствовал наперед. Заряжающий Матильды впопыхах задевает рукой горячий ствол, дергается, роняет картуз с порохом прямо в лужу. Под крики офицера бежит за новым зарядом – вот они, двадцать секунд задержки!

Эскадрон подлетает к деревне. Гусары ждут запла и скачут неплотной цепью, чтоб даже картечь не выбила многих. Но впереди – то самое место: дорога сжата руинами домов. Вот-вот они сгрудятся на несколько секунд...

– Наводчики: цель – узкое место дороги! Между часовой и кучей бревену. Огонь по приказу!

Головные гусары за миг проскакивают щель, несутся по деревне. Их не поймать, но Дитрих и не их ловил. Фланги эскадрона сближаются, чтобы пройти щель между руинами. Сейчас будет толпа. Еще вдох или два...

– Берта готова!

– Матильда готова!

Дитрих командует:

– Пли!

Три десятка людей и коней будто врезаются в невидимую стену. То скачут вперед – как вдруг опрокидываются назад. Ломаются, корчатся, истекают кровью.

Следующие гусары сбавляют ход, не смея скакать прямо по трупам. Возникает затор. Сейчас бы еще один залп!.. Но две пушки Шпеера ползут слизняками, никак не выйдут на позицию. А Матильде с Бертой нужна минута на перезарядку.

– Зар-рряжай! Картечь! Живее, черти!

Собравшись с духом, гусары проскакивают страшное место и обнажают сабли. Гибель друзей напитала их гневом. Они рвутся вперед, вверх по склону, к батарее. “Смерть врагам!” – кричат те, кому хватает дыхания на крики. Другие молча, люто несутся в атаку.

Склон холма замедляет врага, но создает трудность и для пушек. Нужно наклонить стволы вниз под неестественным углом. Придется приподнять лафеты.

– Кинжальный огонь по моей команде! Дула вниз! Дышла поднять!

Едва отшипел уксусный пар, картузы летят в стволы, досылаются шомполами. Падают за ними вслед картечные банки. Скрипя от натуги, камни поднимают дышла лафетов, подкладывают бревна. Стволы Матильды и Берты наклоняются вниз. Уже совсем рядом оскаленные морды коней, глаза, налитые кровью. Грязь так и летит из-под копыт, играют мускулы под шкурой.

– Шпеер, где Фрида и Майра?!

– На позиции! Разворачиваем!

Бах-бах-бах! Нестройный пистолетный залп. Гусары выстрелили с двадцати шагов, пару камней отшвырнуло от лафетов. Но пальники стоят, и факела в руках.

– Матильда готова! Берта готова!

– Пли!

Грохот залпа, свист картечи. Ближайшие всадники исчезают со света. Были – не стало. Следующих изрубило и посекло, разметало ключьями. Кто-то выжил, но вылетел из седла. Кто-то не выдержал ужаса, ринулся наутек...

Но это была первая волна, грядет вторая. Те, что отстали за узким местом. Двадцать секунд – они будут здесь. Матильде с Бертой никак не успеть сделать выстрел.

– Фрида: цель – Берта. Майра: цель – Матильда. Расчеты Матильды и Берты: оставить орудия.

Командиры орудий повторяют приказ, камни разбегаются от передних двух пушек. Времени слишком мало, не все успевают отступить. Кто замешкался, кто споткнулся, кто не понял приказа... Но даже это Дитрих знал наперед. Это было им учтено: задержатся камни – задержатся и гусары!

Всадники второй волны влетают на маковку холма. Вдох – они у лафетов Матильды и Берты, сабли вспыхивают над головами. Камни уже не бегут, а замирают в ужасе, безвольно глядя на свою смерть. Гусары сносят их, как коса – колосья. Одних рубят сабли, других молотят копыта. Истошные крики сливаются с хрустом костей. В считанные секунды покончено со всеми, кто замешкался у лафетов. Но за эти секунды гусары сбились в группы вокруг пары пушек...

Из тыла звенит доклад:

– Фрида готова! Майра готова!

И тогда впервые за свою жизнь Дитрих фон Дорт вблизи, в упор, глаза в глаза видит то, что следует за словом:

– ПЛИ!

После этого залпа бой продлился еще несколько минут. Лишь горстка гусар осталась не просто в живых, а и в седлах, и с готовностью сражаться. Они успели зарубить еще несколько камней, но затем с ними покончили пистолетным огнем. Адъютант покойного Зейдвиста заколол есаула шпагой.

Батарея потеряла семнадцать человек, среди которых не было ни одного вольного. Матильду и Берту оцарапало картечью, но они остались в полной исправности.

* * *

Предоставив Шпееру с командирами расчетов заняться ранеными и пленными, поручик фон Дорт спустился вниз с холма. Им владело странное чувство – будто в груди полыхал огонь. Доселе неизведанное, это чувство не подлежало пониманию. Но Дитрих хотел сохранить его подольше.

Он пошел кружным путем, далеко обогнул месиво из трупов. Пускай совесть помолчит, пускай пламя победы еще поживет в груди!

Спасение он нашел там, где и ожидал: в норе возле колодца. Блаженный сидел в обнимку с ведром, погрузив в воду обе руки.

– Герр поручик! Все кончилось, да?

– Кончилось, – сказал Дитрих.

– Мы победили?

– Я победил. Штабс-капитан погиб, я принял командование и все сделал как надо. Мы успевали сделать три залпа картечью, и были ровно три идеальных мгновения для них. Три мига, когда противник максимально уязвим. Я не упустил ни одного!

Спасение схватил его за плечи:

– Герр поручик, родненький! Я ж говорил: водичка – богу сестричка! Водичка всех нас спасла!

– Почти всех, – уточнил Дитрих и стал накручивать плащ на правую руку.

– Нужно рассказать людям! Пускай отведают водички! Всем спасение придет!

Камень двинулся к выходу из норы. Его спина четко прорисовалась на фоне светового пятна. Поручик фон Дорт поднял пистолет, обернутый плащом, и выстрелил рабу в затылок.

Больше славы, больше славы

Вокруг башни академии Искусств по кольцевому балкону движутся фигурки мирн. Под белое эмалевое солнце, изображенное над балконом, входит Винсеня, мирна плодородия. Это означает – время близится к двум часам пополудни.

В большинстве залов академии идут занятия, не является исключением и аудитория номер шесть. Она предназначена для уроков литературы, на что указывают цитаты великих писателей, покрывающие стены. Альваро Флореса да Силву, стоящего за кафедрой, немало бесят эти цитаты. Половина из них звучала блестяще лет триста назад, а теперь сделалась коллекцией клише. Другая половина – образчик такого забористого пафоса, к какому позволено прибегнуть в единственном случае: если пишешь последние строки в своей жизни.

За спиной Альваро да Силвы – черная доска, на которой значится:

«Главный герой!

Необходимые черты:

– готовность действовать

– достоинство и принципы

– смелость (в широком смысле)

– обаяние

– узнаваемый штрих»

Занятие движется к концу. Обсуждение каждой записанной черты заняло известное время. Альваро измотан и разочарован в людях, как, впрочем, и всегда в дни преподавания. Мучительное дело – подолгу объяснять самоочевидные вещи.

В отличие от наставника, студенты (около двух дюжин юношей и девиц) полны энтузиазма. Они знают привычку маэстро: приберегать до конца лекции наиболее занятный и спорный тезис. До звонка остается минут десять. Самое время!

Маэстро взял мел и вписал последнюю черту.

– Бедность! Да, именно бедность. Нужда главного героя – лучшая подруга и помощница автора! По вашим удивленным лицам вижу: требуются аргументы. Я приведу три. Прежде всего: богач, как правило, вызывает зависть. Если в книге не описан его труд, положенный на достижение успеха, если герой сразу, задаром, является богачом – читатель вряд ли ощутит к нему симпатию. Иное дело – человек нуждающийся. Большинству из нас знакомы и понятны его чувства: эта мучительная легкость в кармане, этот жалобный тусклый блеск последних песет, завернутых в тряпицу, это возмущенное урчание желудка, отказавшегося верить, что кусок хлеба с чесноком может зваться гордым словом «обед»...

Многие студенты засмеялись. «Так и есть!» – выпалил кто-то. Одна девушка в первом ряду нахмурилась, вертя на языке возражение. Альваро не дал время на вопросы и повел дальше:

– Второе. Хитрый и лукавый пройдоха легче заработает богатство, нежели человек чести. Присутствует взаимосвязь: чем чище твоя совесть – тем чище и банковский счет. Потому бедняк ассоциируется с порядочностью, а именно это и нужно для главного героя. Важно лишь показать, что обеднел он не по глупости, а от благородной причины. Например, истратил все деньги на лечение для матери. Или, скажем, потерял в дуэльном споре, пытаюсь защитить своих добрых друзей...

Едва Альваро сделал паузу, девица из первого ряда воскликнула:

– Маэстро, это же нечестно! Как вы можете утверждать, что все богачи – мерзавцы?!

Альваро пригляделся к ней. Нельзя было судить по одежде: студенты носили одинаковую форму; но белыми холеными пальчиками девица держала золотое самопишущее перо.

– Сеньорита, я не обвинял в хитрости абсолютно всех богачей. Имеются исключения, и возможно, вы – одно из них. Точно так же, бывают и студенты, что-нибудь знающие о литературе. Вопрос лишь в том, как часто встречаются сии сказочные создания.

Девушка прикусила губу, задние ряды прыснули смехом. Альваро продолжил:

– А вот третий фактор, наиболее важный, на мой взгляд. Сытый и довольный жизнью человек редко куда-либо стремится, ведь у него и так все хорошо. Но быть главным героем – это нелегкое, трудоемкое дело. Попробуй-ка пробраться сквозь дебри, что вырастил на твоём пути автор! И заодно перебить всех зверей, которых напустил антагонист! Велик соблазн воскликнуть: «Да ну его к морским чертям, этот ваш сюжет! Не желаю больше в нём участвовать!» Чтобы герой так не поступил, а все-таки прошел до конца сквозь все невзгоды, он должен испытывать сильную нужду. Не обязательно именно в деньгах, здесь подойдет нужда любого толка: неразделенная любовь, отчаянная жажда славы, жестокая обида, взывающая к мести... Важно одно: нам не нужен сытый урчащий котяра. Нам требуется голодный волк, готовый к охоте.

Едва он сделал паузу, девушка с золотым пером вскочила:

– Разве хорошая жизнь – это приговор?! Ребенок из обеспеченной семьи будет прекрасно воспитан, образован, начитан. Его таланты разовьются лучше, чем у бедняка!

– Вот только зачем ему их применять? Все, чего хочет, он легко получает за деньги.

– Но у богачей тоже имеются проблемы!..

– Какие, позвольте узнать? Мучительный выбор бального платья?

Раздался новый раскат смеха. Девушка покраснела, но не подумала замолкнуть:

– Вы слишком упрощаете...

– Довольно, – отрезал Альваро. – Дайте и другим возможность задать вопросы. Юноша в третьем ряду, прошу!

– Маэстро, вот эта нужда, про которую вы говорите... Это может быть желание жить? Ну, героя хотят убить, а он пытается выжить...

– Разумеется! Отличный конфликт, полный силы и чувства. Но не забывайте: антагонист – тоже живой человек. Вряд ли он всю книгу только и мечтает об одном: как бы прикончить героя. Будто нет у него иной заботы, кроме смертоубийства... Между парой противников должен быть более важный конфликт: например, из-за власти или женщины. Убийство – только способ его решения. Следующий вопрос!..

Вскоре прозвучал звонок. Альваро распрощался со студентами и поскорее вышел прочь. Он жаждал попасть в банк, из коего утром получил весьма тревожную записку. А затем – отправиться на поиски места, где можно пообедать если не совсем бесплатно, то хотя бы приближенно к идеалу. Внезапная бедность расстроила Альваро, но не более того.

Если бы в данное время он писал книгу – вот тогда потеря денег обернулась бы катастрофой. Столь грубое вторжение реальности в мир фантазий сбilo бы весь творческий настрой и повергло Альваро в глубокую тоску. Но к счастью, сейчас он не работал над романом, а потому воспринимал безденежье вполне практично: как проблему, которую нужно одолеть.

Возможный источник финансов как раз попался ему на глаза. Через холл академии навстречу да Силве шагал дон Фармига, декан факультета словесности. Альваро приветственно взмахнул шляпой:

– Доброго здравия, о светоч литературных знаний! Да озарит Алессина ваш путь!

– Многоуважаемый маэстро! Как же я счастлив, что вы, пусть и на краткое время, спустились с вершин славы в долину лекционного зала!

Альваро сообщил, что был бы рад настричь в долине немного золотой овечьей шерсти – то бишь, получить авансом хотя бы за пяток лекций вперед. Однако дон Фармига напомнил, что, получив аванс в прошлый раз, маэстро бесследно исчез среди облаков и пару недель вовсе

не являлся в Академию. Потому маэстро пастух уже задолжал факультету пять занятий и не получит ни шерстинки, пока не доведет баранов хотя бы до портретов второстепенных персонажей. Альваро заявил, что при столь унижительном недоверии он тоже ощущает себя второстепенным персонажем, а вот дон Фармига уверенно метит на роль антагониста.

– Берегитесь кульминации, маэстро! – пригрозил декан. – Сама Сесилия Армани желает читать лекции вместо вас.

– Кто она такая, чтобы носить громкий титул «сама»?

– О, невежество! Лучшая поэтесса Олезии, перебравшаяся в Лаэрту.

– Ах, поэтесса... Значит, мне нечего бояться. Благодарю, что успокоили!

Альваро раскланялся с доном Фармигой и продолжил было путь, но вдруг услышал:

– Постойте, маэстро. Позвольте мне сказать...

Да Силву догнал один из его студентов: паренек с приметными волосами, цвет коих не назовешь иначе, чем желтым. С петлицы форменного пиджачка свисала лента – тоже желтая, в тон волос.

– Маэстро, я хочу... мне поручено... от лица всех нас, позвольте...

– Примите совет наставника: сперва постройте фразу в голове, а потом уж произносите.

– Конечно, маэстро. Простите. Сейчас... – Паренек нахмурил брови, собрался с мыслями и изрек: – Маэстро, мы благодарны вам за то, как вы вступились за бедных людей!

– Я особо не вступался, лишь оценил их достоинства как главных героев.

– О, ваши занятия – это полный восторг! Но я не про них говорю, а про суд. Вы вышли на спор в Палате Слова, чтобы отстоять равенство бедняков и богачей. Пусть вы проиграли – но это была славная битва. Мы не забудем!

Альваро повел бровью:

– Вы – в смысле, студенты? И откуда же вы узнали про это?

С загадочным видом паренек коснулся своей желтой ленты:

– Студенты не знают. Мы – знаем.

– Тайное общество всезнаек?..

– Тише, маэстро! – паренек понизил голос и подошел вплотную к Альваро. – Здесь, в эсфере Искусств, почти нет наших людей. Вы и я – больше никого. Нужно соблюдать осторожность.

– Прежде чем зваться “вашим”, я б не отказался узнать, кто такие “вы”.

– Мы – реформисты, борцы за справедливое общество. Ваши друзья Герейра рассказали нам про ваш подвиг.

– Ах, вот о чем речь!.. Вы – те самые парни, кому не нравится Высокий Стол?

– Маэстро, знайте: мы очень благодарны. Ваш поступок укрепил наш боевой дух.

– Ну, хоть что-то полезное от идиотского спора... Как вас зовут-то, юноша?

Желтоволосый промедлил с ответом, Альваро махнул рукой:

– Ладно, посмотрю в журнале.

– Не смотрите! Там есть фамилия, ее лучше не знать. Мы зовем друг друга псевдонимами. Я – Оса.

Альваро оценил чередование желтых волос, черного галстучка и желтой ленты в петлице.

– Логично... Что ж, всего доброго, Оса.

– Удачи в общем деле, маэстро!

Отделавшись от юного революционера, да Силва направился к выходу, но был пойман в засаду неприятелем. Тысяча чертей, с каких пор честному человеку запрещается просто взять и выйти из академии Искусств?!

– Маэстро да Силва, позвольте вас спросить...

– Снова вы, сеньорита?!

Альваро понятия не имел, как зовут студентку из первого ряда. Она назвала себя, но он даже не попытался запомнить имя.

– Сеньорита Золотое Перо, неужто вы еще не утолили жажду вопросов?

– Я жажду скорее ответов, – поправила она. – Но сейчас прошу о другом. Маэстро, вы могли бы прочесть одну страницу? У меня есть идея романа, и очень хочется узнать ваше мнение.

– Идея романа?.. – переспросил Альваро.

– Да, я описала ее здесь.

Студентка протянула листок бумаги. Вверху значилось: «Презренный наследник. Идея книги». Вокруг заглавия размещались несколько мелких рисунков: тощий паренек, разинутый кричащий рот, флакон с черепом и костями, кораблик... Ниже шел текст – видимо, изложение идеи.

– Милая сеньорита, боюсь, вас кто-то обманул. Не существует такого понятия, как «идея романа».

– О чем вы, маэстро?

– Романы не посвящаются идеям, это слишком мелко. Газетной статьи хватит, чтобы просто высказать идею. А роман – суть панорама целой жизни и поиск ответов на вопросы, которые гложут автора.

Студентка молвила с оттенком назидания:

– Литературные критики всегда пишут что-нибудь про идею.

– Лучше бы они писали о сортах пива, ибо это единственное, в чем они разбираются.

– Но послушайте, маэстро: вот моя идея, и, кажется, она блестяща! У одного юноши был знаменитый отец, который когда-то совершил подвиг. Юноша его боялся и боготворил, а потом отец умер. Сын стал разбирать его бумаги и узнал горькую правду. На самом деле, отец не так уж хорош...

Альваро усмехнулся:

– Вот видите, об этом я и говорю. Вы не ищите ответов, вас не интригует собственный сюжет. Вы заранее уверены, что отец – мерзавец, и эта вера передается читателю.

Золотое Перо умолкла в замешательстве, и Альваро, наконец, сумел покинуть факультет.

* * *

В отделении банка худшие тревоги маэстро получили подтверждение. Ему сообщили, что вчера явился поверенный от некоего Винсенте Рамиреса с требованием семи тысяч эскудо, якобы проигранных Альваро да Силвой. Конечно, банк и не подумал выплатить что-либо, а напротив, уведомил маэстро о том, что против него, похоже, действуют мошенники.

– К сожалению, он не мошенник, – вздохнул Альваро. – Точнее, самый настоящий мошенник, достойный сын змеиноного кодла, именуемого эсферой права... но я действительно ему задолжал.

– Прикажете выплатить? – удивился служащий банка.

– Я проиграл дуэльный спор.

– Примите мои соболезнования. Однако, маэстро, имеется проблема. На вашем счету нет семи тысяч эскудо.

– Сколько есть? – спросил Альваро, затаив дух.

– Четыре тысячи шестьсот.

Голова пошла кругом. Всего за один месяц он спустил третью часть гонорара! И самое обидное – даже не понимал, на что! Рестораны, театры, прогулки на яхтах, дамочки... Единственная осязаемая вещь, которую хотя бы можно взять в руку, – это новый револьвер.

– Выплатите сколько есть, – распорядился Альваро. – На недостающую сумму я выпишу долговой вексель.

– Поверенный сеньора Рамиреса предупредил: его устроит вексель со сроком выплаты не больше трех месяцев.

Альваро мысленно призвал Древнего и всех морских чертей. Откуда, бездны ради, мне взять две с лишним тысячи за три месяца, если новый гонорар будет через год?! И, что гораздо любопытнее: как вообще прожить это время?..

На улице газетчики кричали:

– Сенсация в Палате Слова! Рабочие вызывают фабрикантов на спор! Покупайте «Вестник»!..

Но да Силва не замечал их воплей, до того погрузился в свою проблему. Можно сколько угодно хвалить благородство бедняков – от этого не возникнет желания вступить в их ряды. Меж тем, иного пути не виделось. Альваро еще не брался даже за сюжет новой книги. До готового текста – целый долгий год, а до издания – и того больше!

– Сিনিор Флориес да Сильва?..

В который уже раз за сей злосчастный день ему преградили дорогу. Перед Альваро стоял иноземец – смуглый муар в белом фраке с алыми пуговицами и отворотами. По контрасту с белизной одежды лицо муара казалось совсем уже черным.

– Я всюду искал вас, сিনিор.

– Зачем?! – Вскричал Альваро. – Ради какой гадости?! Желаете засыпать меня глупейшими вопросами о литературе? Или напугать коварной поэтессой? Или просто отнять все мои деньги?! В любом случае, вы опоздали: все это сделано до вас!

– Сিনিор дон Филиппе ди Берро приглашает вас в театр.

Муар подал писателю карточку. Альваро застыл в полном недоумении. В карточке значилось: нынешний вечер, Гранд Опера, премьеры «Сеньориты Фиалки».

– Меня?..

– Дон Филиппе уступает вам свою ложу. Он будет петь на сциене. Ложа – пустая.

– И дон Филиппе не нашел, кому еще ее отдать?! Богатый родич? Любовница неземной красоты? Олландский князь, муарийский адмирал?..

– Вы – Альваро Флориес да Сильва?

– Я.

– Дон Филиппе зовет вас.

* * *

Едва ли стоит описывать внешнее и внутреннее убранство театра Гранд Опера. Тот, кто бывал в нем, никогда не забудет сего великолепия, а кто не бывал – не получит верного представления, скажи мы даже тысячу восторженных слов. Зато не лишним будет напомнить либретто «Сеньориты Фиалки», тем более, что в этом сезоне оно претерпело важное изменение.

Итак, история случилась в давние века, еще до прихода Первого Судьи. Тогда не было ни регулярных стрелков, ни гренадеров, ни бомбовых пушек, а главной силой войска служили доблестные рыцари – идадьго. Один из них стал героем сюжета. Он звался доном Лораном и обладал многими достоинствами: умом, благородством, отвагой, обаянием. В него без памяти влюбилась прекрасная девушка, прозванная Фиалкой за синеву глаз и нежность души. Фиалка души не чаяла в доне Лоране, он тоже любил ее... Однако – не ее одну. Идадьго имел огромное сердце, в нем легко помещались несколько женщин. Он погружался в пучины страсти с синеглазой красавицей – а потом выныривал ради романа с другой сеньорой. Когда заканчивал с нею, снова приходил к Фиалке...

Так повторялось несколько раз, и синеглазая принимала Лорана, поскольку безумно любила. А идальго соблазнял все более знатных дам: сперва баронессу, затем – маркизу, а потом и саму королеву. На придворном балу Фиалка позволила себе проявить ревность – и королева, недолго думая, услала ее на далекий остров.

Прошел год. Время исцеляло синеглазую от губительной страсти. Фиалка решила забыть ловеласа Лорана. В ссылке познакомилась с добрым и славным моряком, который мечтал быть только с нею. Вскоре они повенчались.

Тем временем королева захотела сменить фаворита и отдала дону Лорана. Как всегда в подобных случаях, он приехал к Фиалке со словами страсти и мольбой о прощении. Она сказала, что уже повенчана с другим. Лоран ответил: «Это такой же пустяк, как высохшие капли растаявшего снега. Цепи страсти, выкованные судьбой, связали нас с тобою. Не будем же противиться любви – уедем вместе в дальние страны!» Фиалка затрепетала. Попробовала возражать, сопротивляться... Но дон Лоран так блистательно спел о любви, что защита девушки рухнула. Тогда Фиалка исполнила отчаянно трогательную арию, известную всем в Лаэрте: «Я не могу противиться любви, но куклой твоею больше не стану».

И с этими словами вонзила нож себе в сердце.

Таков классический сюжет «Сеньориты Фиалки». Но дон Филиппе ди Берро, прим-аллен искусства и знаменитейший тенор, не был бы собою, если б что-нибудь не изменил. Театры Лаэрты не помнят случая, чтобы дон Филиппе согласился сыграть именно то, что замышлял драматург. В данном случае, по его требованию переписали финальную сцену.

Вместо ножа синеглазая взяла старинный двуствольный пистоль, приставила к груди и нажала один курок. Была осечка. Тогда она нацелила пистоль на Лорана и нажала второй курок – и снова вышла осечка! Тогда Фиалка уронила оружие и упала в объятия Лорана со словами: «Древние оставили нам жизнь, чтобы мы были вместе...» А идальго (роль которого исполнял дон Филиппе) спел о том, что уж теперь он до последнего вдоха будет с Фиалкой, и если нарушит клятву верности, то пускай Древние в ту же секунду заберут его жизнь.

Он остался верен клятве. Двое провели вместе много счастливых лет и дожили аж до прихода Первого Судьи.

Что и говорить, опера произвела сильное впечатление. Музыка и голоса актеров проникли в самые души зрителей, а старинные костюмы и богатые декорации погрузили весь зал в иную эпоху. Овации длились минут десять, никак не меньше, а Фиалку и дону Лорана буквально засыпали цветами.

Когда занавес опустился, зрители, по традиции Гранд Опера, разбрелись по буфетам, разлили игристое по бокалам и принялись делиться мнениями. Одни говорили, что финал, лишенный трагизма, не берет за душу. Другие придирались: в те времена еще не было двуствольных пистолей, и Древние тогда звались не Древними, а Крылатыми или Владыками бездны. Третьи жалели доброго моряка, брошенного невестой... Но все же, большинство одобрило новую концовку. Она доносит верную мораль: самоубийство от любви – последнее дело. Если каждая сеньорита, брошенная каталийским доном, наложит на себя руки, то скоро в Каталлии станет некому рожать детей.

Альваро Флорес да Силва оживленно участвовал в обсуждениях. Помимо желания блеснуть красноречием, он имел и более прагматичную цель: было бы весьма недурно получить от кого-нибудь приглашение на ужин. И верно, приглашение последовало, однако иного рода. Служитель театра осторожно привлек внимание маэстро:

– Сеньор Флорес, дон Филиппе зовет вас за кулисы.

Прим-аллен искусства сидел в кресле перед огромным зеркалом, окруженный охапками цветов. Помощница снимала с него грим. Молодой идальго исчезал на глазах, а возникал одутловатый стареющий сеньор, заметно испорченный излишествами. Кривые губы выдавали раздражительность и самодовольство, желтые пятна на коже – болезни печени...

– Доброго вечера, Филиппе-аллен. Позвольте выразить вам восхищение.

– Ах нет, маэстро, этого не нужно.

Слова говорили одно, а тон – обратное. Альваро продолжил:

– Ваша игра очаровала всех. Ваш великолепный голос проник в каждое сердце.

– Сколь грубая лесть!..

– Роль дона Лорана буквально создана для вас. Не могу представить женщину, способную противиться вашему обаянию.

– Ну, это явное вранье... – дон Филиппе довольно улыбался.

– Фиалка тоже прекрасно справилась с ролью, но вы затмили ее во всем. Им следовало бы взять более сильную актрису... Хотя какая дама не померкла бы рядом с подобным партнером?

Дон Филиппе повернулся к нему:

– Ахх... теперь уж правда хватит.

Альваро кивнул:

– Я к вашим услугам, Филиппе-аллен.

Помощница убрала остатки грима. Тенор велел ей:

– Спаси меня от проклятой удавки и ступай прочь.

Она сняла с него кружевную рубаху, под которой оказался корсет. Сработанный с хитрым расчетом, он не стеснял движений груди и не мешал петь, но подбирал лишний жирок на животе и боках. Едва помощница расстегнула корсет, тело тенора расплылось, утратив всякое сходство с молодым рыцарем. Теперь лишь одно роднило дона Филиппе и дона Лорана: наглые самоуверенные мальчишеские глаза.

Помощница ушла и притворила дверь, дон Филиппе накинул на себя халат.

– Маэстро да Силва, я пригласил вас как звезду! Как подлинного человека искусства, наделенного блеском таланта и изяществом слова. Как мастера, сочетающего ум и красноречие, тонкость понятий и решительность сцен... Одним словом, мне нужна ваша помощь.

– Буду рад помочь, Филиппе-аллен.

– С чего бы начать... Пожалуй, сразу с сути. Я хочу, чтобы вы написали книгу.

Альваро усмехнулся:

– Вы не одиноки. Половина Лаэрти хочет этого.

– Х-ха! Прекрасный ответ, маэстро! – Дон Филиппе погладил бутон одной из роз в букете – приятно тугой, совсем не раскрывшийся. – Я жду от вас не просто роман. Это должна быть особая книга, весьма особая...

– Надеюсь, не сборник стихов? Такого позора мне не пережить.

– О, нет... Хотя и стихи могли бы пригодиться... Как вы знаете, маэстро, у меня много друзей. Нередко меня посещает желание порадовать их тем или иным шедевром искусства. На сей раз хочу посвятить друзьям книгу. Четверым определенным друзьям.

Альваро постарался не измениться в лице, но брови все же двинулись к переносице.

Филиппе ди Берро был знаменитостью и прим-алленом. Он заседал за Высоким Столом, представляя эсферу искусств. Встреча с ним наедине была честью для молодого писателя. Любой ход беседы порадовал бы Альваро... почти любой, кроме этого.

Дон Филиппе пользовался скандальной славой. Альваро сторонился сплетен, но даже он слышал о мстительности и порочности дона. Среди алленов Высокого Стола только Филиппе обладал столь скверной репутацией. Не раз и не два его пытались сбросить с вершины. Это не представлялось сложным: ведь каждый год Высокий Стол путем голосования удаляет худшего из своих рядов... Но дону Филиппе шесть лет подряд удавалось усидеть. Он мастерски приме-

нял мощь эсферы искусств против своих политических врагов. Высмеивал их со сцен театров и страниц книг, пускал в обиход эпиграммы и шаржи, задействовал лицедеев и менестрелей. Если за Высоким Столом собиралась коалиция против дона ди Берро – вскоре ее лидер делался посмешищем для всей Каталлии и сам вылетал из-за Стола, а Филиппе праздновал победу.

– Многоуважаемый сеньор, – произнес Альваро, – ни в коем случае не хочу оскорбить ваше доверие ко мне, однако обязан сказать: я творю искусство, а не уколы и насмешки.

Тенор выхватил цветок из букета и подал писателю:

– Примите эту розу как знак моего восхищения вашим благородством! И я ничуть не ошибся в вас. На сей раз мне нужен не насмешник, а творец высокого стиля. Я хочу прославить достойных людей, и вы мне поможете.

– Прославить, сеньор?..

– Возвеличить, воспеть, показать с лучшей стороны! Маэстро, я устал, безумно устал от репутации мстительного негодяя. Я способен на великодушные поступки! Глубоко уважаю четверых отважных героев и хочу выразить это чувство – с помощью вашего пера.

– Героев, сеньор?..

Дон Филиппе скривился:

– Вам необходимо все переспрашивать?

– Нет, простите.

– Вы были бы скверным актером. Совершенно неспособны подыграть, только пожираете эмоцию партнера. Возле вас любой пламень затухнет.

– Моя вина, Филиппе-аллен, исправлюсь. Кхм-кхм... Кто эти храбрые герои, чьи имена достойны озариться лучами нетленной славы?!

Альваро воздел розу к потолку. Филиппе одобрительно кивнул и дал ему листок.

Писатель знал каждое имя в списке. Во всей Каталлии не нашлось бы и горстки невежд, кто не знал этих имен.

– Филиппе-аллен, поступок наших героев уже воспет в веках и внесен на Свиток. О нем сложены баллады и написаны книги. Разве я смогу прибавить что-либо?

– Конечно, маэстро! Ведь я не прошу заново описать известный всем подвиг. Он состоялся давно, много воды утекло. Судьбы наших героев сложились по-разному. Я убежден: читатели захотят узнать, как живут герои теперь, спустя шестнадцать лет после великого события. Чего они достигли? Обрели ли счастье? Чем занимаются?

– Вы желаете, чтобы я узнал о нынешней жизни героев и описал ее в лестном ключе?

– Прежде всего – в правдивом! Встретьтесь с этими людьми, расспросите их, составьте свое беспристрастное суждение. Но если обнаружите в наших героях некие достоинства – очень надеюсь, вы их не утаите.

– Иными словами, сеньор, вы просите меня взять имена прославленных людей – и покрыть их еще большею славой?

Дон Филиппе провел размашистым движением по всем бутонам цветов.

– Неужели вы считаете, маэстро, что лишняя слава может навредить?

Альваро рассмеялся.

– Филиппе-аллен, перед вами – убежденный и искренний искатель славы. Я далек от подобной ереси!

– Великолепно! Теперь о награде. Я слышал, вы угодили в финансовые трудности и должны выплатить крупную сумму. Ко дню уплаты долга покажите мне пускай не всю книгу, а хотя бы ее план – тогда я покрою весь долг, и дополнительно выдам вам три тысячи эскудо. Еще столько же получите, когда книга будет завершена.

Такой договор не давал ответа на вопрос: что великий писатель будет кушать непосредственно завтра? Однако условия были весьма щедры, и Альваро не стал унижаться просьбой об авансе.

Другое смутило его... В списке значились четыре человека. К счастью, двух из них – флибустьера и генерала – Альваро знал лично. Побеседовать с ними не составит труда. Третий нередко появлялся на газетных страницах. Фабрикант-оружейник, безжалостный делец – но и к нему, вероятно, найдется подход. А вот четвертое имя – женское, экзотичное, сопровождаемое высоким титулом... С большою охотой Альваро да Силва пробежал бы вприпрыжку перед стволом пушки с подоженным фитилем, чем имел бы дело с этой дамой.

– Филиппе-аллен, в списке стоят четыре имени. Четные числа неприятны людям слова и могут оттолкнуть читателей. Я убежден: книга выйдет краше, если сократить список до трех.

– О, нет, маэстро, нельзя воспеть одних героев, забыв о других! Я не позволю никого вычеркнуть. Зато могу добавить еще одно имя – и их станет пять.

Альваро удивился:

– Коли нельзя забывать о героях, почему же вы сразу не указали пятого?

– Поскольку он равнодушен и к книгам, и к славе. Он умер позавчера.

Дон Филиппе ди Берро взял черный карандаш для бровей и внес в список имя покойника.

Штайн

Представьте, что вы покинули столицу Каталонии скорым поездом дальнего следования и двинулись на северо-запад. Пара мощных паровозов компании Итурбе-Клементо разогнала состав, и вы не успели оглянуться, как за окном показались горы. Любуясь невероятными видами, вы не отрывались от стекла все время, пока состав пересекал Даринейский хребет. Даже когда перевал Белой Кости остался далеко позади, вы все еще прижимались к окну, надеясь поймать и увезти с собою прощальный блик восторга. Затем поезд прошел провинцию Селезия; обширные рисовые моря с островками деревень и маячками церквушек навевали вам дремоту. Станция Фарамо целиком была построена из серого с копотью камня, который остался от графского замка, разваленного при Третьей войне Королей. Одна башня замка стоит до сих пор, похожая на обломок зуба. Вы выкурили трубку на платформе, рассматривая руины, – и вернулись в вагон, чтобы забыться крепким сном.

На следующий день вид решительно сменился. Вдоль пути, то приближаясь, то отдаляясь от него, змеилась река Монхо. На ее берегах в бесстыдной близости друг к другу теснились города, и над каждым торчали гребенки заводских труб. Гудки цехов перекликались со свистками локомотивов; мимо вас то и дело пролетали встречные поезда; по реке сновали пароходы, баржи и баркасы. После вчерашнего покоя это буйство движения ошеломило вас. Селезия осталась позади, состав въехал в Брегу. Еще сутки вокруг вас шумело и грохотало, а окна покрывались паволокой сажи. Но вот и Брега пропала из виду. Взгляд отдыхал на просторе степи с тучными стадами коров, лишь изредка цепляясь за холмы с наростами угольных шахт. Это Кабарда – земля, известная упрямством мужчин, драчливостью быков и склочностью женщин. Состав потратил еще сутки, чтобы пересечь ее.

Потом поезд подошел к границе. В Индре, обжатой кольцом фортификаций, словно девичья грудь корсетом, вы сделали последнюю остановку. Офицер проверил ваши документы и пожелал: «Скорейшего возвращения в Каталонию, сеньор!» Индра проводила вас взмахами вымпелов на бастионах.

Ночью вы миновали полосу болот, не смея открыть окно, чтобы не быть сожранным комарами. А с восходом солнца попали в Великое Олландское княжество, о котором говорят: если б олландцы имели заводы, они производили бы гонор. Вы увидели княжеские дворцы в окружении ландшафтных садов, громадные соборы с витражными окнами, пестрых гусаров в касках с длинными перьями, надменных дамочек, румяных и щекастых, как добротные свинки. Тут и там звенела музыка – медная, бодрая, незамысловато удалая: «Хей! Хей! Пуру-пуру-пумц!» На всех лицах встречных – от усатого начальника станции до торговки кренделями – вы видели гордость за родину. А вот чего вы не увидели: паровозов местного производства. Каждый встреченный локомотив был вашим земляком, каталонцем.

В Гирнаве рельсы окончились. Единственным способом продолжить путь было пересечь на паром, что вы и сделали. Три дня низкобортный пыхтун тащился вниз по Хурсле, и на каждой пристани его встречал духовой оркестр. Пограничный бастион на изгибе реки дал прощальный выстрел из пушки, а пароходик ответил долгим гудком. Из Олландии вы прибыли в Мергану – родину белого шоколада и великого астронома, объяснившего движение солнца по небу. Тут вас встретила канонерская лодка и сопроводила до столицы. Вы сошли на берег у знаменитого моста Профессоров, ведущего от Рыбацкого района к сказочным башенкам Университета. Если вы коренной лаэртянин, то именно здесь пролегает западный край того мира, о коем вы имеете сколько-нибудь ясное представление.

Однако давайте вообразим, что и теперь путешествие не завершилось. Вы пересели в другой паром и прошли Хурслу до конца, и вышли в Кобольдово море. Несколько дней свинцовые волны испытывали прочность корабельных бортов. Налетал шквальный ветер, разрывая

в ключья дым над трубами. Одним серым утром вы увидели берег. Вход в бухту был узок, как бутылочное горло: с обеих сторон его сдавили береговые форты. Из дюжины судов на рейде половина щетинилась жерлами пушек. По шаткому трапу вы сошли на берег и успели выкурить три трубки, пока хмурый офицер пересмотрел весь ваш багаж и переписал в книгу сведения из ваших документов. Вы попали в Дангар – империю, о которой прежде знали лишь по слухам.

Из порта до вокзала вас довез экипаж, запряженный четверкой мужиков. Такие же постоянно встречались на улицах. Паровые машины тут не ходили, лошади попадались редко, главной тягловой силой служили рабы. В вокзальной гостинице вы ожидали несколько дней: никто не мог сказать точно, когда отправится нужный поезд. Наконец, объявили посадку. Три мужика прибежали к вам с радостным известием и подрались между собой за право получить на чай.

Состав в двадцать вагонов тащил единственный паровоз образца прошлого века. Каждые пару часов старичок делал остановку, дабы заправиться водой. В каждой городке, на каждом полустанке имелась церковь. За всю прошлую дорогу вы не встретили столько храмов, как тут за день. Одни церкви были сложены из белого камня, другие из бревен, но и в деревянных имелась хотя бы одна – фасадная – каменная стена. Над входом в каждый храм, даже самый маленький, расправляла крылья серебряная птица. Когда поезд покидал городок, вокруг раскидывались поля, на которых копошились крестьяне. Нечасто попадался вол или худая лошаденка; кое-где паслись редкие коровы. Все, что вы видели – от паровоза до собаки – двигалось медленно, будто спросонья.

Вы ехали на запад три дня, пять, семь... Давно сбились со счета церквей и полустанков, устали удивляться нищете деревень, отсутствию торговцев на станциях. Вы бросили попытки выяснить, когда поезд придет в конечную точку: никто, включая машиниста, этого не знал. Однажды паровоз сломался и трое суток простоял среди полей. Из всех окрестных хуторов собрались люди. Никто не принес молока, хлеба, колбасы или пива, чтобы продать пассажирам. Никто не предложил вам снять койку в избе. Люди только слонялись вокруг состава и глазели, лопоча на странном своем языке. Четвертым днем пришел другой паровоз и заменил старичка. С горем пополам, состав двинулся.

Вот уже несколько недель вы жили в вагоне. С каждым днем все реже вы видели людей, городки и деревни. На смену полям пришли леса: сначала редкие, иссеченные вырубками, но чем дальше – тем более густые. Вокруг станций со складами угля и воды теплились очажки жизни, но их полоска, приросшая к железной дороге, становилась все тоньше и пунктирнее. В промежутках между станциями лежали безлюдные дикие чащи. Дважды поезд пересекал реки – столь широкие и полноводные, что вам захватывало дух. В Каталии река такого масштаба сплошь обросла бы городками, большими и малыми предприятиями, доками и пристанями; кишела бы лодками, баржами, пароходами... Здесь вы заметили лишь горстку баркасов да пару деревень по берегам.

Становилось холоднее. Один из старожилов поезда... Вам начало казаться, что никто и никогда не покидал состав, и вся прежняя жизнь пассажиров прошла здесь, на деревянной лавке под вшивым одеяльцем... Один из старожилов рассказал, что в глубине империи, вдали от моря погода становится резче: зимы – студенее, лета – знойней. С поздней осени до ранней весны из-за стужи туда не ходят поезда: вода может замерзнуть и разорвать баки. За окном стоял глухой, темный, непроглядный лес. Поезд погружался в бездну континента.

Шла пятая неделя, по очень грубым подсчетам, когда вагон встал, и пассажиры начали собирать пожитки. Оказалось – прибыли! Конечная станция! Вы не могли поверить этому, пока не прошли вдоль платформы и не увидели отбойник в конце. Рельсы здесь обрывались, дальше пути не было.

Вокруг станции лежал городок: неизменный белый храм с серебряной птицей, десяток каменных домов, пара лавок (посудная да одежная), сотня деревянных избушек. Улицами служили колеи, наезженные в землю. По переулкам квохтали куры, в мусорных ямах копались

свиньи. Если где-нибудь существует край света, то вовсе не в землях Низкого Неба, как вы думали раньше, а – здесь, в этом городке.

И все же представим, применив всю силу фантазии, что даже теперь вы не остановились. Среди лесов, обступивших городок, имелась просека, годная послужить дорогой. Вы наняли извозчика. Пришлось раскошелиться: упряжные мужики отказались ехать в ту сторону, ямщик с лошадкой слупил с вас изрядную цену. Он выдал вам тулуп, топор, бутылку мутного пойла и большой кус хлеба с салом. Сказал, что без этих вещей не доехать живым. Сало хранилось в жестяной коробке, дабы не издавать запах.

Не проехав и версты, вы увидели следы кабана. Ямщик сказал: «А, это скука...» Веселее сделалось, когда раздался волчий вой. Ямщик положил под руку ружье, но волнения не выказал. Вам же стало не по себе: вой раздавался тем ближе, чем ниже опускалось солнце. Ночь провели без сна. Дежурили у костра: ямщик с ружьем, вы с топором. Холод пробирал, несмотря на тулуп. Мутная дрянь из бутылки сделалась слаще альмагарского бонка.

Спали днем: завалились в телеге, а лошаденка шла сама по знакомому маршруту. Раз заржала, когда волчара завыл слишком близко; ямщик проснулся и пальнул наугад. В другой раз кобыла встала и всхрапнула, увидев на обочине могильный камень. Ямщик похвалил ее: «Молодца, что разбудила», – и помолился, скинув шапку. Вторую ночь опять дежурили с ружьем, и третью тоже. Бутылка опустела задолго до рассвета...

А на четвертый день сосны расступились, и взгляду открылась просторная вырубка, запошенная первым снегом. Вы увидели неизменную церковь, а рядом – крупный терем на три трубы, а вокруг терема... Нет, не избышки – так это не назовешь. Россыпь землянок, врытых по самую крышу, слепых, замшелых. Они вспухали из грунта едва заметными бугорками – ни дать, ни взять, шляпки боровиков. Весь этот поселок напоминал ни что иное, как грибницу.

На ваших глазах к одной из землянок подъехала телега. Из нее вышвырнули на снег босого человека со связанными руками. Едва он поднялся, как ударом приклада между лопаток его втолкнули в землянку, а следом забросили его сапоги.

Этот человек – третий среди главных героев нашего романа. Ради знакомства с ним вы и совершили мысленное путешествие означенной длины.

* * *

Человека звали Рэд. По дороге от станции к грибнице он пытался сбежать. Потому конвоиры связали ему руки и стянули с ног сапоги – справедливо полагая, что босиком по зимнему лесу недалеко убежишь. Оказавшись в землянке один, он нашел торчащий из стенки гвоздь, сел к нему спиной и принялся раздирать веревку. Этим и был занят, когда в землянку вернулись ее обитатели.

То были пять мужчин разного роста (но каждый ниже, чем Рэд). Четверо имели бороды и впалые щеки, и мутные глаза людей, привычных к голоду. Пятый был здоровее и шире в плечах, круглая выбритая рожа краснела румянцем. Все они несли лопаты, а первые четверо – еще и кирки.

При виде Рэда один присвистнул, другой хрюкнул, а румяный здоровяк спросил:

– Дас нойе?

Рэд угадал смысл вопроса и назвал свое полное имя. Эти ишаки не смогли его запомнить. Румяный сказал, ткнув в Рэда пальцем:

– Шайс ной.

– Я не Ной, а Рэд, – ответил он. И повторил, чтоб дошло: – Рэд. Р-рэ-эд.

Тогда и пятеро назвали себя. Рэд понял, что был к ним несправедлив: он тоже не смог разобрать имена – слишком уж странно звучала чужая речь. Запомнил только, что рыжий

парень с рассеченной бровью звался Шульцем, а румяный здоровяк был тут за бригадира. Вместо имени он так и сказал: «Бригадир», это слово Рэд понял.

– Развяжите, – сказал он.

Вся их внешность говорила о том, что они с Рэдом – гребцы на одной лодке. Во всех краях, где побывал Рэд, люди в беде помогают друг другу.

К нему подошел бригадир, но взялся не за веревку, а за рэдовые сапоги. Помял кожу голенища, осмотрел подошву, сказал нечто, вызвавшее смех у остальных. Потом приложил сапог к своей ноге. Осознав его намерения, Рэд сказал:

– Не трожь.

Здоровяк уселся и начал снимать свою обувь. Рэд откинулся на спину, поднял ногу и врезал бригадиру пяткой в лицо.

Четверо с лопатами разинули рты от удивления. Бригадир с оханьем повалился на пол. Дотянулся до порога, нагреб горстку снега, прижал к ушибу, застонал. Он не спешил вскочить и принять стойку – будто не допускал и мысли, что Рэд может ударить снова. Рэд, действительно, не стал повторять. Если поймет с первого раза, то и хватит с него.

Бригадир встал, ощупал лицо, убедился, что нос не сломан. Свирепо зыркнул на Рэда, а затем что-то сказал четверке подчиненных. Мужики переглянулись, рыжий Шульц попробовал возразить. Бригадир крикнул громче, показал кулак. Тогда они взяли лопаты и пошли на Рэда.

Пригнув голову, он принял первый удар. По плечу, плашмя – больно, но терпимо. Он не пробовал защищаться, вложил все силы в веревку. Волокно за волокном рвалось об острие гвоздя. Ударил второй – по темени. В голове загудело, перед глазами поплыло. Хорошо, в тесноте землянки он не размахнулся в полную силу. Третий влупил по голени. Ногу пронизало болью, Рэд скорчился, с трудом удержался на нарах. Руки упорно делали свое: раздирали веревку.

Рабы били его все вместе. Если б трое отошли, то четвертый имел бы пространство для замаха и свалил бы Рэда одним ударом. Но они рвались выслужиться перед бригадиром, лезли толпой и мешали друг другу. Удары сыпались градом – болезненные, но не особо опасные.

Веревка лопнула. Он освободил руки и поймал лопату, занесенную над головой. Раб опешил, Рэд с легкостью вырвал у него лопату. Не тратя сил на замах, ударил коротко и прямо – рукоятью в лицо. Раб завыл и отбежал, зажав глаз руками. Другой замахнулся – Рэд парировал удар и пнул его в живот. Враги откатились, вокруг нар появилось пространство. Рэд встал на ноги и принялся за дело.

Удар человека многое говорит о нем. Рабы били как копатели, не как бойцы: держали лопату за рукоять, размахивались, теряли время. Рэд держал оружие у середины древка. Инерция не сковывала движений, лопата летала в его руках. Пока враги били раз, он успевал – три. Отвел удар, тычком вывел из равновесия, развернулся, ударил второго. Парировать рабы не успевали, либо вовсе не умели. За минуту он расшвырял всех четверых.

А вот ошибка: забыл о бригадире. Тот просто сидел и смотрел, предоставив драку рабам. Но едва Рэд повернулся спиной, бригадир ударил кулаком в почку. От боли Рэд упал на колени, в тот же миг все четверо рабов накиннулись на него. Навалились толпой, точно псы на медведя. Кто бил лопатой, кто пинал, кто душил, обхватив за шею. Под эту грудой Рэд встал на четвереньки и пополз, не выпуская лопату из руки. В просвет между вражеских тел увидел ноги бригадира. Оперся на левый локоть, поднял лопату, саданул гада по колену. Бригадир упал, хватаясь за ногу. Рэд перекатился, налег ему на грудь и прижал к горлу штык лопаты.

Рабы застыли, кто как был: с занесенной ногой для пинка, с оскаленным от злости зубом. Рэд крикнул:

– Зарежу!

Вдавил кромку стали в кожу бригадира. Перехватил лопату ближе к штыку, чтоб сподручнее полоснуть. Рабы попятнулись, один сказал что-то на своем языке. Бригадир не смел пошевелиться.

– Бросай! – приказал Рэд.

Чтоб точно поняли, зыркнул на лопаты, потом указал глазами в пол. Бригадир выдал пар слов, цепляясь кадыком за лезвие. Рабы один за другим опустили инструмент.

Рэд отвел лопату от шеи врага, глядя при этом на его руки. Бригадир дергаться не стал, руки даже не сжались в кулаки.

Рэд поднялся, взял свои сапоги, спрятал под нары. Потом подал руку бригадиру и помог встать.

* * *

После драки долго шептались меж собой, почесывая ушибы и косясь на Рэда. Сварили кашу на маленькой печурке. Отмерили шесть мисок: бригадиру больше, прочим поровну. Рыжий Шульц опасливо отнес миску Рэду. Когда поели, сходили к яме по делам и стали укладываться спать.

Рэд остался на тех нарах, что у гвоздя в стене. Не лучший, но и не худший выбор. Лучшие нары, у печурки, принадлежали бригадиру. На худших, у входа, лег рыжий Шульц.

Ночь Рэд провел, давясь сухим кашлем. Пожалуй, оно и к лучшему. От кашля Рэд почти не спал, если б кто-то решил подкрасться с ножом, он бы заметил. Впрочем, рабы беспробудно храпели. Только изредка кто-то постанывал, ложась на свежий ушиб.

Утром все похлебали баланды. Бригадиру – тройная порция, остальным – поровну, включая Рэда. Снова, как и вечером, дангарцы ели за столом у печурки, разговаривая вполголоса, а новичку передали миску через гонца.

Потом раздался сигнал: двойной выстрел из ружья. Бригадир с рабами оделись, взяли инструменты и пошли куда-то – сами, без охраны. А вот за Рэдом явился конвоир.

Этот человек, очевидно, не был коренным дангарцем. Он имел круглое плоское лицо, приплюснутый нос, и глаза настолько узкие, что нельзя понять их цвет: радужек не видно, одни зрачки глядят из щелей. Носил он шапку на лисьем меху и пальто, сшитое из оленьих шкур; вооружен был двуствольным ружьем. Конвоир уточнил:

– Рэд?

Говорил он мягко, подтягивая последний звук. Выходило вроде как: «Рэда».

– Да, Рэд, – ответил новичок.

Конвоир хлопнул себя по груди:

– Якка.

И махнул Рэду, чтобы шел следом.

Между землянок грибницы они зашагали к большому центральному терему. Рэд подумал о том, что будет дальше. Видимо, его определяют на работы. Судя по лопатам и киркам у «штайнов», предстоит каторга в каком-то руднике. Станный, конечно, рудник: три дня пути до ближайшей станции. Как же вывозят добытую руду? Наверное, для грузовых поездов есть другая ветка. Или море где-нибудь рядом... Хотя море Рэд учуял бы и за сто миль.

Говорят: рабам на рудниках приходится тяжелее всего. Даже на плантациях легче, а в армии – подавно. Но Рэда это не волновало: он не рассчитывал задерживаться тут.

Они подошли к терему, перед которым уже собралось человек пятьдесят. Видимо, все новички: Рэд узнал нескольких своих спутников из вагона. Подходили еще люди, чтобы присоединиться к толпе. На крыльце у входа в терем дежурил офицер. Первым делом рабы приближались к нему, и он каждому задавал одинаковый вопрос:

– Цуштанд?

Раб отвечал:

– Фертих.

Офицер делал знак, раб становился в толпу.

Туда же подвели Рэда. Офицер бросил:

– Цуштанд?

– Краб знает, что это.

Вместо Рэда ответил Якка:

– Дас нойе.

Рэда поставили к остальным. Якка встал на крыльце, возле офицера.

Из терема вышел паренек с толстой книгой в руках – видимо, писарь. Выкрикнул чье-то имя, один из рабов отозвался. Писарь что-то сказал. Раб изменился в лице и выдохнул:

– Шайсе...

Переспросил, писарь повторил сказанное. Понурившись, раб повернулся и куда-то побрел, а писарь вернулся в терем.

Так повторялось много раз. Несколько писарей по очереди выходили на крыльцо и называли одно либо несколько имен. Названные откликались: одни с надеждой в голосе, другие с тоскою. Писари говорили что-то. Всякая фраза начиналась словом «цуштанд», а дальше шло невнятное шипение да карканье. «Цуштанд – пшик хряк швайс храйс!.. Цуштанд – барабара-бзейн!»

Услышав это, рабы реагировали по-разному. Одни вздрагивали, бледнели, жалобно лепетали. Кто-то повалился в обморок, услышав свой «цуштанд». Другие скребли в затылке, кричали, качали головам. Третьи радовались и махали шапками. Выглядело так, будто людям оглашали приговоры: кому-то досталась виселица, а кому-то – пара плетей. Однако после оглашения все, даже «висельники», самостоятельно шли куда-то, и никто их не охранял.

Рэд прикинул, крепко ли ему достанется. Наверняка бригадиров бить нельзя, за это предусмотрено наказание. Но вряд ли особенно сильное: бригадир-то напрашивался сам. Нерационально будет – портить раба из-за такой мелочи.

Вот и вызвали:

– Рэд!

Он подошел и сказал писарю:

– Ишак, поставь полное имя. Меня зовут...

Но тот не слушал, а пялился в книгу. Это был самый мелкий из писарей – лет семнадцать, не старше. Щуплый, светловолосый, рожица в веснушках, на носу прыщ. Из-за растерянности он выглядел еще жалобней. Подчеркнул строку ногтем, перечитал дважды, разинул детские глазенки – не мог, значит, поверить. Переспросил Якку, но тот пожал плечами: почему мне знать, что у тебя написано.

Писаренок выронил: «Варте...» – и убежал в терем. Вскоре вернулся весь красный, аж пунцовый. Проблеял, глядя в живот Рэду:

– К-кайн цуштанд.

По толпе рабов прошел ропот, раздались крики возмущения. Рэд не понял, что значит этот «кайн». Чему удивлялся писаренок и возмущалась толпа – жестокости приговора? В смертную казнь Рэд не очень-то верил: не затем его так долго везли, чтобы сразу прикончить.

– Комме, – сказал Якка и позвал за собой.

Обогнули терем, зашли в большой сарай, пристроенный с тыльной стороны. Там оказался склад, Рэду выдали телогрейку, шапку, лопату и кайло. Значит, приговор сводился к работам в руднике – как и у соседей по землянке. Обычное, стало быть, дело. Отчего же так взвился писаренок?

– Комме, – позвал Якка.

Они пошли через селение. Плосколицый не гнал Рэда перед собою, как сделал бы умный конвоир, а шел впереди сам, оставив раба за спиной. На спине у Якки висело двуствольное кремневое ружье: старое, но очень красивое, с резным прикладом и серебряными узорами на цевье. Дело пары вдохов – опрокинуть узкоглазого и отнять ружье. Но что потом? Селение, наверняка, окружено заставами. В лесу стоит кордон охраны, невидимый отсюда. Пожалуй, есть и волкодавы – куда ж без них... Ринуться напролом, в одиночку, не зная дороги, с кремневой старушкой в качестве вооружения? Нет уж, лучше не спешить.

Рэд шел следом за Яккой. Покинув селение, они углубились в лес. По всему лесу змеились тропинки, образуя целую паутину. Тут и там в чаще зияли просветы – вырубленные поляны. Заросли кустов мешали видеть, что на них происходит, но с каждой доносились голоса. Тропинка вывела Рэда с Яккой на одну из полян. Небольшая – шагов десять в поперечнике. Несколько пней, поваленное дерево, куча смерзшегося грунта. Между пнями – вбитый в землю колышек с флажком. Якка указал на флажок, указал на лопату и сказал:

– Грабе.

Лопата – однозначный инструмент. Ею можно лишь копать, а также драться, но вряд ли Якка имел в виду это. Очевидно, «грабе» – значит: «копай». Крабья чушь! Как бы мало Рэд ни знал о рудниках, одно он понимал: их не роют просто так на полянке среди леса. Должна быть шахта или штольня, или как оно зовется...

– Зачем копать?

– Рэда, грабе.

– Какого краба это нужно? Просто роешь где попало – и будет руда? Такие у вас богатые земли?

Якка пожал плечами:

– Кайна цуштанда. Грабе, Рэда.

Рэд подумал: мне же лучше. Сплюнул, размял ладони и вогнал лопату в землю. Лезвие вошло от силы на дюйм – грунт затвердел от ночного заморозка. Якка взял кайло и показал, как делается: сначала раздолбить корку, распушить землю, а уж потом работать лопатой. Рэд принялся за дело.

Вскоре он ощутил удовольствие. Добрый месяц в вагоне почти не шевелился, если не считать прогулок до уборной и пары попыток сбежать. Мышцы аж выли от безделья – а тут долгожданная разминка! Да и теплее стало от нагрузки, впервые за неделю Рэд по-настоящему согрелся, даже кашель надолго утих. Он увлекся работой, забыв посторонние мысли. Узкоглазый сидел на пеньке и курил, а Рэд копал.

Яма имела уже ярд в поперечнике и около фута в глубину, когда он осознал мрачный смысл своего дела. Могилу он роет. Себе самому.

Вот чему удивлялся писарь: казнить раба в первый же день, без никакого толку? Сбегал, переспросил у начальства. Вернулся и пролепетал испуганно: «Кайн цуштанд», а все возмутились: это слишком!.. И вот Рэд копает, а Якка в ожидании курит, поглаживая ружье.

За догадкой пришел не столько страх, а удивление: какая нелепость! Его же купили за немалые деньги в другой стране. Работоторговец обманом накрутил цену: перед торгами подпоил Рэда бонком, чтобы унять кашель. Потом его долго везли кораблем и вагоном, изрядная стоимость дороги прибавилась к цене. А теперь все эти деньги – просто за борт?..

Однако тревога поднялась в груди: слишком ладно склеилась догадка. И слишком ласково Якка поглаживал ружье... Рэд отложил лопату, расстегнул рубаху и вынул конверт, спрятанный на груди. Подошел к Якке. Палач курил трубку с несуразно длинным мундштуком, курево пахло не то смолой, не то жженым мхом. Рэд показал ему конверт.

– Якка, послушай. Я прошу: окажи последнюю услугу. Вот письмо. Мне позарез нужно на него ответить. Позволь написать несколько строк и отправь, куда скажу. Потом – стреляй, сколько влезет.

Не выпуская трубки изо рта, палач развел руками. Рэд поморщился:

– Ну да, ты не понял. Гляди: вот письмо. Я читаю. Я пишу ответ. Ты – отправляешь.

Потом ты меня – бабах!

Каждое действие он сопровождал жестами. Якка мотнул головой: не согласен.

Рэд сложил руки в жесте мольбы.

– Якка, мне это очень нужно, понимаешь? Лишь бы отправить письмо – а там хоть стреляй, хоть вешай. Всеми Древними и всеми мирнами заклинаю! И вашим этим Сеятелем тоже!

Он даже сотворил дангарский божий знак – как сумел. Якка улыбнулся:

– Рэда, грабе.

Копай, мол. Твое место – в яме.

Рэд поднялся и взял кайло. Выбрал самый крупный и замерзший ком земли – считай, камень. Одной левой рукой замахнулся и с первого удара разнес в куски. Потом указал пальцем в лоб палачу:

– Слушай, Якка: я ж тебя убить могу. Ружьишко не поможет, не успеешь. Прямо сейчас твоя жизнь – в моих руках. Жизнь – хорошая штука. Заработаешь деньжат, найдешь себе узкоглазую бабу, нарожаешь детишек... Или – нет. Если не договоримся. Я тебе, Якка, всю твою жизнь предлагаю в обмен на письмо!

Якка погладил серебряный узор на цевье: без угрозы, с нежностью. Сказал примирительно, будто хотел успокоить:

– Рэда, грабе. Кайн цуштанда. Гут!

Одной рукою Рэд протянул конверт, а второю крепче стиснул кайло.

– В последний раз прошу. Жизнь отдам за письмо! Две жизни – твою и мою. А нет – прикончу на месте. Не ты меня кайн цуштанд. Я тебя – кайн цуштанд!

Как тут сзади послышалось движение. Рэд обернулся, заноса оружие, но там оказался не стражник, а прыщавый писаренок. Он взвизгнул, отскочил из-под кайла, а Якка хохотнул. Именно этот смех успокоил Рэда. Ничего смешного нет в том, когда приговоренный угрожает писарю. Каким бы спокойным ни был палач – не смеялся бы он, а стрелял. Похоже, Рэд ошибся, оценивая ситуацию. Он опустил кайло, и Якка похвалил:

– Гут Рэда.

Держась от узника подальше, писаренок задал пару вопросов, а узкоглазый ответил, сместив трубку в уголок рта. Потом писаренок заглянул в яму. Вынул из кармана портняжную ленту, замерил ширину и глубину ямы, записал в книгу. Измерять рост и ширину плеч Рэда он не стал, что укрепило надежду: может, и не могила. Потом писаренок почесал прыщ на носу и что-то сказал, обращаясь, похоже, к куче земли.

Узкоглазый докурил трубку, выбил пепел, закинул на плечо ружье и сказал:

– Рэда, коме.

Все втроем пошли обратно – по лабиринту тропинок через лес в селение-грибницу. Поднялись на крыльцо центрального терема, Якка велел оставить лопату и кайло, скинуть грязную обувь. Вошли. Внутри было жарко натоплено, аж клонило в сон. В караулке дремал часовой, облокотившись на ружье. Якка разбудил его и доложил, часовой убежал вверх по лестнице, потом вернулся и махнул: идите, ждут.

Поднялись, миновали коридор, вошли в комнату. Обстановкой она напоминала приемную чиновника: письменный стол, шкафы с папками, кресла для начальства, табуретки для посетителей. На фоне угрюмой мебели и темного дерева стен выделялись два ярких пятна. Одним были часы с маятником, отделанные позолотой и начищенные до яростного блеска. Грузик маятника имел форму рыбы, при каждом качании она разевала и закрывала рот: клик-клак.

Вторым источником сияния являлся хозяин кабинета. Он сидел за столом, одетый в пурпурный плащ. Фактура ткани была так богата, а цвет настолько ярок, что глаз буквально при-

липал к плащу. Особенно выделялась фибула в виде серебряного сома, чьи роскошные усы служили застежкой. Впрочем, и лицо мужчины было памятным: резко очерченные скулы, ястребиный нос, надменные зеленые глаза. Волосы прятались под черным квадратным колпаком вроде тех, какие носят умники в университетах.

Когда они вошли, пурпурный плащ глянул на писаренка и бросил несколько слов. Прыщавый что-то пролепетал в ответ, скукожился и прилип задом к табуретке. Вытащил из кармана блокнот с карандашом, как бы изготавившись писать, а на деле – прячась за бумагой.

Пурпурный плащ перевел взгляд на Рэда, обмерил с ног до головы. Затем поднял со стола и показал книгу. Половину слов на обложке Рэд смог прочесть: это был дангаро-каталийский словарь. Кроме того, на столе лежал листок, исписанный фразами и отдельными словами. Выходит, важный сом в плаще заранее готовился к разговору!

– Ишь бин Фритьоф Йориксен, дер фишмайстер. – Голос сочился гордостью и затаенной энергией. Пурпурный плащ сперва сказал по-дангарски, а потом зачитал с листка перевод: – Я есть Фритьоф Йориксен, мастер-рыбак.

– Я Рэд, – отозвался Рэд, уже не надеясь, что кто-нибудь запомнит его полное имя.

– Ты есть каталиетц? – прочел Йориксен заготовленный вопрос.

– Да.

– Ду бист майн штайн, – произнес Йориксен и перевел по словам: – Ты есть мой камень.

– Раб и камень у вас – одно слово?

Рэд не мог перевести свой вопрос: словарь давал перевод с дангарского на каталийский, не обратно. Йориксен повторил:

– Ты мой камень.

Рэд спросил:

– За что меня хотят убить?

Он показал жестами: Якка берет ружье – пафф! – Рэд хватается за сердце. Нарисовал в воздухе знак вопроса: почему?

Приподняв бровь, Йориксен глянул на Якку. Тот заговорил спокойно и с улыбкой. В конце монолога показал, как Рэд замахнулся на него киркой. При этом издал смешок – дескать, забавно вышло.

Повернувшись к Рэду, Йориксен прокаркал несколько слов на дангарском. Эти слова не были заранее выписаны на листок. Он пролистал словарь в поисках перевода.

– Убить нельзя... без приказа. Нет приказ – нет убивать!

– Ты не приказывал меня убить?

Йориксен замешкался с ответом и поглядел в сторону. Тут Рэд обратил внимание на еще одного человека в кабинете. Справа от фишмайстера сидел мужчина в черном – тихий, словно тень. На рукаве его мундира тускло блестел железный значок в виде сокола. Этот черный слушал разговор безучастно, не пытаясь вмешаться. Да он и не смог бы: единственный словарь присвоил мастер-рыбак.

– Нет приказ убить, – сказал Йориксен после паузы. – Тебя не убить. Ты копать.

– Я же копаю свою могилу... или нет?

Рэд показал: лопата – рыть – выстрел – труп в яме. Йориксен рассмеялся, когда понял. Якка тоже гоготнул, писаренок забулькал сквозь зубы. Черный сокол не издал ни звука – ему не было дела.

Мастер-рыбак поднялся из-за стола и подошел к Рэду.

– Не убивать! Ты копать шёнбрун! Ферштее?

Йориксен схватил воображаемую лопату, сделал несколько взмахов, потом бросил в “яму” невидимое ведро, вытащил, хлебнул воды.

– Колодец?! – изумился Рэд.

– Йа! Колодез! Ты копать!

– Не дури мне мозги, – фыркнул Рэд. – Тут полно рабов. Любой мог вырыть колодец. Меня везли не для этого.

Йориксен схватил со стола листок-подсказку, нашел нужные слова и заговорил, положив руку Рэду на плечо:

– Ты есть каталиец. Ты хорошо копать. Сделать колодез, шёнбрун! Потом ты – свобода!

Рэд сперва только фыркнул: это каталийцы-то хорошо копают? Нашел копачей!.. Затем до него дошло.

– Свобода?.. Ты меня отпустишь, когда вырою колодец?!

– Йа! Каталиец копать шёнбрун. И сразу – свобода!

Суший бред! Везти раба через полматерика, чтобы выкопать колодец?! При том, что здесь уже полно рабов с лопатами?!

Но вот в чем штука: Йориксен совсем не выглядел лжецом. Он готовился, выписывал фразы из словаря, теперь говорил – и глаза блестели от задора. Сам аж горел этой идеей: каталиец выроет колодец!..

Может быть, закралась ошибка перевода? Рэд переспросил на муарийском и солантийском, но Йориксен не знал этих языков. Тогда Рэд стал уточнять пункт за пунктом, поясняя жестами:

– Тебе нравится, что я каталиец? – он стукнул по словарю, чтоб передать последнее слово.

– Да! Дас ист гут, это хорошо!

– Хочешь, чтобы я вырыл колодец?

– Очень хочешь! Я приказать... – Йориксен осекся. Поискал в словаре, сказал с нажимом: – Я надеяться на ты!

“Надежда” в его лексиконе была более сильным словом, чем “приказ”.

– И когда вырою, я свободен?

– Йа! Шёнбрун готов – ты свобода!

– Свобода – значит, в лес к волкам? Зима, снег, кусь-кусь?

Йориксен терзал словарь, страницы хрустели под быстрыми пальцами.

– Свобода, воля! Ехать куда хотеть! Шёнбрун готов – я тебе деньги, одежда, поезд!

Да врет же он, гад... Но сам верит каждому слову! Как же так-то?

– А если не выйдет? – уточнил Рэд. – Вдруг здесь нет воды под землей? Что тогда?

Он объяснил жестами: копаю, копаю, копаю – а там ничего, пусто.

Вот теперь Йориксен нахмурился. Долго листал, разыскивая нужные слова.

– Ты смочь. Рано или поздно. Айнц год, цвай год, драй год. Ты смочь!

Вот он, подвох! Если не будет воды – копай снова, пока не найдешь. Год, два, три – плевать.

Рэд подумал, заранее подобрал жесты. Медленно, показывая все, что возможно, заговорил:

– Нет у меня трех лет. Нет и года. Я смертельно болен. Врач отмерил мне год, и с тех пор прошло девять месяцев. Я помираю, ферштее? Кха-кха-кха-кха.

Он разразился сухим мучительным кашлем. Рыбак смотрел и слушал.

Поборов приступ, Рэд вытащил из-за пазухи конверт.

– Одно я должен сделать в жизни: ответить на это письмо. Написать страницу и послать в Лаэрту. Помоги мне – я буду копать, пока жив. Не представляю, на кой краб это нужно, но я вырою, сколько успею. Только отправь мое письмо!

Йориксен взял конверт и попытался прочесть. Это было невозможно: словарь переводил с дангарского, а письмо – на каталийском. Фишмайстер отбросил бумагу на стол.

– Копай, каталиец! Сначала – шёнбрун, потом – свобода!

Рэд повторил просьбу – еще медленней, еще яснее:

– Дай мне написать ответ. Отправь в Лаэрту. Тогда я буду копать. Много копать. Иначе сбегу или сдохну, но ничего не вырою. Хочешь колодец – отправь письмо! Иначе – помру, а копать не стану!

Последний жест был кристально ясен: Рэд чиркнул себя по горлу.

Повисла тишина, лишь маятник-рыбка отбивал свое: клик-клак, клик-клак. Писаренок трусливо лыбился, как и прежде; черный сокол сонно глядел в потолок.

Мастер Йориксен заговорил внушительно, с нажимом:

– Ты не умирать. Ты не убегать. Ты копать! Ты удача, каталиец. Ты сможешь!

Он взял Рэда за руку и закатал рукав. На предплечье красовалась татуировка: верхом на пушке сидела красотка Элига. Одно лицо ее – женское – сияло соблазнительной улыбкой. Другое – змеиное – пряталось под копной волос, лишь глаз с вертикальным зрачком выглядывал между локонов.

– Кто это? – спросил мастер-рыбак.

– Мирна удачи, – буркнул Рэд.

– Кто?

Эти кретины не заслуживали ответа. Они заслуживали каждый по пуле из ружья. Но письмо, ради всех владык бездны – письмо!

Рэд прокашлялся и пояснил, как смог:

– Удача. Чет или нечет. Бросаешь монету – орел или решка. Элига – мирна удачи. Мирна – неумершая женщина, помощница богов.

Кое-что они поняли: про удачу. Мастер Йориксен достал монету, показал на орла и отдал Рэду. Ему предлагалось сделать ставку.

Каталиец наугад ткнул в решку и метнул монету в воздух. Поймал, шлепнул себе на ладонь: решка и есть.

Рыбак снова показал монету, на сей раз выбрав решку. Рэд, вопреки ему, поставил на орла. Щелкнул ногтем, монета завертелась на столе, замедлила оборот, упала набок.

Йориксен просиял:

– Ты удача, каталиец! Ты сможешь копать шёнбрун!

Мертвец – это прекрасно!

Лаэрта делится на одиннадцать районов: по одному для каждой из эсфер. Имеется место, где три района – Ремесел, Обслуги и Земледелия – сходятся клиньями к треугольному перекрестку. Именно там находится таверна «Три быка». На каждой ее стене нарисовано по символу эсферы: башмачок Обслуги, шестерня Ремесел, бычья голова Земледелия.

За таверной укрепилась слава заведения, где можно разными способами выпустить пар: напиться в хлам и проиграться в пух и прах, затеять спор с пеной у рта или пометать в стену ножи. Хозяин таверны не возразит и против драки между посетителями, хотя заставит оплатить разбитую посуду. «Три быка» стоят на серой земле: тут запрещено убивать, насиловать и калечить, но можно – воровать, мошенничать, работать кулаками, а также, конечно, болтать о чем вздумается. Сюда ходят люди с мозолистыми руками, готовые плюнуть в лицо любому, кто заявит, будто мир справедлив. Слово «обреро» – трудяга – тут произносят с гордостью, а всяческих донов и маэстро зовут пренебрежительно: «те». Здесь, в «Трех быках» всегда найдутся охотники поговорить о том, как нужно переделать Лаэрту, Высокий Стол и всю Каталию. Недаром Фернан и Люсиль Герейра часто заглядывают сюда.

Нынче с ними пришел и Альваро да Силва – писатель, низвергнутый в бездну нищеты. Разместившись у задымленного окна, друзья вкушали жареный рис с говядиной. В центре зала, как часто бывает в «Трех быках», один из завсегдатаев выступал с обличительной речью.

– Нет, амигос, наша страна сделана не так, как нужно! Вот вам вопрос: почему так сложно перейти из эсферы в эсферу? Это что, кандалы или цепи?! – Он потряс рукой с тремя браслетами: свадебным, дружеским и черно-желтым браслетом обреро ремесел. – Если я родился от медника, то почему не могу рисовать портреты или играть на мандолине? Почему, амигос? Я вам отвечу: самые легкие работы забрали те! Им – что попроще да почище, а нам – плуг или верстак!

Супруги Герейра разделяли взгляды оратора, однако слушали в треть уша. Все их внимание было отдано другу.

– Альваро, что же у тебя стряслось?

С ухмылкой заговорщика он ответил:

– Я посетил Гранд Опера!

– Где ты взял денег?!

– Нигде. Слабые люди покупают билеты, к сильным билеты приходят сами. Слушайте же...

Альваро изложил события вчерашнего дня, начав с унижительного визита в банк и окончив списком с пятью именами. Когда он умолк, друзья призадумались. Весьма созвучно их мыслям, оратор вещал:

– Мы, обреро, тащим всю Каталию на своих плечах! В мастерских и на фабриках, и на рисовых полях нас очень много. Но там нас очень мало! – Он махнул в сторону городского центра, где находилось здание Высокого Стола. – Нас держат под седлом, а не в седле! Вот откуда все беды, амигос.

Многие захлопали в ладоши или подняли с одобрением кружки пива.

Фернан Герейра сказал да Силве:

– Позволь мне подытожить, друг Альваро. Не считая мертвеца, в списке значатся четыре человека: генерал, пиратский барон, фабрикант, выжимающий пот из работяг, а также главная змея судейского кодла. Все это – отъявленные кровопийцы. И ты нанялся писать о них хвалебную книгу!

– Ну, первых двоих я знаю и нахожу вполне достойными людьми...

– Негодное оправдание! Неважно, кем ты их считаешь – хоть даже святыми сподвижниками Первого Судьи. Нужно отвлечься от своих личных чувств и увидеть суть этих людей. А суть такова: они – богатые паразиты.

– Но сам дон Филиппе просил...

– Ха-ха-ха! Да он же такой, как они! Это – единое племя пожирателей пота и слез! Ты не имеешь морального права нахваливать их.

Люсиль придержала мужа за локоть:

– Позволь мне сказать. Дорогой Альваро, если ты согласился ради денег, то прошу: не продавай свою совесть. Ты – наш друг, мы перед тобой в долгу. Мы поможем тебе дотянуть до нового гонорара. наших заработков хватит, чтобы прокормить троих, а не двоих. У нас ты всегда найдешь еду, вино и кров.

Со стороны весьма небогатой семьи это было очень трогательно, в пору даже проследить. Однако Фернан вмешался и испортил впечатление:

– Любимая, Альваро провинился и знает об этом. Нет никакого оправдания лизоблюду и прихвостню кровопийц!

– Никакого?.. – вздохнул да Силва.

– Никакого, кроме одного.

– Какого же?

– Возьми меня в помощники!

Альваро и Люсиль разом уставились на Фернана.

– Что?.. Что-оо?!

– Ты будешь ходить в гости к паразитам и вести беседы. Они опишут свои гнусные проделки, выдаваемые за милые шалости. Тебе понадобится секретарь, чтобы все законспектировать. Им могу быть я. Не станешь же ты конспектировать сам.

Альваро озадачился:

– Да, ты прав: я писатель, и потому ненавижу писать что-либо, кроме драматичных сцен и любовных признаний... Но зачем тебе мараить душу, помогая прихвостню кровопийц?

Жестом торжества Фернан вскинул палец:

– Конечно же, ради разведки! Твоя четверка – яркие представители паразитических эсфер. Именно этих людей мы должны потеснить за Высоким Столом. А перед боем нужно получше узнать врага.

Альваро осмыслил предложение и сказал серьезно:

– Позволю себе повториться: генерала и пирата я уважаю. Да и фабрикант имеет в моих глазах по меньшей мере одно достоинство: он производит отменные револьверы. При встречах с ними я не позволю тебе говорить о кровопийцах, пожирателях слез и тому подобной реформаторской чуши.

– Это не чушь, – возразила Люсиль.

– Это не чушь, – повторил Фернан. – Но я клянусь быть крайне сдержанным. Твои собеседники не услышат от меня ничего, кроме вежливых слов и скрипа пера.

Писатель добавил:

– Еще одно. Если по случаю мы узнаем что-либо скверное и грязное, порочащее этих людей, ты никому это не перескажешь и не применишь для политических целей.

– По рукам, – согласился Фернан.

Они подняли кружки за успех нового дела. Альваро спросил:

– А как ты успеешь? Разве не завален работой?

– Увы, гораздо меньше, чем хотелось бы. В Лаэрте растет число грамотных людей и снижается спрос на услуги переписчика. Какой прискорбный упадок культуры...

– Не волнуйся, любимый: зато все больше тех, кто устал от своего ребенка, – сказала Люсиль, работавшая нянькой. – Тружусь за двоих, иногда и ночами. К слову, мне пора уходить.

Фернан расплатился за обед и спросил друга:

– Когда наше первое дело?

– Завтра в три у меня лекция. Встретимся в девять утра и постараемся успеть до нее.

– А к кому направимся?

Альваро расплылся в улыбке:

– Еще спросишь! Конечно же, к мертвецу!

* * *

Три часа пополудни. Винсенья уступила место под солнцем лентяю Дарреджо – мирну механики. В аудитории номер шесть, испещренной пафосными цитатами, начинается лекция. Студенты ерзают на местах, толкаются локтями, шуршат бумагой. Золотое Перо тоже здесь, в центре первого ряда – точит метательные ножи вопросов.

Альваро да Силва подходит к доске и пишет:

«ЗАВЯЗКА».

– Сеньоры и сеньориты, такова наша нынешняя тема. Завязка! Первый выпад в поединке под названием «сюжетный конфликт». Первая загадка в великой интриге романа. Начало всего самого интересного, что будет в нашем сюжете. Готовы?!

– Да, маэстро!

– Приступим. Я изменю обычной схеме и оставлю теорию на потом. Начну – с практического примера, который многое покажет. Сперва ответьте сами: хорошая завязка – это что?

Звучат выкрики:

– Знакомство!..

– Тайна!

– Парень влюбился в девушку!

– Герой поехал в путешествие!..

Золотое Перо умничает:

– Я бы начала с экспозиции, а не завязки.

– Все названные варианты хороши, – соглашается Альваро. – И даже ваш, сеньорита. Но я приведу пример, который сочетает достоинства всех прочих.

Покойный доктор Гарсиа Хуанес имел дом не в районе Науки, как подобает практикующему медику, а на окраине Валентийских садов, в пяти минутах ходьбы от бывшего королевского дворца. Славно устроился, иначе не скажешь.

Двухэтажный особняк был ухожен и опрятен, хотя ничем не выдавал наличия у хозяев эстетического вкуса. На крыльце у двери стояло в горшке сухое деревце синхо – символ недавней смерти, посетившей дом. На ветвях деревца колыхалось множество лент. По традиции каждый может повязать синюю, красную или черную ленту – в знак своего отношения к покойному.

– Друг мой, ты видал такое?.. – поразился Фернан.

Альваро покачал головой: нет, никогда прежде. Все ленты на деревце были синими. Никто не пожелал сказать о покойном ни одного дурного слова.

Друзья постучали в дверь. Раздались шаркающие шаги, и дверь отворилась. На пороге стоял пожилой мужчина. Всеми своими чертами – чопорной осанкой, сединою в висках, безукоризненным черным костюмом – он воплощал образ идеального дворецкого. Даже свои браслеты он прятал под рукав: сама внешность говорила о нем лучше любого браслета.

– Доброго дня, сеньоры. Понимаю, пришли почтить? Проходите, будьте любезны.

По приглашению дворецкого друзья вступили в холл. Одно сразу бросилось в глаза: на видном месте стоял стол с портретом доктора Хуанеса и медицинским саквояжем, а вокруг

громоздились букеты. Их было даже больше, чем давеча в гримерке дона Филиппе. И среди сотен цветов не нашлось ни одного темного – лишь белые, желтые и светло-голубые.

– Сеньоры, в этой вазе осталось место, – указал дворецкий. – Позвольте ваш букет...

Лишь теперь он заметил, что друзья пришли без цветов.

– Виноват?

– Мы желаем почтить память доктора иным способом. Я – Альваро Флорес да Силва, а это – мой друг, Фернан Герейра. Я пишу книгу о выдающихся людях Лаэрти. Хочу включить в нее рассказ о докторе Хуанесе.

Дворецкий уточнил:

– Жизнеописание или нечто иное?

– Прежде всего хочу описать последние годы жизни доктора. А также, с позволения, его смерть.

– Важна ли для вас правда, сеньор?

– Несомненно. Правдивое описание достоинств покойного доктора – такова моя цель.

Дворецкий ответил с поклоном:

– Мое имя Эмиль Диале. Буду рад помочь. Служил доктору Хуанесу двенадцать лет.

Пройдемте в кабинет, и я отвечу на все вопросы.

– Не пригласите ли также вдову покойного, сеньору Хуанес?

– Зачем? – удивился дворецкий.

– С той же целью – для беседы. Или она велела не беспокоить?

– Нет, не велела, просто не вижу смысла. Но коли настаиваете – позову.

Подволакивая ногу, Эмиль подошел к лестнице, но подниматься не стал. Просто задрал голову и крикнул в сторону второго этажа:

– Сеньора, молодые люди пришли писать книгу! О сеньоре!

Решив, что этого хватит для уведомления хозяйки, Эмиль вернулся к гостям и указал путь в кабинет.

– Прошу сюда, сеньоры. Вот здесь все и происходило.

У Альваро захватило дух от полноты и точности картины. Это был совершенный кабинет врача, словно списанный с книжных страниц. Здесь имелось все, что приходит на ум при слове «медицина»: стеклянный стеллаж с пузырьками лекарств, кушетка под зеленой простыней, секретер на дюжину ящичков, скелет с непостижимо белыми зубами, огромный рисунок человека в разрезе, вешалка с халатами и колпаками... Была также пара уютных кресел, как нарочно созданная для беседы с выздоравливающими: «Что скажете, сеньор? Идем на поправку?» – «Вашиими стараниями, доктор, лишь вашими стараниями!» А в дальней стене виднелся проход в операционную, где стоял, раздвигая собою пространство, хирургический стол.

– Прекрасно! – выронил Альваро. – Об одном этом месте можно написать главу!

– Доктор Хуанес принимал здесь каждый день. Садитесь, сеньоры. Что желаете узнать?

Друзья разместились в креслах, а Эмиль сел на кушетку.

– Начните с того, что сами считаете важным.

Без колебаний Эмиль заявил:

– Доктор Хуанес был очень хорошим человеком.

И в подтверждение тому повел рассказ.

Солангийская экспедиция прославила всех офицеров «Санта Элизы», в том числе и судового врача. Гарсиа Хуанес уходил в плаванье обычным доктором, вернулся – героем. Недолго думая, он открыл практику в Лаэрте, и пациенты сразу выстроились в очередь. Сперва шли не столько за лечением, как за сенсацией. Но с первого же приема пациенты выходили абсолютно очарованными и больше не вспоминали других докторов. Гарсиа Хуанес имел одну уникальную черту: он любил слушать.

Как правило, врачи ненавидят болтовню. «Сильно болит? Здесь? Режущее? Кровь в стуле? Давно началось?.. Все ясно». От пациента не ожидается ничего, кроме отрывистых ответов: «Да, тут, ой-ой, как ножом, третьего дня». Даже вопрос: «Я скоро поправлюсь?» – иные доктора принимают за оскорбление. Но Гарсиа Хуанес был не таков. Он мог добрых полчаса сидеть с чашкой чаю и слушать рассказы пациента. А ведь известно: ничего нет слаще для больного, чем расписать во всех красочных деталях свою хворь!

Что касается медицинских знаний, то здесь Хуанес был не лучше иных докторов, но, пожалуй, и не хуже. В одной сфере он совершил ряд открытий – а именно, по части сердечно-сосудистой системы. Хуанес изобрел пару снадобий, изменяющих кровяное давление, чем весьма поразил гипотоников и гипертоников.

С годами у доктора сложилась обширная клиентура. Простым обреро его услуги были не по карману, зато к нему заходили высшие офицеры, доны и даже аллены. И все выходило с наилучшим впечатлением, ибо...

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь, дорогие сеньоры!

В дверях кабинета появилась вдова. Сложно сказать, было ли это вызвано ее новым статусом или давно вошло в привычку: сия пожилая дама отчаянно молодилась. Одежда и украшения силились отнять лет десять-пятнадцать, но морщины на шее неумолимо возвращали отнятое. Бросались в глаза ее волосы: они вились так безудержно, что напоминали не то облако, не то копну овечьей шерсти.

– Доброго дня, сеньора Хуанес. Наши соболезнования.

Вдова отрезала:

– Нельзя, я запрещаю! Гарсиа жил светло, и теперь ушел в синеву. Я радуюсь за него, и вы должны.

– О, да. На древе синхо – только синие ленты. Никогда прежде мы не видели такого. Ваш муж был прекрасным человеком.

– Это правда, достойная Свитка! ... Но позвольте, отчего вы не пьете чай? Эмиль, ты не подал чаю?!

Дворецкий без лишней поспешности поднялся с кушетки:

– Сеньоры желали ответов, а не питья.

– Бесстыдная невежливость! Ступайте и принесите чай!

Она гневно встряхнула головой, приведя кудри в колебательное движение. Эмиль процедил:

– Сию минуту, госпожа, – и пошаркал на кухню.

Друзья отрекомендовали себя. Альваро уступил сеньоре свое кресло. Вдова наградила его комплиментом, села и спросила:

– Скажите же, молодые люди, от каких болезней исцелил вас мой муж?

– Мы не...

– Постойте, я сама догадаюсь. Вы, сеньор Герейра, явно склонны к малокровию. Супруга откармливала вас говядиной с красным вином, но это не помогало, пока Гарсиа не прописал укрепляющий бальзам. А вы, сеньор да Силва... дайте-ка подумать... ну, конечно! Ваши губы и глаза выдают поэтический нрав. А коль так, ваше сердце уязвимо к житейским коллизиям. Гарсиа часто имел дело с такими случаями!

– Сеньора, я писатель, а не пациент. Мы пришли, чтобы написать книгу о докторе Хуанесе.

– Как это прекрасно! Вы окрепли настолько, что нашли силы для творчества!

Альваро оставил попытки разубедить вдову.

– Я очень благодарен вашему супругу, но, к сожалению, знал его мало. Вас не затруднит...

Сеньора перебила:

– Что он успел наговорить?

– Доктор Хуанес?..

– Эмиль! Явно уже проболтал вам все уши. Выкиньте из головы и послушайте меня!..

Прежде всего – и это главное – доктор Гарсиа Хуанес был правдивым человеком. Когда завел любовницу, сразу сказал об этом супруге, даже назвал точный срок: роман продлится три месяца. Спустя девяносто один день он вернулся домой. Когда сын Гарсии, молодой Хуан Хуанес, начал ассистировать отцу, Гарсиа сказал: «Ты выйдешь никудышным врачом». Так и случилось! Хуан даже не нашел себе места в Лаэрте, пришлось ему уехать в какой-то городишко близ Ольгамбры... Но важнее всего – Гарсиа всегда был честен с пациентами. Иные врачи напускают туману, Гарсиа же шел напрямик. Если дело худо – так и говорил; если пора сажать сухое дерево – говорил и это. Не стеснялся ни чинов, ни титулов, любому выкладывал как есть. Не далее, как в прошлом месяце, приезжала прим-аллен права собственной персоной. Побывала в кабинете – вылетела черной тучей, хлопнула дверью...

Альваро вмешался:

– Простите, сеньора, не понимаю. Выходит, доктор Хуанес был груб с пациентами? Но Эмиль сказал обратное...

– Кто сказал, что Гарсиа груб? Эмиль?! Говорю же, не слушайте его! Вычеркните все, что записали за Эмилем. Да, муж говорил правду при самом худшем диагнозе. Но тем больше счастья было, когда он исцелял болезнь! Вы бы видели, сеньоры: пациенты плакали от радости в этом самом кабинете! «Симптомов больше не наблюдается», – вот любимые слова Гарсии.

– Но прим-аллен права получила плохой диагноз и не вернулась за лечением. Отчего так?..

– Ч-чай, сеньоры, – с оттяжкой сказал дворецкий, ставя поднос.

– Благодарю, ступай, – сказала вдова. – Я сама поухаживаю.

– Сеньоры желают услышать о дне смерти?

– Я сама расскажу!

Альваро изъял чайник у вдовы и заботливо наполнил ее чашку.

– Сеньора, вам будет тяжело описывать горестный день. Мы не смеем терзать вас. Лучше пускай расскажет Эмиль.

Вдова не нашла, что возразить. Дворецкий заговорил с оттенком торжества:

– Целый тот день я провел с сеньором. Ассистент приболел и не явился, я вел записи вместо него. Вот как все происходило...

Доктор Хуанес был немолод, однако мог похвастать здоровьем. Только повышенное давление досаждало ему, но доктор купировал болезнь с помощью капель. В последний день он в отличном самочувствии принимал пациентов (коих Эмиль заносил в журнал). Большинство из них были постоянными клиентами, пришедшими на регулярный осмотр. Доктор Хуанес изучил их состояние и прописал очередное лекарство – словом, не случилось ничего необычного.

А вот после обеда зашел один любопытный пациент: важный офицер от артиллерии. Доктор осмотрел его вроде бы впервые, но говорил с ним, как со старым знакомцем. Эмиль занес в журнал результаты осмотра: офицеру было выписано и сразу же выдано снадобье от гипотонии. Затем Хуанес велел принести чаю. Эмиль вышел, а когда вернулся, офицер рассказывал доктору о Дангаре. Войска кайзера сокрушили олландских князей, из-за чего будут некие скверные военные последствия. Этому не следовало заносить в журнал, потому Эмиль слушал невнимательно. А вот доктор Хуанес излишне увлекся беседой. Эмиль предупредил его: «Осторожно, сеньор: чай горячий». Но доктор не обратил внимания и хлебнул слишком быстро. Обжег рот, вскрикнул, разбил чашку. Стал остужать язык водой из стакана...

– Эмиль, зачем это рассказывать?! – возмутилась вдова. – Хочешь показать Гарсию растяпой?

– Нет, сеньора. Он был разносторонним человеком: интересовался и медициной, и политикой, и войною. Так переживал о судьбе Олландии, что не заметил кипятка.

– Это любопытный эпизод, – подтвердил Альваро. – Продолжайте, Эмиль.

Дворецкий продолжил, но, к сожалению, других интересных пациентов в тот день не случилось. Доктор довел до конца прием, и ощутил недомогание. Пошел в спальню, лег, принял свой бальзам для понижения давления. Поужинал в постели, поговорил с женой, почитал газету. Попробовал уснуть, но не смог, стал жаловаться на духоту и боли в сердце. Принял дополнительную дозу бальзама и решил подняться на крышу, в садик, чтобы глотнуть свежего воздуха. На верхнем лестничном пролете он упал замертво. Другие доктора, осмотрев тело, пришли к выводу: разрыв сердечной мышцы.

Фернан резво скрипел пером, фиксируя каждое слово. А Альваро вскочил на ноги от возбуждения. Вот она, восхитительная завязка сюжета!

Доктор не имеет врагов, один синие ленты на древе. Выслушивает болтовню пациентов, они ему доверяют. Говорят обо всем, в том числе о политике и войне... И вдруг он внезапно умирает! Без видимых причин, просто так!

– Все это очень интересно. Позвольте задать ряд вопросов. Прочие пациенты тоже говорили с Хуанесом о политике?

– Тем днем – нет. А в другие – пожалуй, бывало. Он пользовался большим доверием.

– Успел ли он выпить чай?

– Нет, сразу обжегся и выронил чашку.

– А когда вы подали новую?

– Он уже не хотел чаю, выпил холодной воды из стакана.

Альваро увидел на столике графин и стакан.

– Но воду-то он пил? А рядом сидел тот самый офицер? Быть может, офицер и налил ему?

Эмиль нахмурился:

– Сеньор, вы задаете странные вопросы. Есть ли разница, кто наливал воду?

Альваро продолжил:

– Сам военный пил из этого стакана?

– Он налил для себя, но сеньор выхватил у него стакан, когда обжегся. Какое значение...

– А скажите, Эмиль, офицер говорил с доктором дружелюбно? Или, может быть, враждебно, угрожающе?

Лишь теперь дворецкий осознал скрытый смысл вопросов. Воззрился на гостей с сильнейшим удивлением, потом повернулся к хозяйке:

– Они думают... сеньора убили!

Вдова похлопала глазами, неспособная принять такую глупость.

– Нет же! Это полная чушь! Сеньор да Силва, скажите, что вы не имели этого в виду!

Однако Альваро думал именно об этом, его лицо выражало охотничий азарт. Дворецкий и вдова скривили губы, не зная, как быть с подобным идиотом.

Фернан ткнул Альваро локтем под ребра:

– Мы в белом районе, осел. Извинись.

Дворецкий произнес сухо и высокопарно:

– Маэстро да Силва, вы находитесь на белой земле. Мысль об убийстве абсурдна и глупа.

Нет, Альваро да Силва не был слепцом. Он видел белые столбы на каждом перекрестке по дороге сюда. Как любой истинный каталиец, он впитывал исходящее от них чувство безопасности. Белые столбы – значит, белая земля. Можно не следить за кошельком и разрядить револьвер; можно играть в карты, не боясь шулеров; можно оставить на лавке золотые часы, а через час вернуться и найти их на том же месте. В белой земле не случается преступлений. Любых преступлений, не то что убийств! Худшее, что может тебе грозить, – пощечина от девушки.

– Простите, господа, – после паузы сказал Альваро. – Конечно же, мы в белой земле. Я просто не заметил...

– Нельзя не заметить белую землю, – наставительно сказал дворецкий.

Правда была на его стороне. Столбы – самая мелкая из отличительных черт. В белой земле нет решеток на окнах и замков на дверях. Здесь не встретишь альгвасилов и стражей – им попросту нечего тут делать. Зато сплошь и рядом встретишь детей, играющих без присмотра, и девушек в вызывающе коротких платьях, и торговцев с товаром в открытых витринах. Нельзя не ощутить абсолютное отсутствие страха!

Альваро оправдался:

– Поймите, господа, я сам живу в белом районе и так привык к нему, что даже не замечаю. А мыслями часто переносюсь в сюжеты, где дело происходит в самых опасных местах. Вот я и ощутил себя героем книги, спутал вымысел с реальностью.

Дворецкий сказал мягче:

– Будьте осторожны, маэстро. Излишние фантазии иногда сводят с ума творческих людей. У моего сеньора бывали в практике такие случаи.

Вдова наставительно подняла палец:

– Не думайте, маэстро, что дело только в белой земле. Гарсиа ездил и в серые, и в черные земли, и никогда не пользовался охраной. Никто не желал ему зла. Когда он ушел, никто не сказал злого слова. Вы же видели ленты на его дереве!

Фернан сказал:

– Будьте снисходительны, сеньора. В моем друге говорит ни что иное, как зависть. Любимое дело Альваро – бесить окружающих. Вот он и не может поверить, что есть на свете люди, добрые ко всем.

– О, придется поверить, – дворецкий открыл стеклянный шкаф.

На верхней полке стояли в ряд пузырьки с лекарствами от давления. А за ними, в качестве фона, располагались бутылки дорогого спиртного. Завидная коллекция, одна марка краше другой.

– Их все подарили пациенты! Вот как любили доктора Хуанеса. Вот, кстати, подарок того офицера, коим вы интересовались: альмагарский бонк десятилетний выдержки, редчайший напиток.

Крайним в ряду стоял роскошный сосуд, оплетенный виноградной лозой.

– А письма! – вскричала вдова. – Хотите узнать, как пациенты благодарили Гарсию?

Она выбежала из кабинета. Альваро продолжал смотреть на бутылку бонка.

– Как я вижу, она откупорена... Подарил тот самый офицер... Уж не перед смертью ли доктор Хуанес выпил из бутылки?

– Опять вы за свое, – сказал Эмиль с укоризной.

– Простите: я писатель. Не могу не обдумать все варианты сюжета. Что, если доктор должен был поехать к пациенту в черный район и умереть от яда уже там? Может, он сказал военному нечто в духе: «Этим вечером я отправлюсь в Старый порт», – и офицер тогда: «А не выпить ли вам бонка на дорожку?»

Эмиль покачал головой:

– Маэстро, это невозможно по множеству причин. Во-первых, любой суд легко установит, что офицер подарил бутылку здесь, в белой земле. Убийцу будет ждать... страшно даже сказать, что. Во-вторых, доктор никак не мог выпить бонка: болезнь сердца не допускала крепких напитков. Он принимал подарки, чтобы не обижать пациентов, но никогда не пил. И последнее – главное: в бутылке нет яда. Видите ли, это я опробовал бонк.

– Вы?..

Эмиль покрутил пуговку на лацкане, впервые за беседу выдав свое чувство.

– В день похорон меня одолела грусть. Стало стыдно: ведь люди не горюют о том, кто ушел в синеву. Он теперь гораздо счастливее нас... Словом, от стыда и грусти я приложился к бутылке. Доложу вам, сеньоры: отличное пойло. Желаете попробовать?

Альваро пригубил. Ого! Даже Фламберто, мирн удовольствия, не отказался бы от такого нектара!

– Премного благодарю! А позвольте еще просьбу: хочу заглянуть в журнал посетителей.

Эмиль раскрыл его на последней странице. Альваро пробежал глазами по именам пациентов и поднял брови, заметив одно...

Как тут вернулась сеньора Хуанес. С видом торжества она бросила да Силве пачку вскрытых писем.

– Сеньор циник, взгляните-ка! Не стесняйтесь, прочтите внимательно, попробуйте найти хоть одно злое слово!

Альваро поколебался, но вдова, похоже, не шутила. Дав писателю время на чтение, она стала непринужденно беседовать с Фернаном:

– Молодой человек, вы женаты? На ком же, если не секрет?

– Люсиль Герейра – девушка с добрейшею душой и лучезарными глазами. А также – непревзойденная воспитательница детей.

– О, я не сомневаюсь, что вы сделали прекрасный выбор! Как и где вы познакомились?..

Альваро взялся за письма. Наискось прочел одно, второе, третье. «Не могу передать своей благодарности...» «Милейший доктор, шлю в подарок...» «Позвольте справиться о вашем благополучии...» «Надеюсь, вы так же, как и я, будете рады узнать...»

Лесть, вежливость, благодарность, расшаркивание. Обычные светские нежности, бесполезные для книги. Как вдруг, в одном из конвертов...

– Мертвец, – говорит Альваро Флорес да Силва с высоты кафедры. – Все черты хорошей завязки содержатся в нем одном. Есть знакомство: мы просто обязаны узнать, кем он был, от этого нельзя удержаться. Есть любовь: он ведь любил кого-то, а кто-то, может быть, и теперь любит его. Есть экспозиция, сеньорита: вся предыдущая жизнь покойника является ею. А главное – есть большая, чертовски подкупающая загадка: как и почему он умер?

– Его убили?! – жадно спрашивает кто-то.

– Это можно сказать наверняка, если в груди трупа дырка от шпаги. Но можно сделать интереснее: он просто умер, без видимых причин. Ночью встал из постели жены, схватился за сердце – и рухнул, как подкошенный. А несколькими часами раньше к нему приезжал офицер – поговорить о политике и войне. Вместе они пили чай, поданный дворецким, и наш покойный выронил чашку. И вот загадки уже сыплются, как спелые апельсины, – успевай подхватывать и подавать читателю. Почему он уронил чашку – от того, что обжегся горячим чаем, или ощутил резкий вкус яда? Кто отравил – офицер, разделивший чаепитие? Или дворецкий, подавший на стол? Или чай вовсе не причем, а яд уже перед сном подсыпали нежные пальцы жены? «Любимый, выпей молока, чтоб крепче спалось...»

– Жена! Точно жена! – кричат из заднего ряда.

– И почему его убили? Жена мечтала о наследстве? Офицер выболтал военную тайну, а потом спохватился и убрал свидетеля? А может быть, дворецкий имел причины для мести? На деревце синхо покойного не было ни одной черной ленты. Но хотя бы одна обязана быть – не существует человека совсем без врагов! Значит, враг нарочно не вешал черную ленту – дабы не выдать себя. Никто не должен знать, что он – враг покойного. Его должны считать старым другом... или любящей женою... или верным слугой.

– Шпион! – подсказывает кто-то. – Иноземный шпион прикинулся дворецким! Он хотел отравить офицера, но тот был осторожен и поменял местами чашки.

– Bravo, – хлопает да Силва. – Ваши мысли двинулись в верном направлении: к развитию интриги. Загадка не может раскрыться сразу, как лопнувший каштан. Она должна вырасти, созреть, наполниться соком тайны. Следуя зову любопытства, герой должен прийти к диковинным открытиям, какие прежде и не подозревались. Дангарские рабы-шпионы. Проницатель-

ные офицеры, которые всегда настороже. Многоходовый поединок между кайзером и Высоким Столом... Или, что по-прежнему возможно, коварная жена, желающая сцапать наследство и выскочить замуж за молодого красавчика...

– Точно жена! – повторяют с задних мест.

– Ко всему этому мы вернемся на следующем занятии, когда займемся развитием сюжета. А сейчас добавлю вот что. Мертвец, увы, не может говорить. А нам в завязке очень желательно услышать его голос: без этого знакомство не будет полным. Мы должны увидеть в нем человека, а не только имя да деревце с лентами. И поможет в этом – письмо.

– Письмо мертвеца?

– Либо – письмо мертвецу. Что последнее прочел покойный перед смертью? Что вызвало его трепет, от каких слов одышка сдавила грудь? Что не давало уснуть роковой ночью?

Альваро опускает руку в карман и нащупывает листок бумаги, украденный из дома доктора Хуанеса. Словами, вырезанными из газеты, склеено анонимное послание:

«Я знаю все. Вам не уйти от расплаты».

* * *

Золотое Перо настигла его в коридоре.

– Маэстро, прошу, уделите немного внимания.

– Слушаю, сеньорита.

– Я поняла свою ошибку: в моем сюжете было слишком мало загадки. Теперь добавила, взгляните же!

Она показала несколько листов.

– Зачем? – осведомился Альваро.

– Хочу узнать ваше мнение.

– Едва ли. Вы слишком мало сомневаетесь в себе. Желаете не получить совет, а доказать мне свой талант. Увольте, сеньорита, я проживу и без доказательства.

Студентка покраснела, но не отступила:

– Отчасти вы правы: я думаю, что написала хорошо, и хочу показать. Но почему вы не даете мне шанса? Разве наставнику не радостно найти талант в ученице?

Альваро покачал головой:

– Ваш талант меркнет в слепящих лучах самомнения. Вы слишком дерзки и наглы. Это губит вас и как писателя, и как человека.

Она выпалила:

– Да ведь вы сам такой же!

Альваро молвил с улыбкой:

– Почувствуйте разницу, сеньорита. Я уверен лишь в одном: что я хорош. Но в творчестве, в сюжете книги – каждую черточку ставлю под сомнение. Например, я вовсе не уверен, что доктор убит. Если яд был, то, очевидно, медленный. Он действовал в теле несколько часов, пока не привел к гибели. И как же врач с многолетним опытом не заметил, что отравлен?..

– Речь о докторе Хуанесе? – спросила Золотое Перо.

Альваро опешил:

– Откуда вы знаете?

– Читала в газете про его смерть и сопоставила с вашими словами. Вы упустили очевидный факт: Гарсиа Хуанес умер в белом квартале. Это не могло быть убийством.

Да Силва поморщился.

– Здесь ваша правда, сеньорита. Ни один каталиец не поступил бы так... Но если хоть на минуту допустить, что это возможно... Согласитесь, смерть доктора полна странности! Умри он на черной земле, я твердо решил бы, что дело в яде.

Студентка пожала плечами:

– По моим сведениям, Гарсиа Хуанес был не таким уж хорошим врачом. Он мог просто перепутать лекарства и погибнуть от несчастного случая.

– Вот видите, сеньорита: у вас есть мнение даже о медицине. Скажите же на милость, чему я могу вас научить?

Награда за подвиг

На центральной площади города Лацень играл духовой оркестр. Стояла середина дня, танцевальная площадка пустовала. Медным звукам оркестра внимала горстка посетителей летнего ресторана, пара часовых у ратуши да несколько кобыл у коновязи. На зло судьбе, не пославшей слушателей, музыканты с двойным усердием надували щеки. Пуще прочих старался тромбонист: закатив глаза, покачивался из стороны в сторону, будто в транс. Его «фа-фа-фа» насквозь пропитывала грусть.

Поручик Дитрих фон Дорт пил чай в летнем ресторане и ожидал своего часа. Он был вызван для беседы в армейское отделение когтей кайзера к двум часам, оставалось минут пятьдесят. На душе было исключительно скверно.

Нет, предстоящая беседа его не волновала, поскольку являлась формальностью. За блестящую победу в бою у станции фон Дорта представили к повышению. А все производства в чинах заверяются когтями кайзера, потому-то его и вызвали на разговор. Майор когтей в приглашении напрямик называл Дитриха героем и обещал, что встреча займет не больше получаса.

Груз, лежавший на душе, имел иную причину. Эйфория победы, хмельная, как огненный шнапс, ушла на следующий день. А осталась – мучительная память о том, что он сделал. Эту память было не погасить привычными рассуждениями о воле господина. По меньшей мере трижды в тот день Дитрих поступил по своей личной воле, отнюдь не божьей. Он не спас Зейдвиста, не оттолкнул с пути пули, хотя имел на это время. Он принял командование на себя, хотя по уставу командовать должен был поручик Шпеер. И наконец, то, последнее, что Дитрих совершил уже после боя... Этот поступок больно было даже обозначить ясным словом. Ощущался он так, будто в душу Дитриха забили ржавый гвоздь.

Поверх чашки чаю поручик смотрел на площадь и думал: что здесь переменялось к лучшему? Лацень захватили три месяца назад. Что хорошего принесла городу власть кайзера? Что-то же принесла, верно?

Ну, по меньшей мере, стало чисто. Тогда, после отступления олландцев, площадь стояла истоптанная сапогами и заваленная конским дерьмом. А теперь – каждый бульжник блестит. Затем, играет оркестр. Правда, как-то грустно: фа-фа, фа-фа-фа-фа... Но играет же, никто не запрещает. Прохожие дангарские офицеры бросают монеты в коробку... Что еще есть на площади? Фонтан, он же – источник воды для горожан. К фонтану стоит очередь женщин с ведрами. Только женщины, ни одного мужика. Совесть Дитриха болезненно заныла, но он возразил ей: это просто совпадение! Не все олландские мужчины ушли на войну, даже четверть не ушла! Воюют здесь, в основном, дворяне, а простой люд пашет, как и в мирное время. Почему одни женщины у фонтана? Может, здесь так принято – чтобы по воду бабы ходили...

Несколько девушек в очереди были недурны собою: округлые бедра под красными юбками, белые сорочки, заметные груди, длинные косы. Поручик заставил себя отвести глаза. Он был женат, и за год похода ни разу не изменил супруге.

– Ай!.. – воскликнули рядом. Раздался звон фарфора.

Дитрих обернулся. Барышня за соседним столиком опрокинула чайную чашку и теперь пыталась спешно убрать лужу салфеткой. Чай, очевидно, был горяч. Задев лужу пальцем, барышня обожглась и снова воскликнула:

– Ай!

Подошел официант и принялся убирать беспорядок. Она что-то сказала по-олландски: видимо, просила прощения. Официант что-то ответил, видимо: «Не стоит беспокойства! Пересядьте за чистый столик». Она осмотрелась. Свободных столиков было предостаточно, но она почему-то задержала взгляд на Дитрихе. И он почему-то сказал:

– Прошу, сударыня.

Он не знал, почему ее пригласил. Может, потому, что у нее был красный обожженный пальчик, и она так по-детски дула на него.

Барышня помедлила с решением, окинула взглядом его нашивки и погоны, потом взяла сумочку и села за столик Дитриха. Она была изящна и тонка костью, не в пример тем девам с ведрами. Носик вздернут, на белой щеке премилая родинка, а русые волосы отчаянно вьются – будто целое облако разместилось на голове. Поверх этого облака пыталась удержаться соломенная шляпка.

Едва барышня села, Дитрих понял свою ошибку: она же не знает дангарского! Придется молча глядеть друг на друга, помирая от смущения. Дитрих и на родном-то языке едва умел беседовать с женщинами, а уж на иностранном...

– Вы говорите по-дангарски?.. – спросил он со слабой надеждой.

– Кто вий сказать? Я не понимаю, – пролепетала барышня.

– Ох-ох... Простите, а я не владею олландским. Очень неловко вышло.

Барышня подула на красный пальчик, внимательно глядя на Дитриха. Ее глаза были голубыми и очень ясными, как родниковая вода. Поручик невольно вспомнил свою внешность: нос картошкой, блеклые глаза, мягкий подбородок... Даже странно, что такая, как она, села к такому, как он.

– Очень неловко, – повторил он, чувствуя, что краснеет.

И вдруг она сказала на очень сносным дангарском:

– У вас тревожное лицо, господин оккупант.

Не уловив до конца смысла сказанного, он оживился:

– Так вы все-таки говорите?..

– Я пошутила над вами. Это в моем стиле.

Ни тени шутики в ее голосе поручик не заметил. Как отвечать на такое, он не представлял.

– Амм... Меня зовут Дитрих фон Дорт.

– Орел... – сказала барышня, на миг подняв глаза к небу. – А я Ольга.

Дитрих в жизни не слышал такого имени.

– Снова шутите, да?

– Хельга по-вашему.

– Ой, простите... Приятно познакомиться.

– Так что же вас встревожило, господин захватчик?

Ее взгляд был одновременно и пытливым, и лишенным интереса. Противоречие сбивало с толку. Дитрих не нашел для ответа ничего иного, кроме правды:

– Я сделал нечто очень плохое.

– О, еще бы! Пришли с войной в чужую страну!

Ему страстно захотелось чем-нибудь оправдаться. “Я не виноват, что родился безземельным орлом. Не я начал войну, я только выполняю приказы. На все воля Сеятеля...” Ничто из этого не показалось убедительным, и он промямлил:

– У вас тут хорошо. Чисто, музыка играет...

– Вам по душе Олландия?

– Да.

– Еще бы, она вам по душе! Было б совсем глупо – пролить столько крови и завладеть тем, что вам даже не нравится!

– Но я ничем не завладел. Получаю жалование, и только.

– Это не оправдывает вас, а выставляет глупым. Зачем же вы убиваете людей? Только ради жалования? Дешево же продаетесь!

Ее атака конфузила Дитриха, но в то же время доставляла болезненное удовольствие. Его душа нуждалась в том, чтобы кто-нибудь изобличил его грехи. Ему хотелось ответить перед лицом судьи более сурового, чем он сам.

– Жалование, действительно, невелико. Я всего лишь поручик... Но дело не в деньгах. У меня есть долг перед кайзером и отчизной.

– Вы – подневольный человек? Об этом речь?

– Я заложник долга чести.

Прозвучало слишком пафосно, Дитрих покраснел, а Ольга насмешливо искривила губы:

– Ах, бедный невольник! С каких пор титул “фон” дается рабам?

– Орлы не более свободны, чем камни. Камнями управляют их хозяева, орлами – честь. Да, я могу отставиться от службы, порою даже хочу этого. Но на что дальше жить? Клянчить деньги у богатых родичей? Найти жалкую работенку? Стать гувернером или кельнером, или приказчиком в магазине... Это же позор для орла! стыдно будет смотреть в глаза людям!

– А убивать – не стыдно?

Это был самый острый вопрос. Единственно возможный ответ на него выставлял Дитриха злодеем. Именно потому хотелось ответить, испытать свои доводы на прочность. “Да, убийство – грех. Но я этого не выбирал! Сеятель сделал меня орлом, а орлы живут для войны и службы. Какой грех хуже – убить человека или нарушить божью волю?”

Он раскрыл рот для ответа, как тут заметил неприятность. Когда Ольга воздела руку в гневном жесте, кружевная манжета оказалась над чашкой и окунулась в чай.

– Сударыня, простите...

– За ваши грехи?

– Простите, у вас рукав намок.

Наморщив нос, она схватила салфетку и стала вытирать кружева. Желтизна, конечно, выелась, салфетка не помогала. Личико Ольги скривилось в детской досаде.

– Ай! Ну, я как всегда...

Дитрих испытал двоякое чувство. Он не получил желанного обличения и унижения. Ольга оказалась слишком слаба для праведного гнева, малая неловкость сбила ее в сторону.

Зато она была искренней и мягкой, очень трогательной в своей ранимости. У Дитриха потеплело на душе, говорить сразу стало легче.

– Не расстраивайтесь, со всеми бывает. Видели бы вы мой мундир после дежурства в дождливый день!

– О, со мной в этом сложно соперничать. Вам хотя бы нужен дождь, а мне хватает чашки чаю...

– Все равно не берите в голову. Пятно едва заметно, никто не обратит внимания.

– Тогда зачем все время говорить о нем?

Он поискал другую тему:

– Вы живете здесь, в Лацени?

– А почему вы спрашиваете?

– Здесь красиво... И девушки ходят по воду...

Она издала нервный смех:

– О, только не я! Вообразите меня с ведром воды!.. И живу я за городом, у Митной Дубравы.

Знакомое место. Митной Дубравой звался тот самый лес, из которого эскадрон ринулся в атаку на батарею. Возможно, брат или отец Ольги был среди тех гусар, которых разнесли в клочья пушки фон Дорта. Но жажда искупления временно утихла, теперь говорило любопытство.

– Ольга, вы не слышали: есть ли около Митной Дубравы колодец?

– Сколько угодно. Как же им не быть?

– Я имею в виду – Прекрасный Колодец.

Он произнес особое дангарское слово. Ольга поняла.

– Вот вы о чем... Нет, такого добра у нас не водится.

– А если бы был, вы бы знали?

– Уж надеюсь, кто-то бы сказал. Хоть что-нибудь занятное. У нас такая скука...

Она даже зевнула от одного воспоминания. В голове Дитриха возник сразу ворох мыслей. Пригласить бы ее в театр! Ей скучно – чем не повод?.. Нет, отставить, я женат! Но и зову не в постель, а просто в театр, это же не измена. Да только она не пойдет со мной – постыдится. Под ручку с вражеским офицером... Но ведь можно надеть не мундир, а статское! Да и тогда не пойдет. Она такая обаятельная, а я – ни лицом, ни ростом. Женат к тому же...

Он так и не смог решиться, а Ольга спросила:

– Скажите, почему вы, дангарцы, так любите Прекрасные Колодцы?

Он улыбнулся:

– Прекрасные же.

– Это только название. А люди говорят: посмотришь в Колодец – увидишь чудовищ. Вы не знаете, это правда?

– Прежде всего увидишь туман. Но да, за туманом живут уродливые чудища.

– Тогда почему они вам так по душе?

На этот вопрос имелось много ответов. Редкие богачи, которым посчастливилось владеть Прекрасными Колодцами, любили их по одной причине; несчастные камни – по иной; таинственная гильдия Рыбаков – по третьей. А сам поручик питал к Прекрасным Колодцам особое чувство, больше похожее на страх, чем на любовь... Но чужеземка Ольга вряд ли осилила бы такие глубины. Дитрих дал самый простой ответ – тот, что содержится в Писании.

– Чтобы создать человечество, Сеятель выбрал одно дикое поле. Стал он пахать, но земля была слишком каменной. Сеятель попросил: «Помогите мне, добрые души!» – тогда камни ожили и отошли с дороги, открыв чистую землю. Потом он стал полоть, но бурьян рос очень густо. Сеятель снова позвал: «Помогите мне, добрые души!». Прибежали зайцы и лапками вырыли весь бурьян. Потом он стал засеивать, но мелкие грызуны сразу поедали зерна. И снова Сеятель воззвал: «Помогите мне, добрые души!» Слетели с неба орлы и истребили грызунов, а зерна упали в плодородную землю. Так и возникло человечество. Все добрые души, что пришли на помощь Сеятелю, стали разными сословиями людей. Зернами же были святые слова, из которых выросли колосья добра и порядка.

– Весьма познавательно, но я спрашивала о Прекрасных Колодцах.

– А я еще и не окончил. Пшеница из зерен росла очень вяло, и понял Сеятель: не хватает воды. Тогда он вырыл колодец, в котором плескалась вера в чудо. Зачерпнул Сеятель веры и оросил поле – вот тогда заколосилась пшеница, и все помощники наелись досыта. С тех пор известно: даже лучшие слова не дадут полноценных плодов, пока нет веры в чудо. И вера эта живет в Прекрасных Колодцах.

Ольга спросила:

– Значит, вы любите чудеса?

– По правде, мы их очень редко видим. Как правило, жизнь – несладкая штука. Но если откуда-нибудь ждать чуда, то только из Колодца.

Она улыбнулась:

– А у меня свой способ. Когда хочу чуда – просто загадываю, и оно случается.

– Вы – волшебница?

– Это не магия, а закон природы. Нужно очень захотеть, и чудо произойдет.

– Снова шутите?

Ольга повела бровью:

– Возможно...

В эту минуту к их столику подбежал Милош:

– Герр поручик, вас вызывают! Герр майор спрашивает: “Где наш герой? Напился на радостях?” Я отвечаю: “Так точно, вдрабадан!” А майор: “Хвалю! Тащи орла сюда”.

Дитрих положил деньги на стол и поднялся.

– Всего доброго, фрау Ольха. Рад был с вами познакомиться.

– Прощайте, господин оккупант.

На миг его задержала мысль: встретиться бы снова... Но тут же подумалось: к чему это, если я женат? И еще: она ведь все равно откажет. Напоследок назвала оккупантом – разве это не ответ?..

Он зашагал к ратуше, так и не предприняв ничего, чтобы когда-нибудь увидеть Ольху снова.

* * *

Коготь кайзера имел внешность душевного человека. Большие честные глаза слегка нависают, густые лохматые брови, пышные усы, подкрученные на концах. Богатый жизненный опыт успешно сочетался в нем с добродушным самодовольством. Даже черный вицмундир с серебряными соколами на рукавах придавал его виду не угрозу, а обаяние.

– Вы – герой, поручик! Во славу родины и кайзера совершили подвиг!

– Амм... – выдавил Дитрих.

– Нет-нет, не прибедняйтесь, сударь! Как старший по чину, я вам это запрещаю. Факты говорят решительно и однозначно: вы – герой.

– Я... амм... поручик Дитрих фон Дорт, к вашим услугам...

Коготь кайзера расплылся в улыбке:

– Виноват, виноват! С опозданием представляю себя: майор Вольфганг фон Кляйн. Да-да, Кляйн, потешная фамилия...

– Рад знакомству, ваше благородие!

Как многие мягкие люди, Дитрих был склонен к робости перед вышестоящими. Готовясь к этой беседе, он принял решение: не заискивать. Говорить твердо и ясно, чеканя слова. Каким бы грозным ни был коготь кайзера – держаться с достоинством.

Но душевность майора нарушила все планы. Дитрих не имел представления, как держаться со столь странной птицей, и от растерянности стал робеть.

Кляйн отмахнулся:

– Не нужно формальностей, просто побеседуем. Знаю, вы любите хорошую беседу. Любите, верно?

– Боюсь, что да...

– Ха-ха, славно! Не стесняйтесь, поручик, расскажите о себе.

– Амм... в каком смысле?

– Да в любом, какой вам угоден. Вы – герой. В критической ситуации, после гибели командира не растерялись, взяли на себя управление батареей и нанесли врагу сокрушительное поражение. Со всей очевидностью, вас нужно представить к награде! Но к сожалению, это все, что я знаю о вас. А хотел бы узнать больше.

Дитрих потерял пуговку на манжете.

– По правде, герр майор, я совсем не умею рассказывать о себе. Обычно люди находят эту тему... амм... столь мало любопытной, что опыт велит мне избегать ее.

– А мне думается, вы жадничаете и лишаете людей удовольствия. Если б вы завели привычку говорить открыто, без стыда – многие слушали бы с интересом.

– Проверил на опыте, ваше благородие: лучший способ отпугнуть людей – честно рассказать о себе.

– Ну, что ж, насиловать не стану. Не желаете говорить о себе – побеседуем о чем-нибудь другом. Какую тему предпочитаете?

Дитрих совсем потерялся. Майор держал себя не только без угрозы, а и вне рамок формальности. Не просто пожелал пообщаться с поручиком, но даже позволил выбрать тему. Господи боже, как быть-то?

Наверное, лучше – не злоупотреблять правом выбора, а поднять такой вопрос, который все равно будет затронут.

– Герр майор, если можно, я бы поговорил о камнях. Скажите... амм... их поймали?

– Имеете в виду тот взвод фузилеров? Никак нет, исчезли без следа. А отчего вам любопытно?

– Ну, это очень странный случай. Камни же не бегают!

– Я тоже удивлен, – признал майор. – В высшей степени сконфужен этим событием! Вы, поручик, не заметили никаких странностей, когда инспектировали взвод?

Дитрих непроизвольно потер нос. Он не ждал, что майор осведомлен о той злосчастной инспекции. Фон Зейдвист убит, Гельб убит, камни разбежались. Кто ж ему сказал?

– Знаю, все знаю, – улыбнулся Кляйн, видя конфуз поручика. – Стыдитесь, что проморгали побег? Не казните себя, всякий бы проморгал. Побег камней, еще и целым взводом – редчайшее дело. Мало кто имеет опыт в предсказании столь редких событий.

– Считаете, я не виноват?

– В том, что прозевали?.. Конечно, нет. Но вы мне сейчас подробненько расскажете про тех камней, и это послужит накоплению опыта. Другой поручик, оказавшись на вашем месте, не будет столь же оконфужен.

Дитрих сказал:

– Герр майор, среди них было двое странных...

Кляйн подбодрил:

– Да-да, говорите.

– Ну, там был стрелок из камней... У него на груди выжжены слова: “Не убий”. А я люблю подмечать все странное. Это, знаете, мое увлечение. Амм... Скучно видеть простое и понятное, ум цепляется за диковинки и ищет им объяснения. Понимаете, да?

Дитрих глянул с надеждой, и Кляйн охотно кивнул:

– Более чем понимаю. Мне тоже присуще такое свойство.

Окрыленный этим, поручик заговорил смелее:

– Я спросил унтер-офицера: “Что за странный солдат?” И тот объяснил: этот стрелок, дескать, не стреляет в людей. Якобы, просто неспособен! Можете ли вы себе представить? Фузилером служит камень, неспособный выстрелить в человека!

– Удивительный случай, – согласился майор. – И что же вы, проверили?

– Виноват?..

– Велели ему стрельнуть в другого камня?

– Никак нет. Зато я спросил его...

– О чем?

Слово по слову, поощряемый майором, Дитрих пересказал беседу с парой камней. Кляйн слушал с большим интересом, поминутно кивая.

– Весьма любопытно, благодарю! Как я и думал: стоит вам отбросить ложную скромность, сразу становитесь завидным рассказчиком. А теперь, не поделитесь ли своими догадками?

– Простите, ваше благородие?..

– Ну, как же! Произошло стечение двух редких событий: летучий эскадрон противника появился глубоко на нашей территории, и ровно той же ночью сбежал целый взвод камней! Если б не ваша смекалка и отвага, это кончилось бы гибелью батареи. Даже хуже того! Захватив пушки и нескольких живых канониров, враги смогли бы открыть огонь по железной дороге.

Разрушить станцию, уничтожить состав на ходу, заблокировать пути. Сорвать все снабжение армии Хофмайера!

– Да, пожалуй, так и было бы...

– И причина этого – невероятное стечение событий? Можно ли поверить в такую неудачу?

Дитрих задумался.

– Амм... Если исключить случайное стечение, то получается... камни были в сговоре с гусарами?

– Об этом я и спрашиваю, милейший! Как считаете: был сговор или нет?

– Вряд ли, герр майор. Те камни были совсем безобидны: один не может стрелять, второй – блаженный дурачок, а остальные и вовсе без особенностей...

– И это ваш довод – одна лишь вера в их безобидность?

– Не только. Амм... Если б эти камни сговорились с олландцами, они бы не убежали, а помогли гусарам при атаке. Или даже лучше: ночью прокрались на батарею и порезали офицеров спящими.

Майор поднял мясистый палец:

– О, вот это уже работа мысли! С таким доводом я согласен. Но если не было сговора олландцев с камнями, чем же объяснить совпадение? Да и сам удивительный факт бегства?

Дитриху подумалось: это уж явная лесть! Нельзя поверить, что майору когтей интересны догадки младшего офицера! Но поручик не смог отказать себе в удовольствии поразмышлять вслух:

– Амм... Наверное, среди камней был подстрекатель. Он уже давно уговаривал товарищей сбежать, но те отказывались. А вечером накануне боя подстрекатель пошел в лес за дровами и заметил олландских разведчиков. Вернулся во взвод, дождался, пока я окончу инспекцию и уйду, а унтер-офицер Гельб уснет, и тогда сказал товарищам: так мол и так, завтра утром на нас нападут олландцы и всех покروشат. Хотите жить – надо бежать сейчас же.

– Так-так, – подбодрил майор.

– Камни даже тогда сомневались, но подстрекатель сказал еще: когда гусары уничтожат батарею, никто уже нас не хватится. Подумают: мы погибли вместе со всеми, – и не станут искать! Вот так-то он их склонил к бегству.

– Блестящая версия! – похвалил Кляйн. – Право, жаль, что вы служите в артиллерии, а не у нас! Дайте же мне еще одну жемчужину: назовите подстрекателя.

Дитрих вздохнул:

– Виноват, ваше благородие... Проморгал я его.

– Ничего страшного, и так уже сделано много! Есть важный вывод: подстрекатель нарочно подбил всех на побег перед атакой.

– Похоже, что так.

– Прекрасно, двинемся дальше. Желаете чаю?

– Благодарю, я уже выпил на площади.

– В том трактире с видом на женские ножки? Как же, знаю-знаю, не раз там бывал. Есть на что поглядеть! Видишь такую прелесть – и думаешь: не зря мы за Олландию воюем.

– Я женат, ваше благородие.

– Я тоже, но в чем беда? Смотреть – не изменять. Что глазу услада, то браку не помеха! – С видом довольного кота майор подкрутил ус. – Ладно, вернемся к нашим делам... Расскажите, что вы знаете о судьбе унтер-офицера Гельба? Камни его убили при побеге?

На сей раз Дитрих не стал недооценивать осведомленность майора. Ответил предельно близко к истине:

– Никак нет, лишь избили и связали. Точнее – приколотили гвоздями к стене.

– Ужас какой!

– Да уж... Также они оставили связанным камня по прозвищу Спасение. Он слишком крепко верил в бога и отказался грешить путем побега. Утром мы с Милошем – это мой денщик – пошли по воду и нашли Гельба и Спасение.

– А потом слышали в лесу олландских коней?

– Так точно.

– И что же вы сделали?

– Я отправил Милоша на батарею поднимать тревогу, а сам вместе со Спасением попробовал помочь Гельбу.

Майор просиял:

– Конечно! Вы, как благородный человек, взяли на себя заботу о раненом! Но почему же он все-таки умер?

К этому вопросу Дитрих подготовился заранее:

– Мы попробовали нести унтер-офицера Гельба, но он был очень плох: кричал от боли и истекал кровью. Тем временем из леса показались первые гусары. Тогда я понял, что срочно нужен на батарею, ведь мой долг – командовать взводом. Мы занесли Гельба в дом, и я оставил при нем Спасение, а сам помчал наверх. Камень должен был позаботиться об унтер-офицере, но увы. Когда после боя я вернулся туда, Гельб был мертв, а Спасение исчез.

Майор нахмурился:

– Исчез, говорите? В каком смысле? Убит гусарами?

– Сбежал.

– Разве это не странно? Он же отказался бежать накануне вечером.

– Странно, – согласился Дитрих. – Однако был жестокий бой, тела рвало картечью на куски, людям разносило черепа, выворачивало кишки. Спасение видел подобное прежде, но тогда был в строю, вместе с товарищами, а теперь – один. Полагаю, он не вынес ужаса и кинулся наутек.

– Звучит логично, не могу не согласиться. Скажите далее: как вы приняли решение взять на себя командование?

– Штабс-капитан фон Зейдвист погиб от случайной пули, и я понял, что мой долг – заместить его.

– Где вы находились в момент его гибели?

– Прямо перед ним. На моих глазах пуля попала ему в лицо. Ужасная случайность!

– Ужасная случайность, – повторил майор, придав словам веса. – Говорят, прямо перед смертью фон Зейдвист обнажил шпагу. Не знаете ли, зачем? Противник-то был очень далеко.

– Штабс-капитан фон Зейдвист – отважный офицер. Он хотел личным примером вдохновить солдат. Выхватил шпагу, чтобы показать: “Я не сойду с этого места! Если потребуется, сам буду сражаться в ближнем бою!” Но, к несчастью, в этот миг его настигла смерть.

– Большое несчастье, – вздохнул Кляйн. – Отважные люди всегда гибнут первыми.

– Так точно, герр майор. Увы.

– Сразу после смерти Зейдвиста вы вскричали: “Беру командование на себя”?

– Так точно.

– Вы служите командиром второго взвода, верно? А первым взводом командует поручик Шпеер. Разве не он должен был заместить командира батареи?

И к этому вопросу Дитрих тоже был готов:

– Так точно, Шпееру следовало заменить Зейдвиста. Но вот в чем дело: Шпеер происходит из сословия зайцев, а я – из орлов. Я понял: в трудную минуту бойцы ощутят больше уверенности под командой орла, нежели зайца. И оказался прав. Сам Шпеер впоследствии говорил, что я поступил верно.

– Bravo, поручик! Вы мгновенно сориентировались. Многие офицеры на вашем месте замешкались бы, упустив драгоценную минуту. Вероятно, это кончилось бы гибелью всего личного состава.

– Не могу судить...

– Однако так и есть! Вы – холодный лед, а не человек. Смерть командира ни на миг не выбила вас из колеи!

С этими словами майор выдвинул ящик стола, извлек на свет и раскрыл папку, огладил верхнюю бумагу, будто кончиками пальцев мог воспринять текст.

– Здесь несколько докладов от ваших сослуживцев. Есть среди них рапорты командиров орудий. В них говорится... Позвольте зачитать, вам будет приятно. “Раздался ружейный залп, и сразу крик поручика фон Дорта: “Батарея к бою, беру командование!” Штабс-капитан фон Зейдвист был убит, а поручик сразу начал решительно отдавать приказы весьма разумного свойства. Он вел огонь с такою точностью, будто знал наперед весь ход сражения, и ни на миг не поддался чувствам. Хладнокровие фон Дорта в значительной мере определило нашу победу”.

– Герр майор, я бы так не сказал...

Кляйн разгладил усы и заговорил с самодовольством:

– Порою люди сами не знают о себе всего, ведь душа – хранилище загадок. Но опытный человек, вроде меня, да снабженный нужными документами, может заглянуть в любую душу. – Он выложил на вид другую бумагу из папки. – Это рапорт адъютанта командира батареи. Не скрою: документ полон нелестных отзывов о вас. Я пропустил их мимо внимания, но вот что нашел любопытным – цитирую: “Фон Зейдвист в ярости выхватил шпагу и замахнулся на фон Дорта. Поручик стал странно шевелить губами, как будто молился. В этот миг вражеская пуля поразила штабс-капитана”. Загадочно, не правда ли?

Дитрих настолько осмелел, что возразил напрямую:

– Очевидно, адъютант чернит меня. Описанные им события просто нелепы. Зачем бы Зейдвисту колоть своего офицера прямо перед опаснейшим боем? И зачем бы мне молиться под занесенным клинком? Лучше было бы отскочить в сторону.

– И я подумал: адъютант полон зависти к вашим талантам. Но даже он отмечает: “Фон Дорт производил выстрелы в идеальные моменты времени. Он будто наперед предвидел те секунды, когда вражеская конница собьется плотнее, и выстрел картечи нанесет максимальный урон. Видимо, сам Сеятель направлял руку поручика. Порою даже негодный человек может послужить инструментом для всеблагого господа.”

Дитрих только развел руками, а майор извлек из папки третью бумагу.

– Простите, поручик, что измучил вас писаниной. Ручаюсь, терпеть осталось немного: этот рапорт – последний. Здесь характеристика на вас, написанная штабс-капитаном Зейдвистом. Была направлена командиру полка, но в конечном итоге документы такого рода всегда попадают к нам. Прошу ознакомиться.

Коготь кайзера встал из-за стола и прошел по кабинету, разминая ноги. А Дитрих прочел документ. Ничего нового он не обнаружил: фон Зейдвист всегда презирал его – ровно с того дня, когда выяснилось, что Дитрих лучше разбирается в баллистике. Еще недавно, до боя, поручик ничего не ощутил бы при чтении этой бумаги. Однако теперь почувствовал острую обиду. “*Не питаю уверенности, что карьере фон Дорта следует давать ход.*” Ах, старый пропойца!

Коготь кайзера остановился за плечом Дитриха.

– Видите, поручик: фон Зейдвист характеризует вас как слабого человека, неспособного к командованию.

– Не мог не заметить.

– Как думаете, я с ним согласен?

– Никак нет! – Отчеканил Дитрих. – Я выиграл отчаянный бой и спас батарею от гибели.

– Куда девалась былая скромность... – Голос Кляйна вдруг стал вкрадчив и тих. – Вы ошибаетесь, поручик: я целиком и полностью согласен с портретом.

– Виноват?..

– Вы робки и мягкотелы. Жуете слова, боитесь говорить, не можете сложить предложение. Именно таким вы были в начале нашей беседы. Но когда я стал спрашивать о бое – вы вдруг отвердели, принялись давать точные и ясные ответы. Этому есть объяснение: весь ваш рассказ – выдумка, заученная наизусть.

Дитрих проглотил язык.

Коготь кайзера засунул руку в карман и вытащил пять шариков – пистолетных пуль. Одну за другой выложил пули в аккуратный ряд на столе.

– Пять странностей случились в те сутки. Первая: камни не имеют воли и никогда не убегают; но тут целый взвод разом пустился в бегство. Вторая: один из камней сначала не убежал с остальными, но все-таки исчез на следующий день. Третья: именно в тот самый час, когда батарея лишилась прикрытия, олландские гусары начали дерзкую атаку. Четвертая: командир батареи погиб в первую же минуту от шальной пули, выпущенной с невозможного расстояния. И пятая странность: слабый офицер, рохля и размазня, одержал невероятную победу, будто знал действия врага наперед.

Дитрих попытался сказать, но Кляйн не дал ему слова.

– Поручик, я могу объяснить все пять странностей. Представьте себе такую версию. Негодный офицер лишен надежд на продвижение по службе. При этом он не имеет ни земли, ни камней, что обещает ему самое невзрачное будущее. Но однажды выпадает шанс: один из камней пехотного взвода докладывает, что заметил в лесу олландский передовой разъезд. Офицер понимает: завтра на рассвете будет атака. Как распорядиться информацией? Доложить командиру батареи, как и положено? Наш офицер хоть и слаб, но хитер. Он придумывает кое-что получше.

– Я не...

– Молчать! – Рубанул Кляйн. – Для начала вы избавились от взвода прикрытия. Все знают: камни не имеют воли. Как же они смогли убежать? До крайности просто: по вашему приказу! Вы велели им убить унтер-офицера и покинуть позицию. Вот разгадка первой тайны.

Кляйн смел со стола крайнюю пулю.

– Наутро вас постигло разочарование: оказалось, камни не в точности выполнили приказ. Гельб не убит, а только связан, и один из камней отказался бежать. Вам пришлось избавиться от них, что вы и сделали: под дулом пистолета заставили камня уйти, а унтер-офицера просто бросили на смерть. И тут, как вы и ожидали, появились олландские гусары.

Майор убрал со стола вторую и третью пули. Кончик пальца лег на четвертую.

– Невозможно убить человека из ружья с расстояния в версту. Попадание совершенно исключено. Зато звук ружейного залпа может замаскировать другой, близкий выстрел. По вашему приказу денщик спрятался в ближайшей палатке и застрелил Зейдвиста ровно в тот миг, когда грянул залп. А фон Зейдвист почувствовал опасность, потому и выхватил шпагу.

Щелчком откатив четвертую пулю, Кляйн взял со стола пятую.

– И наконец, последнее. Каким же образом вы с такой точностью просчитали наперед весь бой? Это вовсе не загадка, если знать заранее число гусар и путь их подхода. У вас имелась целая ночь, чтобы измерить шагами склон холма, расставить ориентиры, вычислить посекундно моменты залпов. Именно это и видел адъютант: вы шевелели губами, но не молились, а считали секунды!

Дитрих обхватил себя руками, прячась за собственные плечи. С натужной улыбкой выдавил:

– Герр майор, вы меня представили... амм... каким-то сверхзлодеем...

– Отнюдь. Всего лишь изменником родины.

Из уст когтя кайзера эти слова звучали ничуть не тише расстрельного залпа. Дитрих похолодел от ужаса. Попробовал встать, но Кляйн хлестнул словами:

– Сидеть на месте!

Дитрих прирос к стулу, покрылся ознобом, задрожал. И вдруг выкрикнул, озаренный мыслью:

– Я нес ведра!

– И что?

– Фон Зейдвист приказал мне натаскать воды. Я оставил все оружие, взял только ведра. Вы сказали: под дулом пистолета я прогнал Спасение. Вы сказали... амм... я дал пистолет Милошу, чтобы он застрелил Зейдвиста. Я не мог ни того, ни другого: не было со мной пистолета!

Коготь кайзера молчал, пристально глядя ему в лицо.

– Да и пошел бы я вниз безоружным, если б знал, что будет атака?! Бросил бы чертовы ведра, а оружие взял!

– Это все? – уточнил майор.

– Я... амм... не мог я убить Зейдвиста! Я – мягкий слабак, вы же сами сказали!

– Это все?

– Послушайте: я б никого не убивал ради карьеры! Не хочу я служить, война меня терзает, служба – в тягость!

– Как любопытно, – обронил майор.

Дитрих спохватился, закричал в отчаянье:

– Нет, я не о том!.. Хочу служить кайзеру и богу, просто не в армии! Я для нее не создан, мне там не место!

– Это – все?..

Нет, не все. Был у Дитриха еще довод в свою защиту. Самый надежный, самый решающий. “Герр майор, среди развалин деревни в склоне холма есть дыра. Зайдите туда и найдите колодец. Посмотрите вниз!” Это снимет все вопросы. Никаких претензий не останется.

Но колодец...

Ольха, живущая в тех краях, никогда о нем не слыхала. Камни разбежались, Гельб мертв, Спасение мертв. В данный момент один поручик фон Дорт знает про тот колодец.

Больше – никто!

Дитрих уронил голову на грудь:

– Все, ваше благородие...

Коготь кайзера молча взял из папки какой-то документ и скрипучим пером вывел несколько строк. Он писал медленно. Пока слова ложились на бумагу, Дитриха успело бросить в холод, в жар и снова в лед.

Потом Кляйн произнес:

– Наша беседа состоялась лишь по одной причине: имеются свидетели того, что при вас действительно не было оружия. Если бы у вас либо у денщика был замечен пистолет, с вами общались бы другие люди и в совсем иных условиях. Однако вам следует знать: следствие продолжается. Коли пожелаете добровольно рассказать все, чего я еще не знаю, то даю слово: к вам будет проявлено снисхождение. Если же я сам найду ответы – да смилуется над вами всеблагий господь.

Дитрих попытался ответить, но не выжал ничего, кроме: “Амм...”

– Поручик фон Дорт, до завершения следствия вы отставлены от службы. Вам надлежит вернуться в Хофштадт, на свое место жительства, и находиться там впредь до иных распоряжений. Учитывая ваши последние признания, полагаю, вы только обрадуетесь. Считайте отставку наградой за подвиг.

Честнейший человек

Великую Каталию везут на себе Три Быка.

Одиннадцать эсфер составляют каталийское общество, но три из них гораздо многочисленнее прочих восьми. Эти три эсферы – Ремесло, Земледелие и Обслуга. Их важность трудно переоценить. Три Быка кормят, поят и одевают каталийцев, наполняют утварью их дома, стирают белье и убирают улицы, присматривают за детьми. Никто не может прожить и дня, не воспользовавшись плодами труда Трех Быков. Более того: именно Три Быка наполняют могучую реку товаров, текущую из Каталии во многие страны мира. Терпкое вино и белоснежный рис, кожаные сапоги и пестрые льняные платья, нарезные стволы и линзы для очков, паровые котлы и самопишущие перья, и многое другое, о чем заморские торговцы с гордостью говорят своим покупателям: «Настоящая Каталия! Прямиком из Лаэргы!» – все это создано Тремя Быками.

Восемь остальных эсфер в сумме насчитывают меньше людей, чем Три Быка, и производят едва ли десятую долю товаров. Одни из них – такие, как Транспорт или Медицина, – хотя бы делают что-то полезное. Другие – Право, Знания, Тень – даже толком неясно, для чего нужны. Простой обреро с фабрики за всю свою жизнь может ни разу не прибегнуть к их услугам. Поэтому простые обреро в беседах за кружкой пива после долгой смены называют эти эсферы одним словом: «паразиты». Тем не менее, каждая эсфера имеет равное представительство за Высоким Столом: по три аллена от каждой, не больше и не меньше. Три Быка, таким образом, занимают только девять кресел, а восемь паразитов – целых двадцать четыре. Именно в этом видят причину своих бедствий многие обреро (особенно те, кто не смог подняться хотя бы до уровня мастера). Был бы Высокий Стол устроен справедливо – позаботился бы сперва о кормильцах, а уж потом о паразитах!

Все в Каталии может быть оспорено – от положения изгороди между полями до фундаментальных принципов государства. Лишь то считается правильным, что было доказано на честных дебатах в Палате Слова. Потому представители Трех Быков не раз и не два выходили на споры, чтобы добиться изменения законов. И проигрывали. Оппоненты сокрушали их с помощью двух доводов, выраженных знаменитыми каталийскими пословицами.

Вот первая: «Древо растет на своих корнях». Смысл ее в том, что каждая эсфера управляет сама собою. Высокий Стол – не царский двор, а верховный аллен – не император. Высокий Стол ведаёт внешней политикой всей Каталии, а также взаимодействием между эсферами, но никогда не вмешивается во внутренние дела эсфер. Никто не может наказать земледельца, или обложить налогом, или помочь ему так или иначе, или отказать в помощи – никто, кроме других земледельцев. Внутренними делами любой эсферы заправляют доны – выходцы из этой же эсферы.

Вторая пословица гласит: «Умение – ключ». Каждый может достичь успеха своим трудом. Никто не рождается доном. Сын дона получает от отца лишь деньги и знания, но не золотой браслет. Титул нельзя купить, его нужно заслужить своим талантом и усердным трудом, а затем доказать на диспуте в Палате Слова. Иначе говоря: любой дворник или пастух, или грузчик, или чистильщик обуви имеет шанс сделаться доном в своей эсфере. А если не воспользовался шансом – кого винить, кроме него самого?

Да простят нас те из читателей, кто хорошо знаком с устройством Каталии, за эту попытку прописными истинами. Зато теперь читатель разделяет чувства главного героя: ведь Фернан Герейра нередко подвергал такой же экзекуции своего друга Альваро.

– Мир несправедлив, – настаивал Фернан. – Бедняки всегда беднеют, богачи богатеют, паразиты высасывают кровь из обреро. Это суровая истина, а ты не видишь ее только в силу привычки. Так человек не замечает ресниц на собственных веках!

Альваро мог бы пресечь эти проповеди двумя простыми словами: «Умение – ключ». В качестве примера он мог привести кого угодно, хотя бы жену самого Фернана. Люсиль родилась второю из пяти дочек в бедной семье уборщика. Росла буквально на горстке риса, спала на циновке у входной двери. Покинув отчий дом, не имела ничего, кроме ношеного платьица и одной пары башмаков. А также – умения нянчиться с детьми. Умение – ключ! Теперь у Люсиль нет отбоя от заказчиков: мастера разных эсфер так и норовят всунуть ей свое чадо. Пускай чета Герейра живет небогато, но все же имеет собственную комнату, не экономит на еде, может позволить себе ресторан или стоячее место в театре. Их жизнь, вероятно, была бы еще лучше, если б Фернан уделял больше времени работе, а не болтовне о реформах...

Словом, Альваро имел надежные аргументы против друга, но не применял их, считая слишком простыми. Как человек искусства, он старался придумать что-нибудь поинтереснее:

– Любезный Фернан, я готов признать: мир несправедлив ко многим людям, а к тебе – в особенности. Но в этом и есть мудрость! Подумай, какой кошмар воцарился бы, стань мир справедливым. Ты утратил бы надежный повод для жалоб. Однако жаловаться – твое любимое дело! Ты не смог бы жить, никого не обвиняя, и принялся бы регулярно грызть жену. Бедная Люсиль вытерпела бы семнадцать месяцев домашнего ада, а потом в кромешном отчаянье бросилась под паровоз, оставив несчастными всех своих воспитанников... Теперь, Фернан, посмотри на меня: о чем бы я писал в справедливом мире? Беды и конфликты – главное топливо сюжета. Без них крупная проза невозможна. Мне пришлось бы отказаться от романов и повестей, а затем и от рассказов. Со временем я скатился бы до уровня поэта! Стал бы писать слащавые стишки о любви, сделался кумиром ветреных дам и потонул в пучине блуда. Спустя годы я сгнил бы от постыдной болезни, одинокий и всеми забытый... Скажи, такой кончины ты мне желаешь?!

Тут-то и крылись зерна непонимания между друзьями. Альваро просто упражнял красноречие, Фернан же считал, что друг посмеивается над ним. Этот баловень судьбы не осознает проблем простых людей! Все было бы иначе, испытай он бедность на своей шкуре!

В глубине души Фернан обрадовался, когда писатель проиграл спор и лишился денег. Но даже это не исправило положения. Да, Альваро туго затянул пояс, уволил слуг и стал питаться сухарями. Но он по-прежнему живет в белом районе, носит дорогие костюмы, видит свои книги на полках магазинов. Он перетерпит каких-нибудь полгода, получит новый гонорар и вернется к прежней жизни, выкинув бедность из головы. Ничего он не поймет. Необходимо объяснить!

Однажды Фернан принес другу розовую коробку из-под торта.

– Альваро, представь себе: изобрели машину, способную писать книги. Она находится в этой коробке.

Да Силва возразил:

– Печатный станок придуман давно, и он не влезет в тортовую картонку.

– Ты не понял. Эта машина не печатает книги, а сочиняет! Можно сказать ей: «Хочу роман о путешествии под парусом в страну Низкого Неба», запустить мотор, дернуть за рычаг, и...

Герейра сорвал крышку с коробки. Внутри лежала книга с фрегатом на обложке. Верхушка фок-мачты царапала подбрюшье облаков.

– Зачем это нужно? – удивился Альваро. – Писатели прекрасно справляются безо всяких машин.

– О том и речь, дружище! Как бы ты почувствовал себя, если б машина могла исполнить твою работу быстрее и лучше? Если бы все деньги и слава достались производителю машины, а ты бы стал бесполезен, как скорлупа от разбитого яйца?

– Вряд ли такое возможно, – усмехнулся Альваро. – Но отдаю должное твоей фантазии! Можем попробовать сочинить сюжет на эту тему.

– Это не фантазия, – покачал головой Фернан. – Прямо сейчас тысячи людей находятся в таком положении, а ты их не замечаешь. В эсфере Ремесел происходит трагедия: фабриканты массово внедряют станки на паровой тяге. Где раньше работали десять человек, теперь справляется один. Остальных выбрасывают на улицу! Никого не заботит, болен ты или здоров, стар или молод. Может, ты – единственный кормилец в большущей семье... Фабриканту плевать! Появилась машина – ты не нужен.

Альваро признал:

– Я читал об этом в газетах. Но репортеры любят преувеличивать. Сомневаюсь, что все так ужасно. Опытному человеку всегда найдется применение. Выгнали из одного места – наймись в другое; открой свое дело, в конце концов.

Фернан сказал:

– Друг мой, предлагаю тебе взглянуть своими глазами. Вчера состоялся диспут в Палате Слова. Обреро оспорили право фабрикантов увольнять людей просто так, без причины. Фабриканты даже не явились на спор! Выставили вместо себя наемников эсферы Права – и те разгромили наших. Сегодня наши собираются на демонстрацию. Пойдем туда – сам оценишь, насколько все серьезно.

Несколько противоречивых мыслей возникло в голове писателя. С одной стороны, какое нам дело до проблем эсферы Производства? У каждого дерева свои корни. С другой, полезно все-таки взглянуть. Обычно Фернан сгущает краски – любопытно, сильно ли преувеличил на сей раз. А с третьей стороны, настоящая демонстрация – зрелище! Альваро читал о шествиях рабочих, и даже порой о забастовках, но это случалось где-то далеко, в какой-нибудь дыре, вроде черной от копоти Бреги... А теперь – прямо в столице! Хорошо бы увидеть!

Однако Альваро имел более важные планы.

– Спасибо за предложение, но у нас с тобой есть дело.

– Какое же?..

– Искусство!

Писатель бросил на стол черный конверт со скрещенными ножами эсферы Тени.

– Как ты помнишь, – сказал Альваро, – я разослал письма всем будущим героям нашей книги. И вот пришел первый ответ: судя по всему, от флибустьера! Я убежден, что у него найдется много потрясающих историй! Как видишь, я не вскрыл конверт – хотел разделить эту радость с тобой. Хотя, видят мирны, мне очень не терпелось.

Фернан поморщил нос, но все же взял конверт.

– Какой-то он тонкий... Вряд ли внутри письмо с большим рассказом.

– Конечно, нет! Я уверен, что там – приглашение взойти на борт и услышать все рассказы прямо из уст капитана! Вскрывай же!

Герейра взрезал конверт и вынул листок. Он был неровен и помят, будто со злобою выданный из блокнота. Размашистым рубящим почерком стояли слова:

«Вы посмели сочинять обо мне?! Тысяча чертей! Придите ко мне после полудня».

Кроме письма, из конверта выпал черный клочок бумаги с белым черепом и костями.

С минуту друзья молчали, рассматривая черную метку.

– Пойду один, – мужественно молвил Альваро да Силва.

– Я – твой друг и соратник, – ответил Фернан. – Мой долг – рискнуть вместе с тобой.

– Ты собирался на демонстрацию рабочих. В свете новых обстоятельств, это видится уже не столь плохой идеей.

– Вряд ли я спасу обреро от безработицы. Но, быть может, уговорю пирата пощадить твою жизнь.

– Фернан, ты женат! Случись худшее, Люсиль останется безутешной.

- Она возненавидит меня, если брошу друга в беде.
- Что ж, так тому и быть.

Выпив для храбрости по стакану кадриса, друзья спустились к гавани и зашагали по набережной.

Сперва они миновали бухту Алессины. Здесь швартовались яхты донов, пассажирские суда, быстроходные клиперы с кофе, чаем и пряностями. На берегу, отмеченном белыми столбами, зеленели скверы, стояли пышные гостиницы и виллы, кофейни и рестораны, а также несколько складов для наиболее ценных грузов. К сожалению, Карлос эль Нинья проживал не здесь.

За бухтой Алессины началась гавань Христофора, она же – грузовая. К пирсам причаливали пузатые торговые суда, а поодаль на рейде покачивались корветы и фрегаты. Набережная здесь наполнилась жизнью. Сновали телеги и паровые машины, сбивались с ног грузчики, бегали по трапам матросы. Шумели таверны и кабаки, бренчали мандолинами уличные музыканты, зазывали клиентов бордели. С высоты пьедестала взирали на буйство жизни бронзовый старичок Христофор и его верный ослик Топпо. Серые столбы вдоль набережной указывали, что в порту Христофора действует ограниченное право: позволены легкие преступления, но строго караются тяжелые. Увы, и здесь не окончился путь друзей.

Пройдя между рядами пакгаузов, Альваро с Фернаном миновали последний серый столб и увидели перед собою черный. Этот столб был не покрашен, а обожжен до угольного цвета. За ним начинался Старый порт – вотчина пиратов и контрабандистов. Здесь тоже имелись гостиницы и таверны, склады и бордели, была даже своя скульптура – но все это носило совсем иной вид. Пивные гремели похабной музыкой и исторгали облака вонючего табачного дыма. Гостиницы ничем не отличались от борделей, распутные дамы предлагали себя прямо на улице, у входа. Склады охранялись головорезами и зубастыми волкодавами. А статуя – символ этого района – изображала Ай-Хинара, самого грозного из Древних. Гигантский змей восставал из волн и взмахивал крыльями, готовый взмыть в воздух. Пасть Ай-Хинара была разинута, с огромных клыков сочился яд. В челюсти Древнего некий шутник вложил настоящий человеческий череп.

Стоит ли говорить: Старый порт был черным районом. Человек с браслетом пирата или ассасина мог здесь убить кого угодно и не понести наказания. Альваро да Силва или Фернан могли застрелить прохожего и отделаться крупным штрафом: не за убийство как таковое, а лишь за посягательство на чужую работу. Впрочем, друзья даже не обдумали сию заманчивую возможность: их мысли были заняты вопросом, как бы выйти отсюда живыми. Альваро держал руку на рукояти револьвера, Фернан молился мирне витальности Клариссе. Правда, никто из местных обитателей не пытался посягать на жизнь и имущество друзей. Собственно, здешним вовсе не было до них дела. Однако тревога не ослабла, а усилилась, когда друзья подошли к жилищу дона эль Ниньи. То было старое укрепление, покинутое военными. Приземистый квадратный бастион с гранитными стенами, щелями бойниц и парой пушек. У железных ворот дежурил стражник с саблей.

- Кто такие? По какому делу?

Альваро с Фернаном назвали имена. Стражник издал смешок и крикнул в небо:

- Явились писаки!

– Дон узнает, – донеслось сверху, из-за бойниц.

– Тебе еще не поздно сбежать, – шепотом предложил Альваро. – Ради Люсиль!

Фернан побледнел, но остался на месте.

Со скрежетом раскрылись железные двери, из сумрака блеснул фонарь.

– На борт, каналы, – прокашлял загробный голос.

Они ступили внутрь, и двери тут же захлопнулись. За спинами друзей возникли из тени двое здоровенных пиратов с кривыми ножами. А навстречу вышел в луче фонаря сам Карлос

эль Нинья. На нем был капитанский костюм цвета южной ночи. Среди черноты блестела пряжка ремня и эфес кортика, и золотые эполеты. На огромной черной шляпе покачивались три алых пера. Корсар поднял руку. Двустольный пистоль уставился точно в грудь да Силвы.

– Иному болтуну я просто отрезал бы язык. Но писатель говорит не языком, а сердцем. Пока оно бьется, ты будешь болтать.

Альваро мужественно поднял подбородок.

– Дон Карлос, вы можете убить только нас. Но никто не заставит молчать само искусство!

– Ха-ха, славно сказано! За отвагу ты получишь шанс. В моем пистолете заряжен лишь один ствол. Выбери для себя, а второй достанется твоему другу.

Альваро повернулся к Фернану. Тот был бел, как простыня; губы дрожали, не в силах выдавить слово. Да Силва положил руку на его плечо:

– Дружище, передай Люсиль мой последний привет. Скажи: мне сказочно повезло с друзьями! Но, увы, никогда не везло в играх со смертью... Дон Карлос, я выбираю правый ствол.

– Да будет так.

Пират спустил курок. Щелкнул кремь, брызнули искры – но выстрела не случилось. Правый ствол не был заряжен.

– Элига улыбнулась тебе, да Силва. Однако отвернулась от твоего друга.

Пистоль нацелился в живот Фернану. Герейра хлопнул ртом. Затрясся, дернулся, попробовал отскочить – но за его спиной выселись двое пиратов. Тогда он пролепетал:

– Дон Карлос, мы еще ничего не писали! Клянемся Алессиной: ни одной строчки... пожалуйста, не надо!..

Эль Нинья скривил губу и сплюнул вбок.

– Не позорься, писака. Умри мужчиной.

Курок ударил кремнем по огнивной пластине. Сверкнула искра. Фернан обмяк и начал оседать на пол.

Альваро подхватил его, встряхнул:

– Эй, ты что?! Выстрела ж не было!

– Прощай... любимая... – пролепетал Фернан, закатывая глаза.

– Воды! – крикнул Альваро.

Один из громил-пиратов снял с пояса флягу и опрокинул прямо на голову Герейре. Тот вернулся к сознанию, но все еще не уловил положения дел. Могильным шепотом спросил:

– Почему нет боли?.. Я... уже умер?..

Корсар не выдержал и разразился хохотом:

– Тысяча чертей, было смешно!

Альваро прислонил неумирающего друга к стене.

– Дон Карлос, вы это взяли из «Сеньориты Фиалки»?

– Конечно! Гениальная опера, верно, маэстро? Я видел вас на премьере. Знал, что оцените.

– Проклятые гады... – простонал Фернан, мучительно возвращаясь к жизни.

– Дайте ему кадриса, приведите в чувства, – распорядился эль Нинья. – А вы, маэстро, пожалуйста со мной.

Сунув пистоль за пояс, корсар приобнял писателя и вывел во внутренний двор. Тут кипела жизнь, толклось по меньшей мере две дюжины людей. Разгружались фургоны, на землю скатывали бочонки с крепкой выпивкой. Дюжий эринезец выдергивал из них пробки, седой старикан наливал по наперстку из каждого бочонка и брал на язык пробу. Показывал один, два или три пальца; на бочонок ставили метку и закупоривали снова. В другой телеге лежали ящики с пестрыми шелками. Три девушки в дерзко коротких платьицах выхватывали вещи из ящиков, вскидывали на свет, потом бросали в разные кучи. Шелка летели радужным водопадом. Парни, голые по пояс, рубились два на два затупленными учебными саблями. Один

подпрыгивал при атаке, выкрикивая: «Х-ха!» Противник уклонялся и норовил дать ему пинка под зад.

– Маэстро, я хочу быть злодеем! – жизнерадостно сказал эль Нинья. – В ваших книгах есть два вида злодеев: невидимые крысы и дерзкие жестокие тигры. Сделайте меня тигром – и я ваш должник!

– Но как же, дон Карлос?.. Вряд ли такое возможно...

– Герои должны победить – вы об этом? Я не против, маэстро. В конце главный герой может одолеть меня и сослать на каторгу. Ладно, может даже убить, пускай. Но перед тем я хочу злодействовать на полную!

– Простите, но вы...

Седой дегустатор пригубил очередной наперсток и выкрикнул:

– Четыре пальца, Карлос! Четыре!

– Налей мне и другу!..

Два кубка легли в руки эль Нинье и Альваро.

– За злодеев!

Корсар осушил до дна. Писатель хлебнул – и будто взлетел над землей.

– Ничего себе...

– Хуан, налей еще для лучшего из авторов!

– Дон Карлос, только посмотрите! – прошептала девушка, размахивая платьем из алого шелка.

– Покажи на себе.

Она нырнула в платье – и вспыхнула, как рассвет над морем. Весь двор обернулся, драчуны забыли про сабли, разинули рты...

– Маэстро, примите подарок. Пускай это платье достанется вашей любимой!

– Простите, не имею таковой.

– Ах, незадача... Тогда забирайте и девицу вместе с шелком!

– Дон Карлос, это ни к чему. Мирна искусства – моя единственная любовница.

– Ха-ха-ха, славно! Так выпьем же за нее, маэстро! А потом спросите ее, и клянусь бездной, мирна подтвердит мои слова: из донна Карлоса эль Ниньи выйдет прекрасный злодей! Или как это зовется у вас – антигонец?..

– Антагонист, – подсказал Альваро.

– Антагонист! Звучит, будто вся моя суть – в этом слове!

Да Силва осушил кубок.

– Простите, дон Карлос, но так не выйдет. В моей книге нет антагониста.

– Что?.. Вы шутите!

– Отнюдь. Это же не художественная книга, а биографическая. Там не будет ни вымышленного сюжета, ни героев, ни злодеев. Будет лишь честный рассказ о пяти достойных людях. Вы – один из них.

Эль Нинья нахмурился:

– Только честный рассказ?

Альваро молча развел руками.

– И злодеем мне не бывать?

– Не в большей степени, чем вы им являетесь.

– Каналья...

Его досада была столь горька, что Альваро поспешил утешить:

– Дон Карлос, мне позволено немного приукрасить. Если хотите, могу заострить внимание на самых злодейских ваших поступках. Могу также слегка гиперболизировать. Например, если вы захватили три галеона, а я напишу – семь, то беды не будет.

– Да?.. – В тоне пирата проснулась робкая надежда. – А если я вовсе не захватывал галеонов?

– Как так? Разве вы – не корсар?

Эль Нинья вздохнул:

– Контрабандист.

Альваро сказал:

– Полагаю, мы что-нибудь придумаем.

– Дон Карлос, посмотрите на это!

Белокурая девушка накинула на плечи нечто, сплетенное из золота, воздуха и серебра. Эль Нинья только отмахнулся. Альваро порадовал девушку изысканным комплиментом, затем спросил дона Карлоса:

– Эти шелка захвачены с боем?

– Ах, если бы... Купил оптом у одного муара.

Альваро проникновенно посмотрел ему в глаза:

– Вы преследовали муарийский галеон четверо суток, словно морская гончая. Ваши пушки снесли ему две мачты, но упрямые муары отказались сдаться. Пришлось пойти на абордаж. Лютая схватка длилась целых три часа, вся палуба стала скользкой от крови. Вы собственной рукою закололи капитана галеона, и труп рухнул на сундук с товаром, обagrив кровью шелка.

– Маэстро!.. – только и выронил эль Нинья.

– А девушки – кто они?

– Племянницы жены. Живут у нас, помогают с товаром.

– Однажды в проливе Сан-Себастьяна вы наткнулись на олландский корвет: он вынырнул из тумана, точно привидение. Чтя морской кодекс, вы не стали атаковать друзей Каталлии. Но при виде черного флага экипаж корвета сам открыл огонь. Что ж, им же хуже. Несколькими залпами вы разнесли их оружейную палубу, а потом взошли на борт. Капитан корвета сломал свою шпагу и сказал: «Забирайте все, что угодно, только не входите в кормовую каюту!» Но вы не послушались, вышибли дверь, вошли – и увидели трех девушек неписанной красоты, закованных в цепи. То были внучки одного олландского князя, посланные в подарок кайзеру Дангара. Желая подольститься к тирану, князь отдал в рабство собственную кровь. Вы спросили: «Что с ними сделает кайзер?» – и когда получили ответ, велели потопить олландский корабль. А бедных девушек забрали в Лаэрту, чтобы дать им новую счастливую жизнь.

– Маэстро!! – вскричал эль Нинья, блестя глазами.

В этот момент во двор вывели Фернана, очухавшегося после смерти. Альваро тихо сказал:

– Дон Карлос, мой друг славится честностью. Он запишет все, что вы скажете, а я применю этот материал для книги.

Когда Фернан приблизился, дон Карлос ткнул пальцем ему в грудь:

– Вы опоздали, сеньор покойник! Я успел рассказать, как потопил фрегат князя-изменника и захватил семь девушек, самых красивых во всей Олландии. Трех из них вы видите в этом дворе.

– Дон Карлос, у вас жестокие шутки, – упрекнул Фернан.

– Пф! То, что было с вами, – самая невинная из моих остроумий. Идемте в кабинет, и я расскажу, как пошутил над муарийским адмиралом и всей его эскадрой.

* * *

Общее слово «пират» включает в себя ряд отдельных специфических ремесел. Флибустьеры охотятся в прибрежных водах, приватиры отслеживают торговые суда на маршрутах,

каперы уничтожают вражеские перевозки в военное время, корсары совершают набеги на города и порты. Последнее из названных пиратских ремесел тесно смыкается с еще одним, почти бескровным делом: контрабандой.

В Каталлии не существует ни таможи, ни пошлин, ни запретов на ввоз. Каталлийцы считают благом любую торговлю, без ограничений. Но большинство остальных государств зачем-то ограничивают перевозку товаров, а что самое скверное – облагают ее пошлиной. Не желая кормить бездельников из иностранной таможи, контрабандисты находят способы провезти товар тайком от властей.

Дон Карлос эль Нинья – точнее, в те времена не дон и даже не капитан, а просто Карлос – начал свою карьеру на корсарской шхуне. Был стрелком, потом десятником стрелков, потом квартирмейстером. Они грабили прибрежные городки на бесчисленных островах Долгого моря. Грабили не без успеха, но и не без потерь. Даже в самом невинном на взгляд городке могла найтись пушка или десяток мушкетов, или группа отчаянных парней с топорами. То здесь, то там гибли пираты. В одном особо неудачном предприятии пулю схлопотал сам капитан. Команда провела выборы, и новым капитаном стал Карлос. Первым делом моряки спросили его:

– Сеньор капитан, а нет ли способа, как нам пореже умирать?

Карлос подумал – и нашел способ. Устроил налет на один городок, промышлявший кофейными зернами. Вжарил несколько залпов для острастки, но грабить не велел, а вышел на площадь и сказал горожанам:

– Продаете кофе? Продайте мне. Недурно бы со скидкой.

Местные торгаши не поверили сразу. Карлос убедил: нет, грабить не стану, куплю по-честному. Но с условием: через месяц приеду, и снова поторгую. Встретимся во-он на том островке, вдали от таможи.

В Лаэрте он сбыв товар и вернулся за новым. Потом заглянул еще в несколько мест и тоже договорился о закупках. Рейс за рейсом, месяц за месяцем стал наращивать торговлю. И вдруг оказалось, что контрабанда не только безопасней, но и выгодней грабежа. При налете приходится спешно обшаривать город, хватать что попало, вразнобой, не лучшего качества. Добыча достается задаром, но и с продажи много не выручишь. А вот при контрабанде – иное дело. Сами местные дельцы заинтересованы продать без пошлин. Сами все соберут, проследят за качеством, упакуют, привезут куда нужно. Только заплати – и забирай, а в Лаэрте продавай с двойной наценкой.

Нет, совсем без драк не обходилось. Бывало, напарывались на пограничные отряды. Случалось, бились с другими контрабандистами – делили рынок. Но с прежнею резней это никак не сравнить. За целый год погибало от силы несколько парней, а остальные – богатели. Одна шхуна уже не справлялась с потоком товаров. Капитан Карлос расширил дело, приобрел еще несколько судов. Наладил крепкие связи, прочертил безопасные маршруты, нанял капитанов себе в помощь. Один из них попытался плутовать – ну, это дело житейское, бывает и так. Карлос пристрелил его и взял другого...

А потом настало время, когда самому эль Нинье уже не было смысла выходить в море. Наемные команды трудились на славу, а у Карлоса хватало дел в Лаэрте: заключать контракты и сбывать прорву товара. К тому же, Карлос встретил женщину. Она влюбилась в него, словно кошка, и готова была на все, но кое-чего требовала взамен: чтобы Карлос больше не рисковал собою. Не без грусти он простился с морем. Вышел на спор в Палате Слова и убедил оппонентов, что заслужил титул дона. Надел высший браслет эсферы тени, приобрел старый форт на берегу – и зажил тою жизнью, в которой увидели его Альваро с Фернаном.

Нынешний дон Карлос эль Нинья не имел бед, кроме одной: скуки. Давно забылся и грохот пушек, и бойкая песня сабель, и ласковый плеск воды за килем. Даже зрелищный разбор товара, какой представился нынче, – и тот уже стал редкостью. Львиную долю грузов эль Нинья

принимал и отпускал не глядя, по описи. Рукою, отвыкшей от оружия, ставил закорючки в журнале. Было ему тоскливо, хотелось пугать людей и слыть злодеем – хотя бы на страницах книги...

Вот какую биографию рассмотрел Альваро да Силва в тени за словами дона Карлоса. Правда, слова говорили несколько иное. Фернан Герейра писал страницу за страницей, а дон Карлос расхаживал по комнате, как по палубе фрегата, и выстреливал истории.

– ... тогда я вскричал: «Поднять все паруса, право руля! Уходим в открытое море!» Муары на оставшихся галерах засвистели нам вслед, ибо подумали, что мы бежим от страха. Они не знали, а я-то знал: наша последняя бомба подожгла пороховой трюм на флагманской галере. Едва мы отошли на триста ярдов, грянул взрыв. Нет, не взрыв, а король среди взрывов! Та галера испарилась, не оставив даже щепок. Соседние суда перевернуло и смело, как кружки со стола. А в месте взрыва открылось морское дно, и там стоял древний храм с идолом Царя бездны!

– Bravo! – аплодировал Альваро, поднимая кубок за пиратскую славу.

Фернан писал, а дон Карлос наполнялся жизнью. Глаза у него так и горели, рука наотмашь рубила воздух. Голос звучал то песнею ветра, то грозным барабанным боем.

Домочадцы эль Ниньи один за другим собирались послушать. Пришли трое «невольниц». Пришел седой дегустатор (дядька дона Карлоса) вместе с женой и сыном. Пришли помощники по торговым делам и несколько пиратов из стражи, и их командир. Пришли слуги – спросить, не нужно ли дону чего-нибудь, – а потом заслушались и остались. Бочонок того заморского пойла перекочевал в кабинет, и дон Карлос велел всем слушателям угощаться. Бочонок опустел в два счета, и без проволочек была послана экспедиция за новым, а дон Карлос говорил:

– Это напомнило мне одну историю. Как-то у Фалдейских островов попали мы в шторм. Потеряли фок-мачту и семь человек из команды, а одну пушку сорвало с крепления, прокатило через палубу и так ударило о борт, что она пробила дыру и выпала в море. Но, хвала Древним, все улеглось. Ветер утих, вода разгладилась, и тут видим: плывет бочка. Сначала подумали: это мы ее и потеряли. Но пригляделись – тысяча чертей! Нет, не с нашей шхуны бочка, и ни с какой другой. Ни на одном судне мира не бывает таких бочек, поскольку...

Альваро слушал и ликовал. Рассказы пирата – это свежий ветер свободы после затхлой духоты доктора Хуанеса. Жизнь врача была кромешной тоской. Ну, что в ней может заинтересовать читателя? Инцидент с любовницей да обстоятельства смерти, а остальное – скукота. Как здорово будет разбавить эту серость пиратскими главами!

Конечно, большинство рассказов дона Карлоса – либо выдуманы, либо украдены у кого-то. Ну, и что? Они все равно ценны для книги – поскольку яркие, колоритны, сполна передают дух морских приключений. С другой стороны, если описать жизнь дона Карлоса без прикрас, то и тогда она произведет впечатление. Обычный матрос с пиратской шхуны сумел стать капитаном, а затем и доном!.. Так что автору предстояла любопытная задача: смешать правду и вымысел в идеальной пропорции, пленив читателя и не слишком обидев мирну истины.

А вот Фернан оставался угрюм. Альваро пытался его растормошить:

– Да полно тебе! Ну, подумаешь, умер разок... Это же приключение, детям расскажешь!

– Еще чего. Найду что-нибудь получше для рассказа.

– Ты слишком напряжен, мой друг. Выпей, расслабься, поухаживай за девушками. Хочешь, я буду конспектировать?

– Угу...

Фернан отдал писанину да Силве, но не подумал ни о девушках, ни о веселье. Этак хмуро спросил дона Карлоса:

– А не расскажете ли про солантийскую экспедицию?

Эль Нинья скривился:

– Зачем? Это ж крошечная скука! Никого не потопили, никого не подстрелили, все решили на словах. Одна болтовня, да и только. Хотите знать про болтовню – спросите Фатиму.

– Ай нет, увольте! Мы бы спросили доктора Хуанеса, но он, к несчастью, ушел в синеву.

– Экая незадача.

– Что вы думаете о нем?

– О Хуанесе? С чего мне о нем думать?

– Ну, он был героем и умер очень странно.

– Он-то герой?.. Не смей!

Все, кто был за столом, сочли эту тему скучной. Подумаешь, доктор помер от сердца – эка невидаль! Доктора обычно и умирают от сердца или печени – поскольку много пьют. Вот послушайте лучше: знал я одного морячка, служил марсовым на «Санта Марианне». Так он на спор сожрал кружку пороха. Все говорят: «Взорвешься», а он: «Не взорвусь», – ну, и съел. Все стали ждать, когда рванет. Шарахаются от него, как от чумы. Он зашел в кубрик – прогнали прочь, он на оружейную – ему пинка. Пошел спать на баке, под открытым небом, прямо на досках. А утром все вышли – его нет, исчез без следа. Вот так-то!

– Что, взорвался ночью?

– Нет, взрыва не слышали. Это сама «Санта Марианна» смахнула его в море. Почуяла шхуна от него опасность и защитила себя.

Вот тут-то общение пошло на славу. Родичи и соратники дон Карлоса стали наперебой вспоминать случаи, как кто-нибудь занятно помер. Этот утонул в пиве, та проглотила пчелу, тот хорошенько побрился топором... Чемпионом по части таких историй оказался дядя дон Карлоса: вокруг него вымирили все подряд, и каждый – как-нибудь с изюминкой. Юные «невольницы» тоже не отставали: была у них прабабка, весьма успешная в деле несчастных случаев. Мыла окна – выпала, пошла в уборную – провалилась, брала крупу из шкафа – шкаф на нее рухнул, день под ним пролежала. Но бездна все ее не брала. Прабабка сдалась, опустила руки и померла обычным способом: легла спать и не проснулась.

Альваро тоже приготовил парочку своих историй – вымышленных, конечно, но какая разница? Однако рассказать не успел: в комнату вошла жена дон Карлоса.

Альваро сразу понял, какие трудности встретит при описании этой дамы. Расхожие фразы: «приковала внимание», «от нее не отвести глаз», «разговоры затихли при ее появлении» – заставляют подумать о редкой красоте. Но донья Изабель не была красива: ее портила нервическая худоба и тощая шея с большой родинкой, и асимметричные глаза – левый чуть крупнее правого. Меж тем, при ее появлении разговоры затихли и головы повернулись, и внимание собралось на ней, как лучи прожекторов.

– Доброго дня, сеньоры... – тихо молвила донья Изабель.

Альваро поднялся, чтобы ответить на приветствие. Дон Карлос опередил его:

– Пташка, зачем ты здесь?

– Мне стало лучше.

– Я просил тебя полежать.

– Но мне лучше, правда! Хочу немного побыть с вами...

Дон Карлос кивнул:

– Хорошо, пташка, садись.

Помощник, сидевший возле Карлоса, вскочил и уступил место донье. Муж усадил ее, бережно держа под локоть.

– Чего ты хочешь, родная?

– Я не голодна... Просто послушать, поговорить...

– Чаю с медом, – приказал дон Карлос.

Служанка помчалась за чаем. Донья Изабель сидела, как ученица в дамском пансионе: прямая спина, локти прижаты к бокам.

– Тебе не холодно, пташка?

– Нет...

– Принесите шаль!

Вторая служанка убежала с поручением.

Альваро решил все-таки соблюсти вежливость и назвал себя.

– Донья Изабель, простите: я собираюсь превратить вашего мужа в героя книги. Когда люди начнут на вас оглядываться со словами: «Да это же супруга того самого эль Ниньи!» – вы будете знать, кого винить.

– Я читала ваши романы... – тихо сказала донья.

Прозвучало так грустно, что Альваро не рискнул спросить ее мнения.

– Могу ли я справиться о вашем здоровье?

– Уже намного лучше, спасибо...

Альваро прикусил язык, чтоб не спросить бестактно: чем вы болели? Вместо этого вкратце изложил план книги, и донья сказала:

– Должно быть очень интересно...

Она всегда говорила вот так, с троеточием в конце. И всегда тихо – то ли от слабости, то ли от полного равнодушия к своим словам. Этою тишью она задавала тон: уже никто за столом не смел повысить голос. От уныния многие налегли на выпивку.

Принесли чай и шаль. Донья потянулась к чайнику, но ей не позволили налить себе самой. Дон Карлос укутал жену и наполнил ее чашку.

– Спасибо, дорогой... Сеньоры, что же вы притихли? Не стесняйтесь, продолжайте беседу.

Один из пиратов завел было прежнюю тему: как кое-кто забавно угробился. Дон Карлос тут же пресек:

– Следи за языком! Никакой чернухи при моей пташке!

Альваро пытался понять, что происходит. Неужели донья настолько больна? Но ведь сказала, что стало лучше. Да и не выглядит она смертельно больной – только слабой и грустной. Чтобы развлечь ее, Альваро повел расспросы, приятные всякой женщине:

– Где вы познакомились с любимым? От какой искры вспыхнуло пламя? Как дон Карлос пригласил вас в семью?

Она отвечала кратко и невпопад:

– На корриде... Он – лучший мужчина на свете... Люблю его больше, чем жизнь...

Эль Нинья вмешался:

– Маэстро, вопросы ее утомляют. Лучше я все расскажу.

Они познакомились в день бега быков на бульваре Дель Торо. Сеньорита Изабель со многими другими дамами стояла на террасе галереи Элисте. Слушала музыку, смотрела, как юноши разминаются перед забегом, шутила и веселилась. Ее смех – вот что пленило дон Карлоса. Он звучал так, будто в душе девушки бил кристально чистый родник. Эль Нинья подошел к ней, скинул франтовскую шляпу, обмахнул перьями пол. «Сеньорита, ваш смех – самый прекрасный звук на свете. Мечтаю слышать его каждый день». Другие барышни хихикнули, прикрыв веерами рты. Изабель сказала: «Увольте, сеньор. Птицы не поют по заказу». Он ответил, добавив романтики в голос: «Птицы поют, когда счастливы». Она качнула головой: «Не утруждайтесь, сеньор: я счастлива вполне».

Тогда черти потянули его на приключения. Эль Нинья решил, что пленит эту женщину прямо сегодня, любой ценою! И возможность была перед носом: намечался бег быков! Он вышел на бульвар, протолкался в середину толпы, как индеек на голубятню. Вокруг юнцы в шортах и майках, а тут он – пиратский капитан, черный, как ворон, при пистолях и сабле... Протрубил сигнал, распахнулись ворота, и на бульвар выбежали быки. Юнцы помчали наутек, быки – за ними. Кто орет, кто хохочет, кто рысцой, кто вприпрыжку. Кто уже напугался – в

сторону, за ограду. А быки топчут – здоровенные зверюги, аж мостовая дрожит. Опускают морды, сверкают рогами, дышат свирепо, пар из ноздрей. И тут эль Нинья понял: не убежать! Моряки всегда плохи по части бега. А галерея Элисте была совсем близко, и он решил: пробегу хоть перед сеньоритой, покажу себя – а потом за ограду. Доскакал он до галереи, увидел девушку, махнул ей с таким апломбом – и ровно тогда бычок поддел его под зад. Эль Нинья услышал топот за спиной, успел вильнуть, и рог не вонзился ему в ягодицу, а прошел по касательной. Потом бык задел его плечом, Карлос отлетел, грохнулся на мостовую. Встал и ощутил холодок ниже спины. Штаны висели лоскутом, а в дырке – голая задница. И бык уже нацелился на нее, так что деваться было некуда. Помчал эль Нинья со всех ног, сверкая ягодицами на весь бульвар. Насилу добрался до ограды, выскочил. Глянул на барышень: другие смеются, а Изабель вся белая и руки жмет к груди. Испугалась за него, пташка!

– Вот так и познакомились, – окончил дон Карлос и поднял кубок за любовь.

Тоска за столом испарилась, люди загоготали, дружно выпили до дна. Только донья Изабель почему-то не улыбнулась. Когда смешки улеглись, сказала тихо, как всегда:

– Дорогой, давай покажем гостям Колодец.

И Альваро вмиг забыл про все остальное.

– Дон Карлос, здесь есть Колодец?! Отчего же вы молчали?!

– Зачем это нужно? – пробурчал эль Нинья. – Что там смотреть? Какой прок?..

Но Альваро стал упрашивать, и остальные за столом, и даже Фернан... Дон Карлос сдался:

– Идем.

В любом форте должен быть источник воды – таковы правила у военных. Сотню лет назад некий комендант принял укрепление под свое начало и велел вырыть в подвале колодец. Солдаты исполнили приказ. А затем командир отряда примчал к коменданту:

– Разрешите доложить! Там... там...

Комендант спустился в подвал и заглянул в колодец. И побледнел, и вскричал:

– Зарыть! Забросать камнями!

Когда было сделано, он отдал новый приказ:

– Заменить копателей. Вырыть второй. Вон там, в углу.

В том же самом зале подземелья, в шести шагах от заваленного колодца, появился еще один – и был он совершенно обычен, и много лет поил водой гарнизон.

Потом военные оставили крепость, найдя более удобное место для своих пушек. А потом явился Карлос эль Нинья с молодой женою и выкупил форт, чтоб поселиться в нем. В подвале они нашли два колодца: один рабочий, второй – заваленный. И донья Изабель догадалась:

– Он... особый! Давай откопаем!

Долго трудились люди, нанятые доном. Открылась шахта колодца – она не высохла за годы. На дне все еще была вода... и не только.

– Наше собственное чудо! – сказала донья Изабель.

Они не умели... и не понимали... и, собственно, даже не очень верили. В Дангаре встречаются мастера, которые будто бы умеют рыбачить. Ни Карлос, ни Изабель сроду не бывали в Дангаре. Они не пытались извлечь пользу из Колодца, а просто приходили сюда, смотрели вниз и делили друг с другом восторженное чувство: мы – особенные! Мы – чудесная пара, и у нас есть свое чудо!

Но проходили годы. Время перемальвало чувства жерновами привычек. Все притирается, и чудеса – тоже. Теперь Колодец стоял под крышкой, а Изабель и Карлос почти не ходили в подвал...

– Ничего там особого нет, – снова сказал эль Нинья гостям, даже не глядя в сторону Колодца.

Альваро был уже хорошо навеселе и ничуть не стеснялся пиратского барона.

– Тысяча чертей, дон Карлос, вы хоть понимаете, как это прозвучит в книге?! «Там нет ничего особого, – равнодушно бросил эль Нинья и показал гостям... чудо». Да это же блестяще! Прошу, откройте чертову крышку, чтобы я знал, как продолжить главу!

– Пожалуйста, милый, – присоединилась к просьбе Изабель.

Дон Карлос оглядел свою свиту и ткнул пальцем в самого неказистого слугу:

– Ты открой.

Паренек на цыпочках подошел к Колодцу и потянул крышку. Она была тяжела, он уронил. Со второй попытки поднял и оттащил вбок. Разинув рот, глянул вниз.

– Что там?

– Туман, дон Карлос...

– Посвети фонарем.

Слуга направил туда свет. Нагнулся, чуть не нырнул в шахту. Отпрянул:

– Ничего себе!.. Там что-то есть!

Альваро подскочил к Колодцу. За ним – донья Изабель и Фернан, и юные «невольницы». Несколько голов склонились над шахтой.

Верно, клубился туман. Но не такой, какой случается в подземельях от сырости. Он был неестественно бел, аж до рези в глазах. Казалось, кто-то засыпал Колодец кристаллами льда. Альваро выхватил фонарь у слуги и осветил вниз. Лучи не отразились от тумана, как должны были, а пронизали его насквозь и осветили дно Колодца.

Там росло дерево.

Альваро аж свесился головой вниз, пытаясь разглядеть: где это – «там»? На дне Колодца нипочем не вырастет дерево. Нет же ни света, ни грунта, ни простора – ничего! Но Альваро видел не дно. Дна не существовало, на его месте находилась дыра, ведущая неведомо куда.

И вот там, неведомо где, зеленела поляна, а посреди нее росло...

– Осторожнее! – крикнул Фернан и поймал Альваро за пояс.

Без этого, возможно, да Силва грохнулся бы вниз. Однако он сумел разглядеть: то было не дерево, а гигантский цветок, хризантема ростом с кипарис!

Она увядала. Лепестки желтели и опадали, порождая сходство с пожухлой осенней листвою. А по стеблю хризантемы висела виноградная лоза. Тонкая, но очень цепкая, лоза стискивала стебель, вдавливалась, вспарывая зеленую кожуру...

Больше ничего Альваро не смог разглядеть: мешал белый туман в Колодце, фонарь не полностью пробивал его. Но увиденного хватило, чтобы грудь сдавила горькая тоска. Да Силва отпрянул от шахты – и на миг встретился глазами с доньей. Она часто моргала, пытаясь не заплакать.

– Ну, насмотрелись? – бросил дон Карлос, так и не подойдя к Колодцу.

– Что там такое?.. – шепотом спросил Фернан.

– Бездна... – сказал корсар и погода добавил: – ...его знает.

Донья Изабель попросилась:

– Мне нездоровится. Прилягу...

– Ступай, пташка, – в голосе Карлоса мелькнуло раздражение.

Она ушла, а он вскричал:

– Все на верхнюю палубу! Откроем еще бочонок, будем пить и веселиться!

– Да, каналья! – подхватил Альваро. – Пить и плясать, всем чертям на зло!

Толпою они ринулись на свет, и с каждой ступенькой в памяти Альваро таяла картина, увиденная на дне Колодца.

Зорге ум дихь

– Я здесь ненадолго, – говорил себе Рэд.

Просыпался продрогший, мышцы аж деревянные от холода. Выкарабкивался из забвения, садился на нарах, разминал руки и ноги, хрустел суставами. Надевал сапоги и телогрейку, выходил на улицу умыться и опорожниться. От морозной свежести просыпался кашель и не унимался, пока Рэд не выпивал горячей воды. Кашляя, приходил назад в землянку.

Один из камней готовил на печурке завтрак. Они чередовались посменно, лишь бригадир и Рэд не участвовали в дежурстве. Бригадир – от важности, а Рэду не доверяли. Завтраком была рыбная похлебка либо каша с хрящами и смальцем – смотря, что выдали накануне. Терпимая жратва... была бы, если б ее делили поровну. Но здоровяк-бригадир брал себе гораздо больше, а другие камни еще подбрасывали в его миску лакомых кусочков и с умилением глядели, как он работал челюстями. Завтрак запивали хвойным отваром. За «чаепитием» камни болтали меж собою, Рэд не понимал ни слова. Впрочем, никто к нему и не обращался.

Затем бригадир, отвалившись от стола, хлопал в ладоши, и камни принимались его одевать. Он спал у печки и единственный мог позволить себе раздеться на ночь. Теперь подчиненные помогали ему надеть штаны, валенки, телогрейку, шапку. Бригадир поглаживал по затылку того, кто услужил лучше других.

Звучал сигнал, и бригада выходила на работу.

– Я тут не задержусь, – говорил себе Рэд, спрыгивая в земляную яму.

Мерзлый грунт по твердости не сильно уступал кирпичу. Рэд долго долбил его киркой, прежде чем взяться за лопату. Еще хуже было с корнями. Поляну просто вырубил среди леса, но никто не потрудился выкорчевать пни. Твердые корни попадались через каждый фут. Каждый – раскопай, расчисти, разруби в нескольких местах. А яма узка, размахнуться негде. И копать, и рубить изволь с малого замаха, частыми резкими движениями, от которых устаешь, как ломовой конь.

Рэд часто прерывался, чтобы откашляться, отхрипеться, выплюнуть мокроту. Морозный воздух терзал больные легкие. Работа согревала мышцы, но горло все равно стыло от каждого вдоха.

Беспрерывно мучил голод. Казалось, в кишках поселился змей, который жрет их изнутри. Утренней и вечерней порции пищи хватало, чтобы змей задремал ровно на час. Потом он просыпался и начинал грызть внутренности Рэда. Бригадир, паскудная сволочь, присваивал чуть не половину всей жратвы. В первый день каталиец не отдал сапоги и намял бока рабам. Бригадир отыгрывался тем, что кормил его хуже остальных.

Три качества Рэд не любил в людях... Нет, плохо сказано. По правде, очень многое в людях злило Рэда. Он не терпел, когда лезут в бутылку, когда ленятся думать, когда хвастают на пустом месте, когда орут громко, а смысла вкладывают мало. Его раздражали именно те проявления человеческой природы, которые встречаются на каждом шагу. Потому гневаться Рэду доводилось часто. Товарищи говорили: “Сложней поджечь порох, чем разозлить тебя”.

Но три черты Рэд ненавидел пуще остальных: подлость, тупость и ничтожность. Все три воплощали его нынешние соседи по землянке. Если представить себе крепкую команду, сплоченную трудными условиями, – то бригадир с четверкой камней являли прямую противоположность.

Четверо камней с утра до ночи пахали, как волю. Рэд не знал, что именно они делали, но их труд был тяжелее, чем его. Вечерами он возвращался уставшим, они – едва доползали до землянки. На их телах возникали странные и пугающие травмы. У одного были изломаны ногти и до мяса ободрана палец, будто целыми днями он царапал стену. Другой – кажется,

его звали Шульцем – вечерами со стоном стаскивал обувь и грел у печурки синие отмороженные ступни. Видимо, он работал в штольне, затопленной холодной водой. Третий раб к вечеру терял голос, едва мог просипеть пару слов. Горло у него опухало, губы трескались и кровоточили. Выпив пинту теплой воды, он возвращал способность говорить, и первым, что слетало с языка, становилась молитва. У четвертого камня была густая окладистая бородаща. В ней зияли плещи и прорехи, будто каждый день из нее выдирали клочок волос. Все четверо смотрели на каталийца с черной завистью. Какими бы ни были прочие виды работ на этой каторге, копать колодец – самая легкая участь.

Но, несмотря на все мучения, никто из камней даже не думал сбежать. Рэд видел это по их взглядам на лес – совершенно равнодушным, без попытки высмотреть дорогу. Рэд слышал это по их разговорам – пустым, монотонным, лишенным малейшей искры. День за днем они трудились в нелюдских условиях – но не питали ни гнева, ни надежды. Им будто в голову не приходила мысль: что-либо изменить в своей судьбе.

Да, Рэд пока тоже не сбежал. Но он был одиноким новичком, не знал ни языка, ни местности, а еще питал надежду на обещание фишмайстера. Камням никто ничего не обещал, они знали места, как свои пять пальцев, и в любую ночь могли сговориться. Но – ни единой попытки!

Еще и другое поражало в них: полное равнодушие друг к другу. Когда один из камней жаловался на свои страдания, остальные не выражали сочувствия и не пробовали помочь. Рассматривали пальцы без ногтей или отмороженные ступни, кивали и говорили что-то рассудительно спокойное, вроде: “Ну да, такая жизнь...” Бригадир мог даже усмехнуться и потрепать по загривку – будто хвалил за диковинную травму. Никто не соболезнавал другому. Никто не злился на мучителей. Ярость или гнев не посещали здесь никого, кроме Рэда.

Зато каждый день камни проявляли иное чувство: преклонение. При любой возможности они ублажали бригадира: разували и обували его, укрывали одеялом, когда ложился спать, наполняли тарелку, когда садился к столу. Если бригадир говорил, все смотрели ему в рот. Если усмеялся, хохотали наперебой.

В Каталии моряки могут обожать своего капитана, но никогда не станут пресмыкаться. А бригадир, к тому же, капитаном не был. Даже не зная дангарского языка, Рэд понял суть: бригадир не управлял рабами. Напротив: он сам был рабом, просто старшим по статусу. “Цуштанды” – то бишь, каторжные работы – назначали важные шишки в тереме; за выполнением следили писари. Бригадир не мог на это повлиять. Даже больше: все камни из землянки трудились в разных местах. Рэд видел, как утром они расходились по разным тропкам. Бригадир никоим образом не управлял их работой. Он лишь назначал дежурных в землянке: кому готовить жратву, кому идти по воду, а кому мести пол. Вот и все. Такое командование по силам не капитану, а юнге.

Но чем меньше делал бригадир, чем ничтожней был его подлинный вклад – тем сильнее гнулись перед ним камни. Казалось, именно безделие возвышало его в их глазах. Важный он человек, раз может ничего не делать.

От всего этого Рэда воротило с души. Да у трюмных крыс больше ума и достоинства, чем у этих “человеков”! Головой он понимал: нужно свести знакомство с кем-нибудь. Найти товарища, выучить сотню слов, разузнать о порядках, о путях-дорогах. Необходим если не друг, то хотя бы помощник. Это Рэд знал на холодную голову, наедине с собой. Но стоило увидеть камней, как накатывало презрение, и вовсю чесались кулаки. Не дружить с ними хотелось, а врезать от души. Четверым – за ничтожность, бригадиру – за то, что он мерзкая гнида.

Впрочем, и этого Рэд не делал. Сдерживал себя изо всех сил, дабы не подливать масла в огонь. Камни и так завидовали ему: за легкий цуштанд, за силу и рост, за то, что сберег сапоги, несмотря на приказ бригадира. Жалуясь на свои болячки, то и дело косились на него, невре-

димого: везет же чёрту! Когда он кашлял, прислушивались и шептались: помрет, не помрет?.. Рэд понимал: нельзя их трогать. Прибавь еще немного к их неприязни – проснешься среди ночи с ножом под ребром. И они его не трогали – боялись. Поперек землянки, отгородив Рэда от камней, встала невидимая стена.

Бригадир пока тоже не трогал его. Возможно, просто не знал, как подступиться. Привычный к червякам, ползающим добровольно, бригадир не умел ломать тех, кто ползать не желал. Однако он искал способ. Трудно, скрипуче вертелись его мысли, но не оставляли цели: унижить чужака, положить под ноги, рядом с остальными камнями. Для начала бригадир стал уменьшать порцию Рэда. Миска, которую каталийцу передавали от общего стола, с каждым днем делалась немного легче. До поры бригадир ограничивался этим. Рэд терпел – до поры.

Лишь два существа в этом селении достаточно напоминали людей, чтобы Рэд запомнил их имена: фишмайстер Фритьоф Йориксен и Якка. Первый обитал в недостижимых высотах и почти никогда не говорил с рабами. А вот Якку Рэд видел каждый день.

Узкоглазый вовсе не был палачом, как казалось поначалу. Не походил он и на солдата охраны. Одеждой и обувью напоминал охотника, а по должности был кем-то вроде левой руки рыбака. Колодец, вырытый Рэдом, был важен для Йориксена: “Каталиец, я надеюсь на тебя!” Потому Якка ходил с Рэдом на поляну – присмотреть, чтобы копал.

В любой ситуации – даже под киркой, занесенной над макушкой – Якка хранил полное спокойствие. Это озадачивало, но и восхищало. С Яккой Рэд был бы не прочь поговорить. Во время передышек Рэд пробовал завести беседу. Спрашивал всякое:

- Кто ты?
- У тебя есть семья?
- Где мы находимся?
- Далеко ли до города?
- В какую сторону железная дорога?

Рэд иллюстрировал вопросы жестами. Узкоглазый кивал: “Ага, понял”, – и давал ответ. Слов он не жалел, мог выложить целую историю – только по-дангарски. Никогда Якка не давал себе труда пояснить рассказ с помощью жестов. Чувствовался принцип: внутреннее достоинство требует ответить на вопрос; а если слушатель не понимает – это уж его беда. Досказав до конца, Якка пыхтел трубкой и поглаживал ружье, весьма довольный своим красноречием. В такие минуты Рэд думал: врезать бы тебе в челюсть и отнять ружьишко – что тогда скажешь? Но, кроме злости, возникало и уважение: вот у этого мужика есть характер.

Потом Якка говорил:

- Рэда, грабт.

Копай, мол, шёнбрун сам себя не выроет. Рэд мысленно соглашался: твоя правда, времени мало, нужно успеть. Спрыгивал в яму и брался за лопату.

Лишь однажды Якка дал понятный ответ. Как-то Рэд спросил:

- Ты метко стреляешь? – и сделал жест, будто целился из ружья.

Охотник подобрал шишку, бросил в руки Рэду: поставь мишень, значит. Каталиец пересек поляну, прошел еще шагов двадцать по прямой тропе. Выбрал пенек, положил на него шишку. Якка не стал ждать, пока Рэд отойдет. Едва убрал руку – грянул выстрел. Шишку смело с пенька.

Рэд посмотрел в лицо Якке и не увидел угрозы. Охотник не пытался напугать, просто был абсолютно уверен в своей меткости. Рэд тоже был кое-в-чем уверен: если понадобится, он сможет разоружить и прикончить узкоглазого. Подумал: нужно это показать, так будет честно. Якка-то показал, на что способен.

Рэд вернулся на поляну, приблизился к Якке и коснулся рукой ружья. Провел пальцем вдоль ствола от мушки к целику, огладил серебряный узор на цевье. Якка не пробовал поме-

шать, но крепче сжал ружье, и пристально следил за каждым движением каталийца. Стало быть, понял намек. Хорошо.

– Красивая у тебя подружка, – сказал Рэд и убрал руку.

Якка ответил по-дангарски. Судя по тону, он не возражал.

А потом – где-то на пятый день – Якка оставил Рэда одного. Привел на поляну, сказал что-то вроде: “Ты копай, а я схожу по делам”. Повернулся и пошел себе, а узник остался без какого-либо надзора.

Пришло время задуматься, что Рэд и сделал. Лес вокруг кишит людьми, пойдешь куда-нибудь – заметят. Но вот в чем штука: рабы здесь постоянно ходят без охраны! Заметив Рэда, никто не встревожится: идет – значит, надо. Стало быть, можно взять кирку и двинуть прочь, в переделах селения никто не остановит. За селением наверняка будет кордон охраны, но вряд ли плотный: не станут в такой дыре держать много солдат. Можно прокрасться тайком или пробиться с налету. Что будет потом? Пошлют погоню? Точно пошлют, но лес-то густой, и весь истоптан следами – рабы ходят за дровами да на рыбалку. Не так-то просто будет выследить Рэда. Словом, можно уйти и от погони.

А что дальше? Волки? Они самые. Им в пару – мороз. Вот с этими врагами будет тяжело: костер-то жечь нельзя, чтобы себя не выдать. Ночевать на холоде, среди зверей, с одной киркой из оружия... Тут шансы худы. И, что особенно скверно, нет опыта в таком деле. В разных условиях Рэд учился выживать, но не в зимнем ночном лесу. Как поспать и не замерзнуть насмерть? Как не достаться волкам? Есть умельцы, но не Рэд.

А каков другой путь? Верить слову фишмайстера? Говорил-то он искренне, даже с азартом: “Я не приказываю, каталиец. Я на тебя надеюсь!” И поступил по-человечески: не послал в рудник или еще куда, всего-то велел вырыть яму. Но на кой краб ему этот колодец?! Каждое утро один из бригады бежит по воду и приносит пару ведер. Каждый второй день для пропитания выдают рыбу. Да ради древних, сам же Йориксен зовется мастером-рыбаком! Рядом точно есть озеро или река! Выходит, колодец – бесполезен!

Или нет? Зачем-то же он понадобился фишмайстеру! Знать бы: зачем? Знать бы: чего хочет этот Йориксен?..

Рэд ненавидел верить, Рэд предпочитал знать. Но со знанием не сложилось.

Рэд презирал рабов, не пытавшихся сбежать. Но теперь ему самому представился случай – и, как назло, выходило, что умнее остаться в рабстве.

Крепко выругавшись, он спрыгнул в яму и стал копать.

Когда Якка вернулся, Рэд рыкнул на него:

– Где пропал, крабья морда? Меня что, можно не стеречь?!

Якка вынул ножик с белой костяной рукоятью – красивый, но короткий. Рэд фыркнул:

– Нашел чем напугать! Отвечай, зараза: почему оставил одного?

Из другого кармана Якка вынул дубовый брусок. С одного конца брусок покрывала искусная резьба: древесина превращалась в голову длинноволосой девушки. Охотник заговорил по-дангарски, и Рэд уловил смысл: “Скучно с тобой сидеть, дай хоть полезным делом займусь. Фигурку вот закончу. Правда, здорово выходит?”

Потом он сел на пенек, снял перчатки и принялся вырезать девичье плечико. Рэд сжал кулаки:

– Думаешь, я такой же червяк, как эти?!

Якка поглядел на него и, видимо, угадал причину злости. Ответ охотника был спокоен и ясен:

– Каталиец махт шёнбрун. Каталиец свобода. Рэда, грабт.

– Вот же черт хладнокровный!.. – Рэд сплюнул и взялся за лопату.

* * *

Рэд измерял время глубиной ямы. Дни были одинаковы до неразличимости, а вот яма росла. На глубине полутора ярдов наступил то ли праздник, то ли выходной. Работы отменили, и все селение отправилось в церковь.

Прежде Рэд не подозревал, что тут имеется храм. Он располагался на укромной поляне всего в пяти минутах ходу, и был настолько незаметен издали, что впору задуматься: что еще скрывает этот лес?

Храм был деревянным, но фасадная стена по дангарской традиции состояла из белого камня. Серебрянная птица, потемневшая от времени, расправила крылья над входом. В церкви и вокруг нее собралось все население поселка, исключая, разве что, дежурных часовых. Вольные люди числом около трех дюжин сразу вошли в храм. Камней было несколько сотен, все вместе они не поместились и были разделены на группы. Хорошо, землянка Рэда оказалась в первой очереди. Недолго померзнув снаружи, он вошел в церковь.

Тут было светло и тепло: людское дыхание и множество свечей согревали воздух. Центральный зал имел круглую форму, по стенам узкие окна чередовались с пожелтевшими старинными иконами. В дальней от входа стене имелась просторная ниша – там располагался алтарь. Он состоял из белого массивного камня, размером и формой напоминая саркофаг. С боков алтарный камень покрывал узор гравировок, а верх был гладок и отшлифован до блеска. В нескольких местах на резные стенки спускались языки темных потеков.

Над алтарем висела главная икона храма. Босой мужик в крестьянской одежде шагал по полю и сеял пшеницу. Позади него сразу всходили золотые колосья. Над сеятелем парили орлы, о его ноги терлись пушистые зайчишки, по сторонам от поля рядами лежали камни. Все как один – орлы, зайцы, камни – разевали рты. Да, камни имели и рты, и глаза! Они улыбались, глядя на сеятеля, и, похоже, просили жрать.

Рэда толкнули в спину, чтобы встал, куда полагается. Он последовал за бригадиром – и, к своему удивлению, оказался в центре зала. Не только Рэд с бригадиром, а и вся сотня рабов разместились по центру, в перекрестье солнечных лучей, под благостным взглядом сеятеля с иконы. Вольные же люди стояли в тени под стенами. Там был Фритьоф Йориксен, черный тип со значком сокола и пара дюжин писарей; были три офицера и семь сержантов охраны; был Якка – словно голый без любимого ружья. Словом, все свободные люди скромно подпирали стены, уступив почетное место рабам.

Открылась дверь у алтаря, в зал вышел полный священник в белой ризе с золотым узором, следом за ним – три помощника в серых сутанах. Они двинулись по периметру зала, обходя кругом толпу рабов. Священник нараспев читал молитву. После каждой строфы он делал паузу – тогда вступался хор, с чувством выводя припев, а многие рабы из зала вторили хору. Дангарский язык, похожий на карканье простуженной вороны, мало подходил для пения. Да и Рэд был не слишком набожным человеком: верил он лишь в ум, кулаки и в мирну Элигу – причем именно в таком порядке. Но столько светлого чувства звучало в этом пении, что даже его проняло. Камни больше не казались равнодушными скотами: в словах молитвы обнажилась их боль, и надежда, и даже любовь. Только предмет любви находился где-то за гранью осязаемого мира.

Рэд не понимал слов, оставалось только смотреть. Он разглядывал иконы по стенам: на каждой из них кто-нибудь страдал. Олень кормил своей плотью человечьих детей. Аист падал с небес к ногам царя и расшибал голову. Овца снимала с себя шкуру, чтобы согреть голую девицу... Не только зверям, а и людям доставалось. Женщину зарыли в землю, оставив только голову: лицо выражало боль и блаженство. Мужчине повесили на шею жернов. Он полз на четвереньках и волочил груз, за ним тянулся кровавый след по земле... У каждой иконы свя-

щенник останавливался и поднимал руки жестом мольбы. В такие моменты камни пели с особым чувством.

На руке священника Рэд заметил широченный золотой браслет – даже не браслет, а наруч. Подумал: “Что это значит?” Перевел взгляд на помощников в серых сутанах. У тех наручей не было, а на предплечьях сверкало иное украшение: выжженное клеймо раба. Рэд не поверил взгляду, даже протер глаза. Все священнослужители этой церкви были камнями!

Песнопение окончилось, рабы сотворили божьи знаки и поцеловали камушки, висевшие на шеях. Серые сутаны обошли зал с подносами в руках. На подносах стояли плошки с чем-то вроде каши, каждый вольный человек взял себе одну. Затем серые сутаны окружили старшего священника. Он тоже взял плошку и зачерпнул кашу голой рукой. Сказал громко, Рэд смог разобрать каждое слово:

– Зорге ум дихь, – и вложил кашу в рот одному из помощников.

Потом – другому, потом – третьему.

А затем все вольные люди – фишмайстер, офицеры, сержанты, писари – шагнули к толпе рабов. Камни дружно, как птенцы перед уткой, вытянули шеи и поразевали рты.

– Зорге ум дихь! – хором сказали вольные и принялись кормить рабов.

Словно детей, слишком мелких, чтобы держать ложку. Своею родительской рукой – в разинутый рот дитяти. Камни дрожали от нетерпения. Один жевал со счастливой рожей, трое новых уже лезли на его место, тянули гусиные шеи. Рабов было много, вольных – мало. На каждого кормильца – по несколько камней. Иногда каша не попадала в рот, а размазывалась по подбородку. Иногда прилипала к пальцам, и раб начинал облизывать их...

Конечно, Рэд не раскрывал рта. Он даже не шевелился – он остолбенел от омерзения.

К нему подошел Якка:

– Зорге ум дихь, Рэда.

– Исчезни, пока я тебе в рыло не плюнул.

Якка пожал плечами и двинулся дальше. К его руке тут же присосался раб с ободранной бородой.

Следом за Яккой шел Фритьоф Йориксен. На счастье, его обступила плотная группа камней. Фишмайстеру было кем заняться, кроме Рэда.

А за Йориксеном шел черный сокол. Он протянул руку в сторону, не глядя, и бригадир схватил комок каши из его пальцев. Сокол бросил ему: “Зорге...” – с такой же небрежностью, как пищу. Сделал шаг – и очутился лицом к лицу с Рэдом. Каталиец плотно сжал зубы.

Сокол набрал каши из плошки и поднес ко рту Рэда. Каталиец не пошевелился. Не отшатнулся, не мотнул головой, только накрепко стиснул челюсти. Сокол поднес кашу совсем близко – казалось, вот-вот ткнет в лицо. На руке была черная перчатка: он брезговал трогать рабские рты.

– Зорге ум дихь, – сказал сокол.

Рэд молча смотрел ему в лицо. И вот сейчас, впервые, глаза сокола не были туманны. В них горел мрачный хищный интерес.

– Зорге ум дихь, – повторил он с тенью вопроса.

Что сделаешь, каталиец, если размажу по роже? Или прикажу разжать зубы штыком?

Рэд смотрел. Набычась, не мигая, с каждым вдохом наливаясь злобой. Только попробуй, сволочь!

Все камни вокруг застыли. Гусиные шеи не тянулись к кормильцу, никто не сунулся перед Рэдом. Холодная лютя столкновения заморозила воздух.

Потом сокол сделал невероятное: улыбнулся. Протянул кашу в сторону, наугад – и кто-то схватил ее губами. Чистой рукой хлопнул Рэда по плечу, сказал пару слов бригадиру и двинулся дальше.

Каталиец перевел дух и огляделся. Больше никто не лез его кормить. Все пятеро соседей по землянке смотрели на него в упор. Не искоса, как прежде.

– Чего уставились? – буркнул он и отошел в сторону.

Обратно они шли через лес: впереди бригадир, следом Рэд и остальные четверо. Дорога показалась слишком длинной – вроде бы, до церкви добрались быстрее.

– Мы что, сбились с пути? – спросил Рэд.

Бригадир обернулся и ударил его камнем, зажатым в кулаке. Каталиец успел отклониться. Удар, нацеленный в нос, лишь задел скулу. Но в тот же миг что-то рухнуло сзади на затылок. В голове будто взорвалась граната, все закружилось, Рэд упал на колени. Пятеро окружили его и принялись пинать. Он защищался, как мог. Одного поймал за ногу и опрокинул, другого угостил кулаком в промежность. Но он лежал, а они стояли, и сила гнева в этот раз была на их стороне.

Он оклемался, лежа на снегу. Перекатился, уткнулся лицом в сугроб. Ужасно болели десна, один зуб шатался, двух не было вовсе, изо рта текла кровь. Ребра ощущались так, будто на них сплясали танго. Он обтерся снегом, остудил ушибы, сплюнул обломки зубов. Пожевал снег, чтобы унять кровотечение. Ощупал кости – слава Элиге, все целы. Попробовал подняться – упал. Кто-то пнул его в колено, ногу прошибало болью при попытке опереться.

Он провалялся на снегу целый час. Не в надежде на помощь – о сострадании здешнего народа он уже понял все. Просто дал время улечься боли. Потом поднял себя, держась за сосну, и на сей раз смог встать на ноги. При всяком случае хватаясь за ветви, Рэд побрел к землянке.

Когда вошел, все пятеро ужинали. Камни, как водится, подкладывали хрящики в тарелку бригадира. Словно по команде, все обернулись к Рэду.

Он подошел к своим нарам, но не стал садиться, несмотря на боль. Оперся на стену и заговорил:

– Парни, простите меня. Я знаю, что оскорбил вашу веру. Вы – малодушные слабаки, но имеете право верить, во что хотите. Я не хотел вас обидеть. Просто я верю в другое: в Первого Судью и мирну Элигу, в свой ум и кулаки. Для меня лизать чужие пальцы – чистейшее унижение. Я никогда не стану этого делать. Но здесь-то иная вера, потому вам было обидно. Простите меня.

Рэд знал, что они не поймут ни слова, но его тон и вид, и долгая речь без единой ноты злости должны передать главный смысл. Его поймали внезапно, свалили подлым ударом в спину – однако он раскаивается, а не жаждет мести. Если в них больше ума, чем в держаке лопаты, то обязаны понять!

Камни выслушали Рэда и глянули на бригадира. Тот сказал несколько слов. Камни засмеялись. Потом бригадир взял миску и отмерил порцию Рэду. Рыжий парень с отмороженными ногами – кажется, его звали Шульц – передал каталийцу ужин.

В миске была вода.

* * *

На всякий случай, ночью Рэд не спал. Это было легко, учитывая, как болели ушибы и как выло в пустом желудке. Слегка подремал под утро, а проснулся ровно тогда, когда варился завтрак. Вышел на улицу, справил нужду, умылся снегом, размял руки. Вернулся в землянку, подошел к столу и указал на миску.

Бригадир снова отпустил шутейку, и все покорно засмеялись. Потом наполнил миску водой, отхаркался и плюнул в нее.

Рэд верил в ум, кулаки и мирну Элигу – именно в таком порядке. Пока бригадир упражнялся в острогах, Рэд осмотрел остальных четверых.

Отмороженный Шульц, как обычно, жался к печурке. Тот Без Ногтей посасывал раненый палец. Борода Лопатой разглаживал бороду, пытаясь прикрыть проплешины. Сиплый облизывал губы, лопнувшие от мороза.

“Кушай, не подавись”, – сказал бригадир на дангарском и толкнул миску воды в сторону Рэда. Каталиец поклонился и сказал:

– Спасибо, друг.

Потом схватил бригадира за палец. Не за кисть, а именно за палец – это гораздо эффективнее! Вывернул гаду руку за спину и ткнул его мордой в котелок с кипятком.

Миг спустя – еще до того, как кто-либо опомнился – Рэд отпустил бригадира. Тот заорал, хватаясь за обожженную рожу, а Рэд начал действовать. Сначала ум, но потом – кулаки!

Шульца приложил затылком о печурку. Шульц вырубился, закатив глаза.

Бороду Лопатой ухватил за бороду, рванул вверх и ткнул кулаком в кадык. Он захрипел, сясь глотнуть воздуха.

Того Без Ногтей схватил за палец и крутанул. Тот сразу завыл от боли, еще до продолжения. Но продолжение последовало: выкрутив камню руку, приведя в беспомощное положение, Рэд смачно, с хрустом, впечатал кулак в нос.

Остался Сиплый с отмороженными губами. Рэд планировал плеснуть ему в лицо кипятка из миски, но Сиплый и так упал на колени, закрывшись ладонями:

– Найн! Битте, найн!..

Рэд рыкнул:

– Лежать, сука.

И сиплый упал лицом в пол, хотя не знал ни слова по-каталийски.

Тогда Рэд шагнул к бригадиру. Здоровяк только-только пришел в себя от боли. Не успел ни встать, ни изготавиться к бою, ни вообще... Каталиец оглушил его ударом по ушам, схватил за волосы и снова окунул мордой в котелок.

Вытащил и сказал на ухо:

– Тварь. Я вам соболезнаю, тупые скоты. Это не слабость. Это нормальное людское сочувствие.

Прежде, чем бригадир ответил, Рэд снова окунул его в кашу. Каша только что сварилась, по всей роже бригадира вспухали волдыри.

Рэд поднял его и произнес:

– Отныне есть будем поровну. Если ты против – я тебя прикончу.

Отшвырнул бригадира от стола, выплеснул на него воду из своей миски. Взял все шесть мисок и наполнил кашей – строго поровну.

Сказал Тому Без Ногтей:

– Ешь.

Тот глянул на бригадира, задрожал и не притронулся к миске.

Рэд сказал Бороде Лопатой:

– Ешь.

Борода попятился и сел возле бригадира.

Рэд сказал Сиплому:

– Ешь.

Сиплый встал, облизал больные губы, поразмыслил... и сел к столу.

Рэд сказал Обмороженному:

– Ешь. Кстати, я помню твою имя: Шульц, ага?

Обмороженный выпустил слюну. Он все еще валялся в обмороке.

– Ну, краб с тобой, – бросил Рэд и взялся за еду.

Учитесь писать о войне

После бурного вечера у Карлоса эль Нинья друзья кое-как добрались до дома да Силвы, где и завалились спать. В доме имелось две спальни, но друзья поленились идти туда и устроились прямо в гостиной: Альваро свернулся в кресле, Фернан захрапел на диване.

Утром хмельную тьму их снов разорвал решительный стук в дверь.

– Густаво, открой!.. – закричал да Силва. – Густаво, где тебя черти носят?

– Умоляю, не ори, – простонал Фернан. – Ты же его уволил...

Верно: Альваро дал слугам расчет, когда лишился денег. Открыть дверь – решительно некому. Неужели придется встать самому?.. Альваро поглядел на часы и пришел в неистовое возмущение. Было восемь утра – то бишь, середина ночи по меркам эсферы Искусства!

– Убирайтесь! Приходите днем!

Стук повторился.

Альваро пошарил под креслом, нащупал револьвер. Считается ли выстрел в дверные доски вежливым ответом на стук? Эх, жалость: отсюда все равно не попасть. Придется идти...

Он выполз из кресла, со стоном разогнулся и поковылял в прихожую.

– Вы – негодяй! Атакуете спящих, только злодей способен на такую подлость! Берегитесь же, если не найдете оправдания!

Альваро распахнул дверь. Там стояла Люсиль Герейра.

– Ой, прости... Я не думал...

Девушка протянула ему бутылочку с темной жидкостью:

– Кофенадо – мое оправдание.

Проскользнув мимо да Силвы, она прошла в гостиную, где обнаружила мужа. Со словами: «ой, любимая!» – Фернан грохнулся с дивана.

– Подобного я и ждала, – констатировала Люсиль. – Пришла, чтобы вернуть вас к жизни.

– Мы ничего такого... Мы работали над книгой!

– Ага, любимый. Держи.

Она вынула из котомки вторую бутылочку кофенадо и вручила мужу. Спросила да Силву:

– Напомни, где у тебя кухня?

Он взмахнул широким жестом:

– Где-то там. Северо... юго-запад.

– Выпейте, умойтесь, станьте похожими на людей. А я приготовлю поесть.

– Восемь утра... Милая Люсиль, ценю твою заботу, но я обретаю людской облик не раньше полудня...

– С одиннадцати у меня внук профессора... Ну же, живо, подъем!

Альваро и Фернан дружно хлебнули из бутылочек. Оживляющий напиток по семейному рецепту семьи Герейра (кофе, перец, апельсиновый сок) быстро оказал действие. Альваро стал приводить в порядок одежду (путем разглаживания прямо на себе), а Фернан оживился настолько, что высказал мнение о вчерашнем вечере:

– Дружище, этот Карлос эль Нинья – сущий морской черт!

– Зато девушки были что надо, все семеро! – Альваро повысил голос, чтобы слышала и Люсиль. С кухни тут же донеслась реакция:

– А ну, ступайте сюда! Хочу все слышать!

Друзья пошли на зов. Люсиль уже добыла продукты из котомки, надела передник и теперь шарил по кухне в поисках посуды, разделочной доски и способа разжечь плиту.

– Извини, ничем не помогу, – посетовал Альваро. – С тех пор, как ушла кухарка, я не снаряжал сюда экспедиций.

– И не надеялась... Так что же там были за девицы?

– О, целый отряд! Три муарийки, две креолки, одна незаконнорожденная княжна. Они взяли нас в окружение, но твой супруг отбивался, как лев, и всех обратил в бегство! Этим и объясняется наша утренняя усталость.

– Что ж, все понятно. А кто был сущим морским чертом?

Фернан вмешался:

– Любимая, наш Альваро водится с отпетым злодеем! Карлос эль Нинья – хозяин каперского флота, корсар и контрабандист. Всю свою жизнь он только и делал, что грабил честных моряков. Нельзя понять, отчего морская бездна до сих пор его не поглотила!

Да Силва ответил, аристократично потягивая кофенадо:

– О, наивный Фернан, придется напомнить тебе, как устроен мир.

И он напомнил. В каждой стране имеются люди, слишком свободные для строгого соблюдения морали и слишком творческие для ежедневного труда. Таких людей иногда зовут грубым словом «преступники». В иных государствах, менее разумных, чем Каталія, их пытаются ловить, наказывать и искоренять. Это не кончается добром: преступники просто прячутся и творят свои дела незаметно. Стражи закона, естественно, оказываются слишком глупы, чтобы вывести их на чистую воду.

Но Каталія устроена иначе! Здесь существует эсфера Тени, которая объединяет в своих рядах всех мастеров преступных ремесел. Тень обладает правами, присущими любой другой эсфере: имеет свои районы, традиции, геральдику, даже представительство за Высоким Столом. Каталийцы позволяют преступникам свободно существовать. А мастера тени, в обмен на это, не допускают произвола и следуют определенным правилам. В белых землях – никаких преступлений, в серых – только легкие, в черных – какие угодно. Сами же стражи тени следят за тем, чтобы никто не нарушал правила. Кроме того, мастера тени творят не какие попало злодеяния, а лишь согласно ремеслу: воры – крадут, мошенники – обманывают, ассасины – убивают, и так далее. Многие из этих ремесел полезны для страны.

Взять, например, пиратов. По правилам тени, они грабят иноземные суда и порты. Благодаря их труду, Каталія наводнена хорошими заморскими товарами, такими как кофейные зерна, или, например, прекрасный шелковый платок на лебединой шейке Люсиль...

– О, спасибо, Альваро... – мурлыкнула девушка.

Фернан насупился:

– Это не меняет паразитической сути! Эль Нинья пьет лишь иностранную кровь – но он по-прежнему кровопийца. Иноземцы – разве не люди? Вот ты говоришь: шелковый платок... А что, если этот платок муарийский юноша вез в подарок любимой девушке? Что, если она живет очень бедно, и платок стал бы единственной радостью за целый год? Без этого клочка красоты, может, ей и жить-то расхочется! Неужели тебе ее не жаль?

– Неа.

– У тебя черное нутро! И почему ты стал писателем, а не корсаром?

– Каналья, тысяча чертей! Постоянно клянусь себя за это!

Фернан хлопнул по столу:

– Довольно шуток, поговорим всерьез. Ты желал выстроить план книги – я предлагаю такой: противопоставим злого пирата доброму доктору. Покажем светлую жизнь Гарсии Хуанеса как антитезу тьме, которую несет Карлос эль Нинья.

Альваро язвительно рассмеялся. Люсиль подала тосты в яйце, и Фернан принялся за завтрак, а писатель взял слово:

– Любезный друг, я согласен на антитезу, но только в обратном смысле. Эль Нинья – честный благородный корсар, чуждый подлости и притворства. Его ремесло может не нравиться кому-то за морем, но нашей стране он приносит явную пользу. А вот доктор Хуанес – скользок, словно уж. Его благодетельный образ полон противоречий. Суди сам. Под маской душевности он подолгу болтал с пациентами – но что это, если не лень? Под видом святой правдивости хамил

и детям, и жене, и даже знатным пациентам. Сын сбежал, чтоб быть подальше от него; жена стала крутить кудри, едва он помер... Далее, Хуанес говорил пациентам, что их болезнь очень тяжела, а потом брал и вылечивал. Тогда выходит, не очень тяжела – зачем же было врать?.. А главное: ты видел письмо! Коли запомнил, изволь, полюбуйся снова.

Альваро шлепнул на стол перед другом послание из газетных вырезок: *«Я знаю все. Вам не уйти от расплаты».*

– Достойному Карлосу эль Нинье никто не прислал бы такого письма. Конечно, могли угрожать: «Я отомщу! Морская бездна тебя проглотит!» Но никто бы не написал: «Я все знаю» – ибо о нашем корсаре и так все известно. А вот доктор Хуанес носил за душой грязную тайну.

– Кушай, – попросила Люсиль.

Альваро приступил к еде, а Фернан перехватил нить беседы:

– Какая же это тайна, если добрая сеньора Хуанес знала обо всем? Я уверен, в анонимном письме речь шла о таком обыденном деле, как любовница доктора.

– Он сказал: обыденное дело, – Альваро толкнул локтем Люсиль.

– Я слышала.

– Ай, не придирайтесь к словам! Я имел в виду: это не было тайной, доктор рассказал жене! А вот в поведении твоего обожаемого эль Ниньи имеются-таки явные загадки. Во-первых, заметил ли ты, он боялся показать нам Колодец. И сам даже в него не заглянул.

– Мн-мн, очень вкусно... – выдавил Альваро с набитым ртом. – Что во-вторых?

– Э... Я так устал от твоего упрямства, что не могу вспомнить. Но странностей было много, придет час, и я выложу их все!

Они препирались до конца завтрака, но не пришли к согласию: кого из пирата и доктора считать добром, а кого – злом? Зато сошлись на мнении, что Люсиль – святая женщина.

– К слову о святости... – вспомнила она. – Пока я пыталась пробиться в дом, приходил почтовый посыльный. Он принял меня за одну из твоих дамочек, Альваро, и передал для тебя письмо. Я возражала как могла, но почтальон так и не поверил. Потому – вот конверт.

Альваро взломал печать и вслух прочел следующее:

«Мастро да Силва, желаю доброго здравия.

Был рад и польщен, когда получил ваше письмо с предложением встречи. Пребываю в восторге от вашей новой книги, желаю поделиться и мыслями, и чувством.

К сожалению, меня нет в Лаэрте. Ваше письмо было переслано мне в крепость Ортияр, где я нахожусь с инспекцией. Не затруднит ли вас приехать сюда? Будет небезынтересно осмотреть укрепления и обсудить батальные сцены. Покажите дежурному офицеру это письмо, и вас немедленно проводят ко мне.

*Ваш читатель и друг,
генерал Габриэль Дезерей»*

Генерал Дезерей был третьим в списке героев книги.

Крепость Ортияр находилась в тридцати милях от Лаэрты, то бишь – всего в нескольких часах езды. Повидать генерала прямо в воинской стихии – отличная возможность полнее раскрыть его образ. Потому предложение показалось очень даже заманчивым.

– Собираемся в дорогу! – вдохновился Альваро.

– У меня все еще внук профессора, – напомнила Люсиль.

– А я бы поехал, – вздохнул Фернан, – но, прости, каким образом?

И ведь правда, это был вопрос. Рейсовые дилижансы не ходят в Ортияр. Ходят поезда, но не пассажирские, а военные. Вряд ли они возьмут на борт штатских лиц. Остается нанять

извозчика... но сколько запросит извозчик за тридцать миль в два конца? Явно больше, чем друзья смогут наскрести.

– Нет же, такая нелепица, как деньги, не встанет на пути высокой литературы! Давайте просто покинем дом и найдем какой-нибудь способ. В крайнем случае, возьму кредит под залог своего честного имени.

– Сперва переоденься, – потребовала Люсиль.

– А что такого? Мы едем в стан военных, позволительно быть немного помятым.

– Ах, если бы немного...

Люсиль заставила бездельников привести себя в порядок и убежала на работу.

Немногим погодя друзья тоже вышли из дому. Альваро пропел из «Сеньориты Фиалки»:

– Вперед же, вперед, навстречу прекрасным... – и осекся.

В бесстыдной близости от его крыльца стояла паровая повозка. На месте водителя, свесив ножки в открытую дверцу, сидела Золотое Перо.

– Доброго утра, маэстро!

– Девушка кротко ждала меня в тени деревьев, робея и ища предлога для встречи... Такими словами я описал бы ситуацию, если б не знал вас, сеньорита. Вы и робость родились в разных городах, а затем, презирая друг друга, разъехались в разные страны. Что делаете у моего дома?

Она помахала тетрадь:

– Пришла доказать, что вы ошибались! Вот первая глава моей книги – две ночи просидела над нею. Прочтите и убедитесь: я ничего не знаю наперед и во всем сомневаюсь. Глава полна интриги, загадки и неизвестности, точно как вы учили.

– Загадка лишь одна: что вы забыли здесь? Академия Искусств – вот ваши охотничьи угодья!

– Оттуда вы уносите, словно корвет при попутном ветре. Это никак не может быть вызвано неприязнью ко мне, следовательно, вам противна сама академия. Я подумала, что из собственного дома вы не станете бежать.

– Вы ошиблись! Езжайте в академию и не смейте больше...

Как тут в беседу вмешался Фернан:

– Друг мой, друг мой, отчего же ты так невежлив с прекрасной девушкой? Она достойна уважения уже за одну смелость. И это не считая многих иных достоинств, среди которых – умение водить паровой экипаж.

Золотое Перо спрыгнула из кабины и учтиво поклонилась Фернану:

– Простите, сеньор, что не отрекомендовала себя. Я – Беатрис, ученица маэстро. С кем имею честь?

– Фернан Герейра, его друг и соратник.

– Весьма рада знакомству.

Фернан приблизился к паровой повозке и погладил красную лаковую дверцу.

– Изящный экипаж, сеньорита. Очень вам к лицу.

– Благодарю, сеньор. Это “Эсперанца” с новым компактным мотором из Бреги. Можете не сомневаться: в ходу она столь же хороша, как и на вид.

– Иного и быть не может, если вы за рулем.

Альваро закатил глаза от презрения к подобным любезностям. Жест пропал втуне: Беатрис и Фернан не глянули в его сторону.

– Сеньорита, коль вы найдете мое предложение дерзким, пусть правила приличия не помешают вам ответить оплеухой.

– Что вы, сеньор, я никогда бы не посмела!

– Мы с Альваро должны попасть в крепость Ортияр, что за тридцать миль отсюда. И возможно, вы найдете малую приятность в том, чтобы разделить наше приключение.

– Вы имеете в виду тот Ортияр, который зовется щитом Лаэрти?

– Он самый, сеньорита.

– А разве вас пустят туда? Это же стан военных.

– Альваро получил приглашение от генерала Дезерея.

– Того самого Габриэля Дезерея?!

– Да. Генерал имел неосторожность прочесть пачкотню Альваро и счел ее любопытной. У Беатрис так и вспыхнули глаза.

– Вы едете в гости к генералу Дезерею, в крепость Ортияр, и зовете меня с собой?!

– Я понимаю, сеньорита, как это утомительно. В награду за лишения Альваро прочтет вашу главу и даст полный отзыв, как вы хотели.

– Зачеет?! – простонал да Силва.

– Ни слова больше! – вскричала Беатрис. – Садитесь, и помчимся, как ветер!

Она вскочила за руль, Фернан уселся рядом с нею. Да Силве не осталось ничего, как забраться на заднее сиденье – прямо под дымящей трубой. К счастью, сиденье хотя бы защищал навес. Беатрис дернула рычаг, с громким «пффф!» машина исторгла облако пара – и тронулась с места. Девушка надела ездовые очки, вторые предложила Фернану, а на долю писателя не хватило. Набирая ход, экипаж помчал по улицам. Рыжие волосы Беатрис развевались на ветру.

– Сеньор Фернан, знаете, отчего я в таком восторге? Конечно, первая причина – ваше милое общество, но есть и вторая. Я мечтаю написать книгу о войне!

– О, сеньорита, если кому-либо из прекрасных девушек это удастся – то именно вам!

– Вы так считаете? Очень приятно. Визит в настоящую военную часть и беседа с боевым генералом – еще вчера я могла лишь мечтать об этом! А ведь там есть еще и артиллерия. Мортиры и бомбарды, и картечные пушки...

Альваро не выдержал:

– Сеньорита, хватит умничать. Фернан и так валяется у ваших ног.

Беатрис обратилась к Фернану:

– Вы обещали, что в дороге маэстро будет молча читать.

– Так и будет! – Герейра перебросил да Силве тетрадь студентки. – Читай, дружище. Отрабатывай свой билет.

* * *

Горная гряда делит Каталлию на два крупных региона: северо-западный и юго-восточный. Во времена, когда миром правили древние боги и благородные идалго, это были два королевства: Катилез и Лаэртгар. Затем они объединились, признав мудрость Первого Судьи, и стали зваться Верхнею и Нижней Каталлией. А затем жители южного побережья возроптали против прозвища «нижние», и части страны получили новые имена: Каталлия Прекрасная и Каталлия Могучая. Прекрасная земля – это Лаэрта и все южное побережье с его удивительно теплым климатом, с театрами и университетами, с бесчисленными жемчужинами архитектуры и искусства. А Могучая Каталлия – это северо-восток, изобилующий угольными шахтами, фабриками и заводами. Говорят, что южнее гор живет слава Каталлии, а севернее – ее сила.

Оба региона исчерчены сетками железных дорог. Но только в двух местах – в разрывах горной гряды – эти сетки сообщаются между собой. Крупнейший железнодорожный узел лежит в долине Ортияр, за тридцать миль от Лаэрти. Сюда стекаются потоки грузов из Могучей и Прекрасной Каталлий, чтобы затем растечься к пунктам назначения. Здесь не вырос торговый город: в тесной долине не нашлось для него места. Здесь есть только крупная перевалочная станция, а также крепость для ее защиты.

При слове «крепость» фантазия рисует то, что глаз привык видеть на гравюрах рыцарской эпохи: высокие стены, угрюмые башни, разводные мосты надо рвом... Но Ортияр – нечто

совсем иное. Это сложнейшая сеть фортификаций, состоящая из бастионов и редутов, эскарпов и контрэскарпов, замаскированных огневых позиций, подземных путей подвоза боеприпасов и много чего еще. К Ортияру нельзя приблизиться, не попав под перекрестный огонь артиллерии как минимум из трех точек.

Стратеги говорят, что Каталию невозможно завоевать. Юго-восточное побережье защищает лучший в мире военный флот; северо-западную границу – бесстрашные гарнизоны в надежных фортах, а также болотные топи. А если враг все же ворвется в один из регионов страны, то не сможет продвинуться в другой – ибо на пути встанет Ортияр.

Когда паровой экипаж приблизился к крепости, Беатрис и Фернан забыли пустую болтовню. Оба во все глаза рассматривали чудеса фортификации. Беатрис сначала пыталась вспоминать военные термины, а потом бросила показуху и отдалась восхищению:

– Вот это да!.. Ничего себе!..

Блестящим потоком в долину втекала густая связка железнодорожных путей. А по обе стороны от нее, сколько хватало глаз, громоздились укрепления. Над ними, как исполинские часовые, поднимались горы...

На подъезде к первому бастиону путников встретили стрелки и велели предъявить документы. Альваро показал старшему письмо с подписью генерала Дезерея и полковой печатью. После этого ему пришлось подвинуться: один из солдат забрался в экипаж, чтобы показать дорогу на артиллерийское стрельбище – именно там должен был находиться генерал. Альваро воспользовался шансом получить материал и спросил мнение солдата о генерале Дезерее. Но он ответил формально: мол, славный полководец, герой Лаэрти. Затем прибавил:

– Да я-то и не знаю толком. Он приехал с инспекцией, а командует здесь другой...

Беатрис попробовала расширить познания:

– А вот эта насыпь – эскарп или контрэскарп?

Солдат пожал плечами:

– Не знаю, сеньора. Пушкарей спросите. Мы в пехоте просто говорим: вал...

Артиллерийское стрельбище представляло собой продолговатое поле, с двух сторон отделенное валами. В дальнем конце поля находились мишени: кучи грунта, бочки, соломенные фигуры. В ближнем стояла учебная батарея и наблюдательная площадка на возвышенности. Похоже, наступило время обеда: расчеты покидали пушки и шли к полевой кухне, а с площадки спускались офицеры.

– Вон генерал, – указал стрелок.

Беатрис дерзко подкатила прямо к группе офицеров – впрочем, что она делала не дерзко?.. Стрелок соскочил на землю:

– Сеньор генерал, разрешите доложить.

Но Габриэль Дезерей уже узнал Альваро.

– Вольно, ступайте... Маэстро да Силва, добро пожаловать в Ортияр!

Альваро пожал руку генералу. Дезерей отрекомендовал его остальным офицерам, назвав лучшим из молодых писателей и надеждою литературы. Альваро, со своей стороны, представил друзей. Вернее было бы сказать – друга и занозу в заднице, но да Силва воздержался от излишней честности.

– Желаете пообедать здесь или в полевой кухне?

В шатрах вокруг кухни собралось много людей. Альваро сказал:

– Я очень желаю побеседовать с вами, а там будет шумно.

Генерал приказал ординарцу подать обед прямо на позицию. Отпустил офицеров, а сам, вместе с Альваро, Фернаном и Беатрис, поднялся на наблюдательный пост. Тут были стулья и стол, и оптические приборы.

– Позвольте посмотреть в бинокль?

Это сказала Беатрис, кто же еще.

– Прошу, сеньорита... Обратите внимание: там на стекло нанесены риски, они позволяют определять дистанцию. Наведите на соломенную фигуру человека. По высоте она занимает ровно две риски, это значит, до цели точно двести ярдов.

– Премного благодарю! Весьма интересная деталь. Такие детали ценны для писателя.

Генерал удивился:

– Вы тоже пишете? В таком юном возрасте?

Альваро пресек болтовню:

– Нет, сеньор, она лишь учится, и, с позволения сказать, не слишком успешно. А я хотел бы поговорить с вами о книге.

– Да-да, ваша книга произвела впечатление!

– Не о той книге, – возразил Альваро. – Я готовлюсь написать роман о пяти героях солантйской экспедиции...

Показалось или нет: по мужественному лицу генерала пробежала тень? Альваро поспешно добавил:

– Нет-нет, сама экспедиция описана уже много раз и, верно, вы замучились рассказывать о ней. Я хочу описать жизни героев Соланты в наше время. Как сложились судьбы, куда привели пути? Уж точно, к одной Соланте не сводится все интересное в вашей жизни!

Дезерей расслабился:

– Буду рад помочь. Да и сам хочу кое-что обсудить с вами.

Ординарцы принесли обед и накрыли стол. Генерал призвал гостей разделить с ним трапезу. Фернан приступил к еде, но на всякий случай приготовил блокнот и карандаш. Беатрис пристально рассматривала все вокруг и явно старалась запомнить: формы ординарцев, состав меню, полковые гербы на тарелках... Что ж, хотя бы одно достоинство за нею нужно признать: желание учиться.

Покончив с супом, Дезерей сказал:

– Ну, поговорим о важном. Я обещал отзыв на новый роман. Начну коротко: я в полном восторге! Как вам это удастся? Вынули душу, сыграли на ней, будто на гитаре, и вложили обратно в грудь.

Альваро победно глянул на Фернана и Беатрис. Получите же, наглецы! Вспомните, кто здесь гениальный писатель, а кто – свита.

– Теперь выскажусь подробнее, – продолжил генерал.

– Этого не нужно записывать? – спросил Фернан.

– Нет уж, запиши, – улыбнулся Альваро.

– Начну с главных героев. Ваш маркиз – полный дилетант в военном деле. Мнит себя великим стратегом, но совершает ошибки одну за другой. Без конца дробит силы, позволяя врагу бить себя по частям. Не думает о разведке, часто влетает в засады. Понимаю, это нужно для внезапности сюжета, но есть же какой-то предел! А также, он постоянно лезет в тактическое командование, что для стратега – полная глупость. В роли ротного командира маркиз предсказуемо ужасен.

Альваро отчего-то закашлялся.

– В горле пересохло... позвольте воды...

– Да, прошу... Перейдем к его кухне – Илане, или как ее зовут. Конец прискорбный, но неизбежный – вот как я опишу судьбу ее вассалов. Илана бросила горстку воинов в безнадежную атаку и еще удивлялась, что всех перебили. Неясно, для кого из читателей это стало внезапным поворотом. Лично я ничего другого и не ждал.

– Сеньор Герейра, вы записываете? – уточнила Беатрис.

– Весьма старательно.

– Позвольте, генерал, – промямлил Альваро, – смею заметить, книга не только и не столько о войне. Это человеческая драма, столкновение характеров...

– Да-да. Теперь перейдем к их врагам. Маркиз и Илана одерживают победы по единственной причине: противники – еще большие профаны.

Ничуть не стесняясь в выражениях, генерал разгромил всех антагонистов. Перешел к отдельным батальным сценам, разобрал их фрагмент за фрагментом и не нашел решительно ничего, похожего на настоящую войну. Если бы люди, никогда не служившие в армии, разыгрывали битву на сцене провинциального театра, то поступали бы так, как эти «великие воины» со страниц романа.

– Вы конспектируете, сеньор Герейра? – вновь спросила Беатрис.

Фернан расплылся в улыбке:

– Каждое слово!

– О работе артиллерии я вынужден промолчать, ибо комментарии тут излишни.

Генерал плеснул себе вина. Красный, как вареный рак, Альваро спрятал взгляд в кружку.

– Подытожу, – завершил Дезерей. – Отличная книга, блестящий образчик литературы! Склоняюсь пред вашим талантом.

Последовала сцена, которую принято звать немой. Генерал умолк, поскольку все сказал. Остальные трое не имели понятия, как реагировать на такое.

Первою опомнилась Беатрис:

– Генерал, с вашего позволения, я тоже хочу написать книгу о войне.

– Вот как? Любопытно.

– Какая война? – перебил Альваро. – Ваш роман – о конфликте детей с родителями!

– Это лишь первая книга, в качестве разминки. Но та, что сделает меня знаменитой, будет о войне. Главный герой – простой солдат, которого война разлучила с любимой. Он никем не командует и ни на что не влияет. На фронте заводит дружбу с несколькими сослуживцами, но все поочередно гибнут. Главный эмоциональный мотив – отчаянье и безнадега. Герой убеждается, что война – не блестящая игра, а кровавое болото. Затем он погибает.

Дезерей уважительно кивнул, даже несколько раз.

– Сеньорита, это звучит весьма зрело.

Альваро вскричал:

– О, бедна! Выжимание слезы, да и только! Бедный несчастный солдатик так любит свою девушку, но никогда к ней не вернется... Фу! Литература должна поднимать человека ввысь, к вершинам чести и отваги! Плакать и страдать, а равно падать мордой в грязь, каждый и сам умеет. Примеры красоты, героизма, величия – вот что читатель ищет в романах!

Генерал и студентка переглянулись между собой, а затем вместе повернулись к Альваро.

– Вы полагаете, сеньор, войны выигрываются героизмом?

– Не только. Также – умом полководца, красотой и хитростью маневра, выучкой солдат.

– На счет выучки согласен, – сказал генерал, – но остальное... Сеньорита, каково ваше мнение?

Беатрис помедлила, уверенная, что все любят ее.

– Я читала книгу о стратегии, где говорилось, что успех в битве напрямую зависит от количества выстрелов. Каким бы ни был гений командира, батальон стрелков, выпускающих три пули в минуту, победит батальон тех, что выпускают две. Автор книги утверждал, что для ружей и мушкетов эта зависимость линейна, а для пушек – квадратична. То есть, нужно возвести в квадрат число выстрелов из пушек каждого войска, чтобы получить эффективность артиллерии. Десять ядер в минуту дадут сто баллов успеха, а двадцать ядер в минуту – четыреста. И простите, маэстро, я не вижу тут места для героизма.

Генерал Дезерей произнес:

– Сеньорита, мне в пору пожалеть, что вы родились в эсфере искусства, а не военного дела.

Альваро воздел руки к небу:

– О, Древние, услышьте меня и генерала! Перенесите сеньориту Беатрис в эсферу войны, ибо в искусстве ей делать нечего! Какой читатель захочет считать число выстрелов? Да любой уснет над книгой от одних слов «квадратичная зависимость». Яркость чувств, красота поступка, драматизм выбора – вот чего мы хотим от искусства! Книги формируют наши взгляды на мир. Пока мы знаем, что благородство решает исход битвы, – мы хотим поступать благородно. Если поверим в чушь, будто важно лишь число стволов и ядер, – никто вовсе не захочет служить! Быть заряжающим придатком к мортире – это ли не жалкая участь! Не удивляйтесь потом, генерал, что все солдаты разбегутся, и война не состоится вовсе.

– Ах, – только и выронила Беатрис.

Дезерей сказал:

– Не примите в обиду, маэстро, но мои взгляды гораздо ближе к мнению сеньориты, нежели к вашему.

Приняв самый хладнокровный вид, Альваро стал размышлять о том, как отомстит этим двум негодьям. Генерала Дезерея стоило было бы хорошенько высмеять в книге – но увы, честь писателя этого не допускает. Что ж, можно хотя бы отдать максимум лестных эпитетов пирату, а генералу спустить остатки. Зато на Золотом Пере – отыгаться с полной силой! Экзамен, дорогая сеньорита, вас точно ждет экзамен!

Сигнал горна возвестил окончание обеда. Расчеты рысцей побежали к орудиям, инспектирующие офицеры неспешно потянулись к наблюдательной высоте.

И вдруг Дезерей сказал каким-то иным голосом – натянутым, тревожным:

– Маэстро, что вы думаете об империи Дангар?

– Нахожу удовольствие в том, чтобы не думать о ней, – усмехнулся Альваро. Но тут же ощутил стыд: Дезерей ожидал никак не шуток. – Виноват. Дангар – пережиток прошлых веков, если не сказать тысячелетий. Громадное уродливое чудовище, вскормленное горем рабов, или камней – так у них зовутся невольники. Сам ход истории обрекает это государство на гибель. И весь мир вздохнет с облегчением, когда Дангар распадется.

– Пока что он распасться не спешит. Как вы знаете, недавно армии кайзера разгромили олландских князей. Олландия стала фактическим вассалом Дангара. Империя приблизилась свои границы вплотную к нам.

Дезерей сказал это как-то особенно, со смыслом. Альваро не понял намека и даже глянул на друга с просьбой подсказки.

– Генерал, вы думаете, Дангар готовит нападение на нас?

– Так точно, – отчеканил Дезерей. – Мы ненавистны дангарцам по всем причинам, какие только могут быть. У нас иная вера и иной уклад жизни. Мы не одобряем рабства и не молимся на Колодцы. Нас мало, их – много. И, что хуже всего: мы преуспеваем, они – бедны.

Альваро вскричал, пораженный тревогой в словах генерала:

– Но они же не могут уповать на победу! Наша армия – во много раз сильнее их!

Дезерей прищурился:

– Почему вы так считаете?

– Мы обгоняем их, по меньшей мере, на столетье!

– Уверены, маэстро?

– Да, я не сведущ в военном деле, но вот что знаю точно, – да Силва достал пистолет. – Многозарядный револьвер с нарезным стволом и унитарным патроном. Я могу сделать шесть выстрелов за несколько секунд, хотя бы два из них попадут в цель размером с апельсин. Заметьте: я – не снайпер и не офицер, обычный мирный человек. А камни в пехоте Дангара носят гладкоствольные фузеи. Они стреляют полтора раза в минуту, и настолько неточно, что

на стволы даже не ставятся мушки! Если бы против меня одного вышла дангарская рота, я уложил бы человек десять прежде, чем погиб.

Генерал склонил голову:

– Вы правы. Полностью правы, маэстро. Наше оружие намного превосходит дангарское, а наши солдаты – опытнее и отважнее камней. Как раз в этом и состоит угроза.

– Простите?..

– Я покажу наглядно.

Расчеты уже вернулись к орудиям, все ждали только приказа генерала, чтобы возобновить стрельбы. Командиры расчетов в ожидании смотрели на Дезерея. Он встал и скомандовал:

– Четыре бочки на южном краю стрельбища. Картечь. Огонь по готовности.

Командир батареи криком повторил приказ, эхом отозвались командиры расчетов:

– Кар-рртечь! Зар-рряжай!

Заряжающие швырнули в стволы бумажные брикеты с порохом, забили шомполами, зарядили картечные гранаты, дослали шомполами, вставили фитили.

– Цель – четыре бочки на южном краю!

Корректировщик нацелил на бочки оптический прибор и сообщил данные для прицела. Наводчики покрутили рукояти на лафетах, пушки повернулись к цели жерлами стволов. Наводчики подняли руки, сигнализируя готовность. Командир батареи кивнул:

– Огонь.

Командиры расчетов выкрикнули:

– Огонь!

Вспыхнули факела в руках стрелков.

– Пли!

Факела коснулись фитилей. Батарея изрыгнула картечь. Хвосты дыма выплюнулись из стволов, пушки дернулись назад под силою отдачи.

Секунду спустя бочки разлетелись на куски. Первые же выстрелы разнесли их в щепу, облако древесных осколков взметнулось над землей. Новые попадания пришлись туда же, дробя щепки еще мельче: в труху, в серый туман.

Последнее орудие откатилось после выстрела. Упала тишина. Уничтоженное вещество бочек пылью оседало наземь.

– Тысяча чертей... – выронил Фернан.

– Потрясающе!.. – молвила Беатрис, блестя глазами от восторга.

Альваро сказал:

– Простите, генерал, но ваш пример доносит обратную мысль. Выучка и меткость батареи – невероятна!

– Пример не окончен, – произнес Дезерей. И громко, чтобы слышали расчеты, прокричал: – Воины Лаэртты! Ответьте на вопрос! Что будет, если на нас нападет империя Дангар?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.